

Предисловие к роману

Да простят меня те, кому написанное покажется слишком ужасным.

Моей целью не было напугать людей некоей висящей в воздухе угрозой, создать ощущение опасности, неуютности жизни, но показать, что всё это вполне может стать реальностью, если мы и в дальнейшем намерены отказываться понимать друг друга.

И тогда вполне нормальный человек, наш, близкий, едва ли не родной, сможет легко свернуть на тропинку, ведущую в дебри непредставимых кошмаров.

Опасность эта тем коварнее, что практически любой из нас может очутиться на этой тропинке, где незаметно для себя окажется вправе предать и своими руками уничтожить всё самое дорогое в своей жизни, если только позволит другим навязать ему какие-то мифические представления о «вере», «духовности», «справедливости», «долге», не имеющие ничего общего с тем, что человек по воле Бога обязан любить и беречь прежде всего.

Автор

Михаил Баженов «Небесные весы Мизан», роман
ISBN 978-0-615-50228-1
Copyright 2011. Все права защищены.

Михаил Баженов

Небесные весы Мизан

*И вот сотворил Господь Всевышний смерть
и сокрыл её от всех своих остальных творений за тысячью покрывал,
и была эта смерть больше небес и земли,
и связал её Всевышний семьюдесятью тысячами цепей,
длина каждой из которых – тысяча лет пути.*

Предание от Мухаммеда

ЧАСТЬ 1

12 декабря 1991 года

Бывший пионерский лагерь у селения Сержень-Юрт, Чечня

– ...И помни: момент, когда тебе надо будет сделать своё дело, может прийти через годы. Но ты каждую секунду должен быть готов выполнить священный долг и ждать всё это время так, как будто от тебя и только от тебя зависит судьба твоего народа. Нас так мало, что никто не имеет права быть слабым!

Джохар Дудаев воспалённым взором заглянул в глаза Руслана и порывисто обнял его, уколол щёку жёстким седеющим усом. – Я верю в тебя! В нас течёт одна кровь.

Президент стремительно вышел. За ним, зачем-то ещё раз свирепо обшарив Руслана ненавидящими взглядами, последовали увешанные разнокалиберным оружием телохранители.

Он в очередной раз ощутил себя статистом, случайно оказавшимся на съёмках какого-то дилетантского фильма про войну: парадно-полевая форма президента Республики Ичкерия¹ напомнила ему не то мундиры эсэсовцев дивизии «Мёртвая голова» из киноэпопеи «Освобождение», не то наряды азиатских эмиров с почтовых марок старинных колоний.

«Так получается, я буду чеченским Штирлицем в тылу врага. Вот только разницу между врагами и своими мне предстоит определять

¹ Ичкерия – внутренняя область Чечни, считающаяся колыбелью чеченцев, откуда произошли все «чистые» чеченские тейпы. Название, по одной из версий, образовано от кумыкского «ичи гери» – ровная местность среди возвышенных гор. Это имя было дано самопровозглашённому государству в июне 1991 г.

самому», – мелькнуло в несвязных мыслях Руслана, но тут сзади как всегда неслышно приблизился Абу-Бакр и крепко взял его за локоть: – Пойдём, брат. Теперь тебе предстоит дать священную клятву.

– ...Во имя Аллаха милостивого и милосердного! – запинаясь, читал Руслан криво написанные кем-то на бумажке слова, искоса поглядывая на стоящих в строю рядом с ним.

Под вязаными масками никого узнать он так и не смог.

Всё, что водоворотом переменяло его жизнь, произошло слишком уж стремительно. Ещё какой-то месяц назад, томясь на лекции по основам микробиологии, он писал записки друзьям, договариваясь, куда пойти после института – пить пиво в ресторане «Дарьял» на проспект Революции (днём там было дешевле) или пригласить девчонок, с которыми они познакомились в минувшее воскресенье у набережной Сунжи, на новый французский фильм в кинотеатре Челюскинцев...

И вот он вдруг стоит среди пахнущих крепким потом бородатых джигитов в камуфляже и с серьёзным видом, запинаясь читает слова, что ещё вчера показались бы ему взятыми из какой-нибудь исторической книжки, которых было так много в отцовской библиотеке:

– ... Я – раб Аллаха, становясь воином Аллаха...

В тот, навсегда изменивший судьбу Руслана 1991 год, Чечня кипела уже не на шутку.

От искр горбачёвской гласности веками тлеющий Кавказ полыхнул вырвавшимися наружу языками огня, и в воздухе всё ощутимее чувствовался грозный запах большого пожара.

Вокруг сначала исподволь, полушёпотом, но затем всё чаще и громче зазвенело горским клинком слово «независимость», а потом вдруг словно заклинание стало на все лады повторяться имя однофамильца Руслана – генерала Дудаева, слыша которое он первое время вздрагивал, словно неожиданно вызванный к доске школьник. Даже отец – в общем-то далёкий от политики человек, хотя и давний поклонник Авторханова² – восторженно рассуждал о мятежном генерале как о новом чеченском мессии.

Идею «независимости» Руслан до конца уяснить так и не мог. Независимости от кого? И главное – зачем? Он и так чувствовал себя вполне независимым.

² Авторханов, Абдурахман Геназович (1908-1997) – историк-советолог, писатель, публицист и общественный деятель, доктор политических наук. Эмигрант, активный борец со сталинским и советским режимом.

Авторханов в молодости попал в партийную элиту СССР, но в 1937 г. был арестован, подвергался пыткам и имитации расстрела, впоследствии оправдан судом. Во время войны перешёл линию фронта с предложением немцам союза с восставшей Чечнёй. После войны был профессором американской военной академии и председателем её Учёного Совета. Написал целый ряд известных книг по истории СССР и его системе власти.

Ему, только что поступившему на первый курс Грозненского меда, верилось, что эти смутные события обойдут его стороной. Будущее, привлекательно мерцающее впереди, представлялось ясным и прямым, словно линия, прорезанная решительным скальпелем. Жизненный путь отца – известнейшего в республике хирурга Бекмурата Дудаева – с детства казался ему непререкаемым эталоном.

Новость о путче в Москве 19 августа Руслан воспринял с тайным внутренним облегчением, полагая, что теперь-то уж всё точно вернётся обратно к прежним, уютным временам. Однако на его удивление, люди вокруг были уже совсем не те. Многие даже из числа его знакомых без раздумий ринулись защищать ельцинский Белый Дом, цепляясь за подножки забитых поездов, безо всякого расписания отправляющихся в Москву. Насчёт Ельцина никто особенно не обольщался, но победа ГКЧП означала бы для чеченцев, что им не видать независимости ещё многие годы.

Площадь Свободы в центре Грозного заполнилась народом. Кругом строили баррикады и тут же записывали добровольцев в «национальную гвардию». Руслан ходил по ставшим вмиг неузнаваемыми улицам своего города, расцветшего диковинными зелёно-красно-белыми флагами, и с изумлением наблюдал, как на площадях азартно пляшут лезгинку, как под улюлюкания выталкивают из здания Совмина членов парламента, вовремя не осудившего путчистов, с каким устрашающе остервенелым восторгом толпа на площади Минутка скандирует имя выступающего перед ними Дудаева, сделавшегося теперь фактическим правителем Чечни, заглушая его речь выкриками: «Свобода или смерть!»

Стихия народного ликования подхватила даже обычно невозмутимого отца, в восторге выбегавшего на улицу и палившего в воздух из старинной охотничьей берданки, приветствуя приход нового лидера. В порыве экзальтации он даже попытался было найти с генералом родственные связи, однако стремительно охладел к нему сразу после введения запрета на практику мужчин-гинекологов и других шариатских строгостей в медицине.

– А я-то полагал, будто мы уже переросли это мракобесие! – со свойственным ему сарказмом сетовал отец. – Ну зачем, зачем нужно поворачивать цивилизацию вспять? Ислам – самая юная и прогрессивная из всех больших религий, и непростительно глупо превращать её в окостеневшую догму. Неужели мы ничему не смогли научиться на исторических заблуждениях христиан и иудеев?

Всеобщая мобилизация мужчин от 15 до 55 лет была объявлена в конце октября сразу после официального избрания Дудаева президентом, но Руслан поначалу надеялся было, что студентам от призыва удастся отвертеться как в прежние советские времена.

Однако события неумолимо развивались по своей безжалостной логике. Разгневанный самоуправством чеченцев, Ельцин немедленно ввёл на территории строптивой республики чрезвычайное положение, на что Дудаев ответил провозглашением независимости Чечни, заявив о её

выходе из состава Российской Федерации. Конфликт встал на необратимые рельсы.

Восьмого ноября, который по никому не понятной инерции всё ещё оставался праздничным выходным днём, к ним прямо домой завалилось несколько человек в форме дудаевской Национальной гвардии. Семье было торжественно объявлено о зачислении Руслана в элитное спецподразделение армии Ичкерии.

С матерью, испуганно глядевшей на него застывшим взглядом, ему даже не дали толком проститься. Сестрам вообще не позволили выйти из их комнаты. Разрешили лишь несколько минут поговорить с отцом.

Как всегда суровый отец держался прямо и с достоинством, но было видно, что ему нелегко подбирать для единственного сына прощальные слова.

– Нам будет тяжело без тебя, но так, видимо, нужно. Помни, чему я тебя всегда учил, не опозорь свою семью. Сделай всё, что от тебя потребуется для своего народа.

Отец помолчал, потом с неожиданной теплотой обнял его, взъерошив русые волосы, решительно махнул рукой и быстро прошёл к себе в кабинет.

Спустя несколько минут Руслан трясся в равномерно покрытом серой грязью УАЗике, вслушиваясь в громогласные рассуждения гвардейцев о войне, и спазматическими толчками осознавая, что его привычный мир навсегда остаётся на исчезающих в заляпанном окне машины любимых улицах Грозного.

– О чём загрустил, брат? Жизнь у нас теперь весёлая начинается! На, закури, – радостно толкнул его в бок молодой золотозубый джигит в мохнатой папахе, типичный «гурон»³ с зажатым между колен АКМ-ом, и хотя Руслан в жизни курил всего несколько раз, он, вздохнув, неловкими пальцами выскреб сигарету из прыгающей перед ним красно-белой пачки «Мальборо».

Когда жёлтый свет фар заплясал на полосатом шлагбауме, ему в руки сунули пропахшую табаком вязаную маску: – Надевай. Курсантам снимать на территории лагеря строго запрещается. Рассказывать друг другу о себе тоже. Твоё имя в лагере – Ибрагим.

В этом пионерском лагере на левом берегу Хулхулау, с ретроспективно издевательским названием «Смена», Руслан ещё школьником бывал три или четыре раза, однако сейчас почти ничего не напоминало здесь о благодатных советских временах.

Лагерь больше походил на огромную партизанскую базу – под чинарами стояли пятнистые джипы и БТРы с расчехлёнными пулемётами, между растянутыми маскировочными сетками дымились полевые кухни,

³ «Гурунами» городская чеченская молодёжь в те годы презрительно называла джигитов из горных аулов, приезжающих в столицу развлечься.

по асфальтированным тропинкам по-хозяйски расхаживали вооружённые бородатые люди в папахах и чеченских тубетейках – кто в камуфляже, а кто в джинсах. Временами слышалась гортанная арабская речь.

«Откуда это всё взялось? – недоумевал Руслан. Ещё вчера за вполголоса произнесённое слово «независимость» можно было угодить в тюрьму, а сегодня у Чечни уже есть своя собственная армия!»

Кругом, заглушая все остальные слова, всё громче звучало слово «война». О войне все говорили как о чём-то неизбежном и само-собой разумеющемся.

– Время пришло! – возбуждённо повторяли командиры. – И человек, которого ждали чеченцы, тоже пришёл. Но Россия нас просто так не отпустит – за свободу придётся заплатить кровью. Только война даёт отпор войне!

Руслан до конца не мог поверить в возможность войны. Казалось, что несмотря на воинственный настрой, разум в конце концов возобладает, и всё станет на свои места. Да и как может огромная Россия напасть на свой собственный маленький народ? Он почему-то был уверен, что скоро эти военные игры закончатся, и все, утихомирившись, разойдутся по домам.

Впрочем, скоро ему стало не до размышлений. С первого же дня за новобранцев взялись жёстко и серьёзно. Ещё до восхода солнца их без суеты и шума поднимали с лежанок, и после краткой молитвы они бесконечно долго бежали, спотыкаясь, по горным тропинкам, обвешанные тяжеленными сумками с погромыживающими камнями.

После завтрака начиналась огневая подготовка, прерываемая лишь для совершения полуденного намаза. От трескучей пальбы со всех сторон звон в ушах скоро переставал быть слышимым и будто ватой плотно окутывал голову. Они стреляли из автоматов и пистолетов, лёжа, стоя, на бегу, в падении, с разных рук, целясь и навскидку, и очень скоро первой реакцией Руслана на неожиданный шум или движение стало моментальное вскидывание ствола.

Учили их управляться со снайперскими винтовками, противотанковыми гранатомётами и даже с зенитными установками, разъясняли тактические секреты ведения боя в условиях горной местности и в городе.

По окончании обеда следовала ещё одна молитва и «партполитработа» – так Руслан обозвал про себя религиозные занятия. На этих уроках его главной задачей было не заснуть во время распевного чтения Корана.

– ...И никак не считайте тех, которые убиты по пути к Аллаху, мёртвыми... – слышал Руслан сквозь дрему доносившийся речитатив муллы, умудряясь сохранять вертикальное положение только благодаря мерному раскачиванию в такт со всеми сидящими. – Нет, они живые. Они у Господа своего получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из Своей милости...

Руслан, хотя и считал себя мусульманином, однако в глубине души всё-таки не был по-настоящему верующим человеком. В семье его

воспитывали в духе уважения к духовным людям и народным традициям, но в этом не было бездумного религиозного поклонения. Он привык с малых лет относиться к религии скорее как к таинственной детской сказке, окутанной ароматным дымком древности, нежели к обязательным для выполнения нормам поведения и морали, имеющим отношение к нему лично.

Поэтому теперь Руслана иногда даже смешили нелепые или неуклюжие доводы, призванные подтвердить существование Аллаха или неоспоримую истинность Ислама. К счастью, под вязаной маской никто не мог видеть ироничного выражения его лица.

– ...Разве не видите вы птиц, покорных в воздухе небесном – их поддерживает в небе только сам Аллах. Поистине, в этом – знамение для людей верующих!

Однажды он всё же не выдержал и спросил имама, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно более почтительно:

– Скажите, учитель, а почему из этого следует, что истинен именно Аллах? Ведь каждый, кто верит в другого Бога, может привести те же самые аргументы.

Старец сначала опешил от дерзости вопроса, потом задумчиво пожевал губами, и припомнив что-то, торжествующе поднял трясущийся палец:

– Технарям, любителям научных фактов могу предложить аргумент Аллаха на теле человека, который у всех мужчин перед глазами их. Каждый мужчина ежедневно видит, что изливаемая им моча выходит из мочевого канала закрученная по резьбе. Кто это сделал? Неужели слепая природа? Не очевидно ли, что это разумное, чистойшей воды специальное гигиеническое приспособление, сделанное, чтобы человек не обрызгался своей мочой? И только мунафик⁴ после этого может усомниться в существовании Аллаха!

Все окружающие оглянулись на Руслана осуждающими глазницами вязаных масок.

После этого случая он рассудительно решил не играть больше с огнём веры, и, заглаживая немилость, всегда первым вызывался отвечать на задаваемые наставниками вопросы. С его цепкой памятью, ничем теперь не отягощённой, было несложно цитировать почти дословно услышанные единственный раз суры, и скоро даже имамы стали относиться к нему с уважением, как к лучшему знатоку Корана среди курсантов.

Вслед за духовной накачкой их гнали на занятия рукопашным боем. Поначалу ничему особенному не учили: они прыгали друг на друга из-за кустов, с весёлым остервенением дрались деревянными ножами, до изнурения отжимались от земли. Инструктора, посмеиваясь, наблюдали за ними, изредка подсказывая что-то или давая советы. На просьбы показать что-нибудь настоящее, отделялись кратким: «Вы ещё не готовы», или смеялись: «Сначала пусть мышцы на костях нарастут!»

⁴ Мунафик – в Исламе: лицемер, внешне демонстрирующий показную веру и приверженность к добру, скрывая истинное пристрастие к злу.

После Магриба – вечернего намаза – в слабо освещённых корпусах курсантов посвящали в диверсионные хитрости: обращению со взрывчатыми веществами, изготовлению взрывчатки и детонаторов из подручных материалов, правилам закладки устройств, а затем они сразу бежали на ночные стрельбы – на звук или на внезапно вспыхивающий свет.

До палаток они добредали совершенно измождёнными. Занимавшийся в школьной секции дзюдо Руслан всегда считал себя спортивным человеком, но после первых же дней в лагере осознал, каким изнеженным и немощным существом он на самом деле являлся. Путаясь в словах заключительной ночной молитвы сквозь окутывающий сон, он думал, что даже яхь⁵ не заставит его покрытое ссадинами и синяками тело через несколько часов вскочить и проделать то же самое, от чего с каждым днём всё больше ломило все мышцы и суставы.

Однако назавтра всё повторялось, становясь ещё более мучительным. Ему даже приходила в голову мысль убежать из этого невесть зачем вторгшегося в его жизнь лагеря, но он не мог так поступить из страха оказаться опозоренным. Да и сил куда-либо бежать уже не оставалось.

На одной из тренировок по рукопашке задание было как можно быстрее повалить противника на землю. Когда он, пыхтя и наступая на ноги, пытался по-дзюдоистски одолеть упирающегося соперника, дёргая за отвороты его бушлата, на плечо вдруг властно легла чья-то тяжёлая рука.

Недоумённо оглянувшись, Руслан увидел Абу-Бакра – огромного, мрачного бородача с разлапистой медвежьей походкой, который частенько появлялся на занятиях, молчаливо рассматривая новобранцев. Над выглядывающей в разрезе пятнистой формы тельняшкой у него на груди густо сплетались, точно свалявшееся войлочное одеяло, чёрные волосы. Судя по почтительному отношению к нему со стороны инструкторов, он был здесь одним из начальников. В его тёмных глазах постоянно тлели угольки какого-то неугасимого огня.

– Чего ты его жалеешь? – презрительно поинтересовался он. – У тебя не должно оставаться никакой жалости. Ни к врагу, ни к другу, ни к себе.

Крепко взяв Руслана за воротник, он локтем задрал ему подбородок и неожиданным ударом ноги чуть выше колена сшиб на землю. Резкая боль пронзила Руслана от пяток до позвоночника, едва не парализовав его. Он встал, пошатываясь и потирая онемевшую ногу, недоумённо глядя на Абу-Бакра.

⁵ Яхь – дословно: лик, лицо, приличие. Издревле культивируемый у чеченцев комплекс моральных качеств, включающий в себя мужественность, достоинство, стремление быть лучшим во всём. Многие героические сказания, песни и притчи традиционно заканчиваются словами: «пусть не рождает мать сына без «яхь»».

– Ну и что ты стоишь как...? – тот не смог сразу подобрать обидного сравнения и наконец насмешливо изрёк: – Колбаса! – С этим словом он открытой ладонью коротко ударил Руслана в грудь.

Рухнув навзничь в кусты, Руслан несколько секунд не мог дышать. Вернувшийся в лёгкие кислород вспенил в его крови волну оскорблённого достоинства. «Да по какому праву этот человек избивает меня как щенка!? Со мной никто и никогда не смел так обращаться!»

Выкарабкавшись из куста на четвереньках, он вытер кровь с губы и неожиданно бросился на Абу-Бакра, пытаясь ударить его головой в живот. Тот просто досадливо отмахнулся, посторонившись, и Руслан, потеряв равновесие, снова кубарем покатился по траве.

– На войне прав тот, кто сильнее, – назидательно пояснил Абу-Бакр. – Нечестных приёмов там нет. Если попадёшь в мою группу – научу быть сильным, – бросил он уходя.

Руслан затравленно поглядел ему вслед. Он ещё со школьных занятий в секции дзюдо знал за собой недостаток бойцовского честолюбия. Будучи сильнее многих, он быстро набирал преимущество в схватке, но ему тут же становилось жалко надломленного соперника, и он произвольно прекращал давление. Тренер вопил: «Дожимай его скорее! Добей!», но Руслану это казалось неблагородным – и он лишь топтался на месте, джентльменски поддерживая соперника за воротник ги⁶, ожидая пока тот придёт в себя, чтобы заново сразиться на равных.

Однако униженный противник, ощутив ослабление напора, бросился на него с утроенной силой, и в итоге Руслан частенько упускал победу в уже почти выигранных поединках. Тренеры скоро перестали считать его перспективным бойцом, и он занимался в основном для своего удовольствия.

Обезоруживающая бесцеремонность Абу-Бакра словно разом сняла с его подсознания психологические тормоза, и сейчас ему впервые остро захотелось беспощадно растерзать любого соперника, в полной мере доказать своё превосходство, подавляя чужую волю и не давая ни малейшего шанса для сопротивления.

К началу третьей недели он с удивлением начал ощущать какое-то странное удовольствие от усталости и даже боли, всё стало получаться с незаметной лёгкостью, а где-то в глубинах инстинктов разгорался азарт и вкус к противоборству. Порой он испытывал настоящее наслаждение, когда одним уверенным движением ему удавалось сбить с ног особо крупного противника, краем глаза ловя одобрительный кивок всё чаще появляющегося за его спиной Абу-Бакра.

– Хорошего коня раз хлестнёшь кнутом – он целый год резвый, – расслышал как-то Руслан его комментарий и ощутил небывалый прилив гордости.

Долгое время Руслан не мог понять, для какой же цели их так упорно натаскивают в этом лагере. Идеальная обработка не была

⁶ Ги – спортивное кимоно.

скоординирована: арабские муфтии и проповедники пытались вдолбить им ваххабитские ценности и идею всеобщего мусульманского Джихада. Однако переводившие их речи чеченские инструктора частенько вставляли свои собственные комментарии, из которых следовало, что для них важнее высоких идей было практическое отвоевание независимости Ичкерии от России, и уже, возможно, потом – создание Кавказского Эмирата «от Каспийского до Чёрного моря», но только, разумеется, с чеченцами во главе.

Бросалось в глаза, что чеченцы почти неприкрыто относились к исламу лишь как к средству привлечь на свою сторону арабов, получить от них деньги, оружие и политическую поддержку.

Объединяла их лишь ненависть и презрение к России и всем «нечестивым», что поначалу очень коробило Руслана. Среди инструкторов были и десантники, воевавшие в Афгане в рядах Советской Армии, и арабские добровольцы, сражавшиеся в то время против них на стороне моджахедов⁷. Теперь всех сделал братьями грядущий Джихад с Россией. Руслана тогда впервые ожгло парадоксальное осознание того, насколько условной и размытой может оказаться граница между врагами и своими.

Он не испытывал к России ненависти или даже неприязни. Среди его друзей с раннего детства было много русских, евреев, армян. Евреев, правда, в последние месяцы стало в Грозном заметно меньше – своим многовековым чутьём они раньше других распознали признаки надвигающейся грозы и стали исчезать: кто подальше в российскую глубинку, а кто – в Израиль. Руслан не мог этого постичь: как это – уехать из своего насквозь знакомого мира в другой, неуютно-чужой, с непонятными, кем-то установленными правилами...

Однако первый настоящий урок национализма когда-то преподнёс ему, как это ни странно, отец. После драки, затеянной всеми ненавидимым Ильясом Хабиевым, из института собрались отчислить давнего друга Руслана – Сергея Волхонцева, вступившегося за оскорблённую Ильясом девушку. Однако, Сергея представили как зачинщика драки и шовиниста. Все знали, что произошло на самом деле, но ни у кого не хватало духу заступиться – в ту пору как раз претворялся в жизнь лозунг поддержки национальных кадров.

Возмущённый Руслан пришёл к отцу и попросил вмешаться. Одного слова Бекмурата Дудаева перед ректором оказалось бы достаточно, чтобы спасти Сергея.

Он был уверен, что отец, всегда учивший честности и справедливости, немедля бросится помогать его другу. Но к удивлению, всегда по-хирургически решительный отец стал как-то мяться, отводить глаза, а потом сославшись на занятость, попытался и вовсе закончить разговор.

⁷ Участник джихада называется *муджахидом* (моджахедом). Погибший моджахед считается *шахидом*, то есть засвидетельствовавшим свою веру перед Аллахом.

– Папа, но ты же знаешь, что во всём виноват Ильяс, – напрямую заявил тогда Руслан. – Почему ты не хочешь встать на сторону правды?

– Видишь ли, Ильяс – наш дальний родственник по линии матери, и меня многие осудят, если я выступлю против него.

– Но ведь всем известно, что он негодяй! А Сергей – замечательный парень, к тому же он мой давнишний друг...

Отец поправил очки и сказал фразу, потрясшую Руслана на всю жизнь: – Запомни навсегда: любой, даже самый негодный соплеменник всё равно во сто крат лучше самого замечательного русского. Никогда не иди против своих. Ступай, и не вмешивайся в это дело.

Особенно обескураживала Руслана в лагере даже не столько серьёзность подготовки к войне, сколько решимость воевать самыми жестокими методами и способами.

– Во имя Джихада позволено всё, – внушали им. – Можно обманывать, можно убивать женщин и детей, можно совершать грехи, запрещённые Кораном. Главное, чтобы ваши истинные помыслы при этом были обращены к Аллаху. Он один видит всё, он простит вам всё, что пришлось совершить во имя его.

Руслану не хотелось убивать никого, даже во имя Аллаха. До сих пор он был убеждён в том, что его предназначение – спасать людей. Жизнь грубо ломала сложившиеся о ней представления, и он чувствовал себя загнанным за какую-то ограду, откуда уже нет выхода. Порой он вообще переставал что-либо понимать.

Он уже давно не имел понятия о том, что происходит в окружающем мире. Все скудные новости, которые им сообщали, сопровождалась примитивными разъяснениями инструкторов, из которых следовало лишь, что вся планета охвачена пламенем войны мусульман с неверными.

Где-то через месяц многое прояснилось.

Однажды вечером Абу-Бакр забрал его прямо после вечерней молитвы, и молча повёл куда-то по тёмной тропинке вдоль уже покрытых инеем палаток. Наконец они остановились.

– Всё. С завтрашнего дня шутки заканчиваются, – отдельно заговорил Абу-Бакр. – Начинается настоящая подготовка. Президент, да хранит его Аллах, назначил меня командиром отряда организации диверсий в тылу врага. Тебя я беру в самую секретную группу. Элита из элит. Остальные, – он равнодушно кивнул на пробежавшую мимо них группу с автоматами, – пушечное мясо, от них через полгода войны десять процентов останется. А вы – каждый на счету. От любого из вас может зависеть исход борьбы.

– А что это за группа такая? – хрипло спросил заинтригованный Руслан.

– Глубинного внедрения. Будете работать «под крышей» в глубоком тылу врага. На самых разных объектах, куда только сможете проникнуть – в армии, милиции, правительстве, на больших предприятиях, в банках, больницах – у кого какие способности.

Подбираться как можно ближе к наиболее уязвимым местам. «Семнадцать мгновений весны» видел? Только тебе не надо будет ничего по рации в центр передавать – светиться строжайше запрещено.

– А что надо будет делать?

– Ждать. Спокойно работать не покладая рук, быть на отличном счету, но оставаться в постоянной готовности и ждать сигнала. Когда придёт время, разрушим всю их империю к шайтану одним ударом!

Руслан с недоверием посмотрел на него.

– Что смотришь? – усмехнулся Абу-Бакр. – Открытую войну с этой машиной нам не выиграть. Крови мы из них попьём много, но победить можно лишь ударив в нужный момент разом по самым болевым точкам. А этот момент надо долго готовить и терпеливо ждать.

Он сплюнул. – Всё. Остальное узнаешь на занятиях. Завтра у вас – священная клятва в присутствии самого Президента, да продлит Аллах его годы. Он хочет встретиться с каждым из вашей группы лично.

Несмотря на усталость, Руслан в ту ночь долго не мог заснуть. Под волчий вой ветра он пытался расставить в голове по местам то, что ему стало теперь известно. Его одолевали разноречивые чувства: с одной стороны распирала гордость от своей избранности и причащению к настоящим взрослым делам, но вот относительно правильности этих дел он по-прежнему испытывал серьёзные сомнения. Тревожила и необратимость лежащего перед ним пути – он подспудно чувствовал, что встав на него, остановиться или свернуть в сторону вряд ли удастся.

Однако, душа его буквально пела от того, что напрочь исчезло противное ощущение себя в роли наивного барашка, которого ни о чём не спрашивая деловито готовят к закланию. Напротив, ему приказано жить и заниматься своим любимым делом – медициной. И главное: он не должен будет никого убивать. По крайней мере, в ближайшее время.

Невероятным везением казалось и то, что ему доверяют настолько, что собираются практически предоставить самому себе. «Ну и что же я мучаюсь? – наконец с каким-то ожесточением одёрнул он свои сомнения. – Мне пока никто не приказывает совершать что-то ужасное. Ну а там – всё как-нибудь разрешится само собой. Отказаться делать то, с чем не согласен, никогда не поздно – даже в Коране говорится, что Всевышний всегда оставляет человеку выбор между Добром и Злом», – с облегчением решил он, безмятежно засыпая.

Утро выдалось пронизывающе холодным. Декабрьский ветер нёс с предгорий колючий мелкий снег. Шерстяная маска, которая так раздражала его в первые недели, по такой погоде была очень кстати.

При выходе из столовой после завтрака кто-то молча взял его за руку и решительно направил к уже построенной в стороне группе человек из шестидесяти, перед которыми расхаживал озабоченный чем-то Абу-Бакр, разговаривая по рации. Увидев Руслана, он лишь показал пальцем на его место в строю.

Руслан украдкой огляделся, но не смог узнать никого из тех, с кем он несмотря на строгий запрет всё же познакомился за эти дни. Почти

без слов их повели к отдалённому строению, вокруг которого густо толпились вооружённые люди, а у двери с ручными пулемётами наперевес стояли в ряд национальные гвардейцы.

Перед входом их тщательно обыскали, после чего провели в большую комнату и рассадили на стоящие посередине обшарпанные стулья. В комнате воцарилась почти полная тишина – слышалось лишь поскрипывание стульев, да изредка чей-то приглушённый простуженный кашель.

Через несколько минут принялись заводить по одному в обитую свежешапающей кожей дверь, неуместно шикарную в этой аскетической обстановке. Имен не называли – просто указывали пальцем и кивали головой в сторону двери, перед которой, расставив ноги, стояли ещё более свирепые на вид гвардейцы.

При входе его зачем-то обыскали ещё раз, правда на этот раз больше для вида. – Когда войдёшь – снимешь маску перед Президентом, – тихо сказал ему кто-то, подталкивая в спину.

Руслан оказался в просторном зале, в другом конце которого за огромным столом сидел, как ему показалось, очень небольшой человек, кого он даже не сразу узнал. Возможно, тот выглядел меньше оттого, что его окружали настоящие гиганты, обвешанные всевозможным оружием. От растерянности Руслан позабыл о маске.

– Маску – снять! – грозно крикнул кто-то из охранников, и Руслан поспешно стащил с головы шерстяной чулок.

– Руслан Дудаев, – спокойно объявил кто-то. Президент с интересом поднял голову от лежащих перед ним бумаг и вышел из-за стола.

– Сын Бекмурата Дудаева? Докладывают, один из лучших курсантов. Что-ж, неудивительно: породистый птенец в гнезде петля начинает. Подойди сюда, дорогой мой – я хочу тебя обнять.

Он решительно двинулся навстречу Руслану, и телохранители, заметно напрягшись, приподняли стволы. – Твоя семья – гордость чеченской нации. Я лично позабочусь, чтобы с ними всё было в порядке. Тем более мы, кажется, родственники? Вы ведь тоже из тейпа Ялхорой?

Генерал остановился в шаге от Руслана, пристально глядя на него: – Что-ж, твоя судьба могла быть другой, но мы не выбираем время – время выбирает нас. Может быть то, что тебе предстоит сделать, окажется для нашего народа ещё важнее того, чем всю жизнь занимался твой отец. И может быть то, что он воспитал такого сына – его главная заслуга перед Ичкерией.

Он помолчал. – Наша страна надеется на тебя. Чечне предстоят очень нелёгкие испытания. Трудно сказать, кому будет тяжелее: нам, проливающим кровь на своей земле, или вам – кто, стиснув зубы, должен будет ждать нужного часа вдали от Родины. И помни: момент, когда тебе надо будет сделать своё дело, может настать через многие годы. Но ты каждую секунду должен быть готов выполнить священный долг и ждать всё это время так, как будто от тебя и только от тебя зависит судьба твоего народа. Нас так мало, что никто не имеет права быть слабым!

Президент воспалённым взором заглянул в глаза Руслана и порывисто обнял его, уколов щеку жёстким седеющим усом. – Я верю в тебя! В нас течёт одна кровь.

– ...Я – раб Аллаха, становясь воином Аллаха, – запинаясь, читал Руслан написанные кем-то на бумажке слова священной клятвы.

Как и обещал Абу-Бакр, круто изменилось многое. Их группу перевели из палаток в тёплый барак в отдалённом уголке лагеря, и даже кормили в отдельной столовой, так что с этого времени они почти не видели остальных курсантов.

Занятия теперь стали намного более качественными, а по многим дисциплинам чуть ли не индивидуальными – на каждые три-четыре человека у них приходилось по инструктору. Абу-Бакр частенько вёл некоторые уроки сам, особенно по рукопашному бою с оружием и без. В этом деле он являлся бесспорным авторитетом.

Физически Руслану уже было почти совсем не тяжело. Он с лёгкостью и даже удовольствием бегал по горам, набивая в истрёпанную сумку побольше камней, возился с гирями и штангой, по многу раз повторял сложные комплексы упражнений на дыхание и растяжку. В рукопашке его признавали одним из лучших. Измождённо падая в ночной тишине на лежанку, он испытывал ощущение хорошо сделанного за день дела.

И вообще ему даже стало нравиться то, чем они занимались. Ещё никогда он не чувствовал себя таким сильным и уверенным в себе. Он уже сейчас знал и умел столько, что, казалось, мог бы единолично развалить инфраструктуру какой-нибудь небольшой страны. Не очень хотелось думать, что все его знания и навыки, обрётённые в духе здорового соперничества, годятся лишь для разрушения и чьей-то гибели. Но пока это казалось несуразной абстракцией, и он гнал такие мысли прочь. Романтика игры в войну захватывала его словно в детстве.

Стреляли они теперь, правда, гораздо меньше – только из пистолетов и снайперских винтовок разных систем, да и то в основном для тренировки твёрдости руки. «Пистолетов у большинства из вас не будет. Вашим главным оружием должна стать вера» – беспрестанно внушали им. Владение ножом, однако, отрабатывали с ними до совершенства – «настоящий горец рождается и умирает с ножом».

На специальном полигоне они занимались вождением автомобиля, изучением улиц Москвы, Санкт-Петербурга, других больших российских городов. Руслан и до лагеря умел неплохо водить. Ещё старшекласником он любил после вечеринки с друзьями лихо прокатиться, дудя в клаксон отцовской «Волги», по ярко освещённому ночному проспекту Ленина, попав однажды из-за этого в неприятный переплёт: машину занесло, и задним крылом он задел пешехода на перекрёстке. На его счастье, начальник районной милиции оказался пациентом отца, и дело закрыли,

списав вину на прохожего, но отец после этого случая несколько месяцев не давал ему ключей от машины.

Здесь их учили «экстремальному» вождению: разворачиваться на месте, выруливать из заносов, носиться, не тормозя, по льду и снегу, преследовать и уходить от погони.

Особое внимание уделялось доскональному знанию Москвы. «Работать вы будете в разных местах, но, в конце концов, всё сойдётся в Москве. Там их сердце».

Москва представлялась ему таинственной и волнующей страной. Там он бывал только однажды в возрасте двенадцати лет с отцом, и помнил лишь ощущение невероятной энергии огромного города, спешащего мимо него по миллионам важных дел, пренебрежительно не замечая маленького провинциального мальчика со смятым рублём в кармане смешного пальто. Теперь он с особым вожделием ожидал наступления поры, когда ему предстоит завоёвывать и подчинять себе этот исполинский высокомерный мегаполис.

Поначалу Руслану очень не хватало чтения. С ранних лет он привык постоянно что-то читать, и, порой к насмешкам окружающих, читал всё, что попадалось на глаза, даже объявления на столбах и рекламу в автобусах. Здесь учебников у них не было, кроме Корана читать было практически нечего, да и казалось даже смешным представить себе художественную книгу в окружающей суровой действительности.

Однако спустя какое-то время ему стало даже комфортно от этого лёгкого туманного вакуума, образовавшегося внутри головы, которую больше не надо было лихорадочно забивать нужными и ненужными знаниями, в большинстве своём годящимися лишь для следующего институтского экзамена. Теперь на очистившийся лист памяти огненной вязью плотно укладывались торжественные строки вечного Корана:

*Вот приведётся человек на суд и принесут за ним
девяносто девять книг его грехов,
каждую из которых не объёмлет взор!
и положатся эти книги на левую чашу небесных весов Мизан ⁸
и устрашится человек,
ибо не найдётся у него дел для правой чаши,
но скажет Аллах Всевышний: Принесите его хорошее дело.
и принесут один лист бумаги с надписью на ней:
нет Бога кроме Аллаха!
и когда положат этот лист в правую чашу,
она перевесит девяносто девять великих книг грехов этого
человека!*

⁸ Слово «мизан» в Коране обозначает истинную меру весов. Речь идёт о весах, на которые будут положены деяния людей с целью определить их окончательную судьбу в День Страшного суда.

На чтениях Священного Писания он теперь не дремал, а всё внимательнее вслушивался в старинные стихи, которые уже не казались столь бессмысленными и оторванными от реальной жизни. Многие высказывания древних напротив были полны полезных житейских рекомендаций:

*Человеку для жизни достаточно совсем немного пищи.
Наполняйте же одну треть желудка едой,
вторую – водой,
а оставшуюся часть – воздухом.*

Стесняясь поначалу признаться в этом самому себе, он незаметно полюбил религиозные занятия: сначала за то, что на них можно было перевести дух и спокойно расставить по порядку разрозненные мысли, но потом постепенно стал находить там всё больше ценного для своего молодого жадно-пытливого ума.

Некоторые доводы преподавателей заставляли всерьёз задуматься. Действительно, почему так получилось, что почти вся нефть на Земле дана именно мусульманам?

Им показывали расцвеченную карту мира: – Посмотрите сами: практически везде, где есть нефть – мусульманские земли. На Кавказе – Чечня, Дагестан, Азербайджан, зато ничего не досталось гяурским⁹ государствам Грузии и Армении. Россию кормят Татарстан, Башкирия, Удмуртия, Тюмень... Даже в огромном Китае – нефть есть только у братьев-уйгуров в Синьцзяне. Индонезия – страна с самым большим числом мусульман в мире, вся арабская Северная Африка, Ближний и Средний Восток – это сплошь нефть, тогда как в Израиле, проклятом Аллахом, её нет ни капли!

Любуясь явным эффектом на впечатлённых слушателей, имам пояснял: – Нефть – это кровь Земли. Отдавая её избранным, Аллах таким образом явил верующим в него свою любовь и милость. А там, где есть нефть, но нет мусульман – что-ж, это знак Аллаха, что земли эти либо когда-то были, либо должны будут стать мусульманскими.

Помимо изучения Корана, им много рассказывали об истории чеченского народа, и несмотря на то, что отец часто беседовал с ним о национальной культуре, Руслан, как выяснилось, и понятия не имел о многих вещах. Он безусловно знал, что чеченцы были самым первым населением на территории всего Кавказа, и что традиции и язык они унаследовали от самого Ноя, которого считают своим отцом¹⁰.

Но он никогда прежде не слышал, что чеченцы приняли ислам одними из первых еще при жизни пророка Мухаммеда, посетив его в Мекке, и с глубин истории по сей день арабы называют их Шейшан, что в

⁹ Гяур (*или* Кяфир) – отрицающий Бога, неблагодарный Богу, неверующий, язычник

¹⁰ Одно из самоназваний чеченцев – «нохчи» – что означает «сыновья Ноя».

переводе означает «образцовые». От этого арабского слова, оказывается, и пошло русское название «чеченцы».

Впервые взял он с волнением в руки и старинный моральный кодекс вайнахов¹¹ «Заветы приличия и достоинства», оказавшийся очень созвучным с тем, чему их сейчас учили: «...Познай самого себя и свою родословную. Ты смертен, но физически смерти не бойся, бойся жизни без «яхь» и веры, жизни без приличия и достоинства. Кто теряет «яхь», веру и дух, тот теряет свободу...»

Руслан, безусловно, слышал о депортации чеченцев и ингушей в глухие земли Казахстана и Киргизии, устроенной Сталиным как наказание за «пособничество фашистским оккупантам» во время Великой Отечественной войны. Об этом, хотя и вполголоса, но говорили даже в школе.

Его отец ребёнком пережил то 13-летнее испытание, но неохотно вспоминал смутное время, полагая, что в интересах будущего эту страницу истории стоит поскорее перевернуть. К тому же, считал он, говоря о выселении, нельзя было обойти молчанием вопрос об ответственности старшего поколения за неказание сопротивления властям, а это могло привести к потере уважения стариков со стороны младших.

Из-за скудной осведомлённости Руслан довольно критично относился к описываемым (обычно шёпотом) ужасам депортации, полагая, что всё это наверняка преувеличено и правда, как всегда, лежит где-то посередине.

Теперь выяснилось, что действительность была куда страшнее слухов. Только сейчас он узнал, что во время поголовного выселения и за годы ссылки погибла едва ли не половина чеченского народа. Курсантам показывали копии документов, свидетельствующих, что это был безжалостно спланированный руководством СССР геноцид целого народа.

Отдельные факты заставляли до боли сжимать кулаки: шесть тысяч чеченцев из дальних поселений, которых из-за снегопада и бездорожья не успели доставить к отходу эшелонов, просто расстреляли и утопили в озере Галанчож, чтобы «не портить отчётность». А в ауле Хайбах живьём сожгли более 700 человек, задерживающих передвижение колонн, поскольку среди них в основном были больные, старики, беременные женщины и дети.

Чечено-Ингушетия была упразднена. Сёла переименовывались, названия улиц и населённых пунктов писались с тех пор по-русски. Здания и памятники, напоминавшие об изгнанниках, разрушались. Кладбища стирались с лица земли. Чеченский народ исчез из энциклопедий и школьных учебников. В покинутые дома вселялись русские и украинские крестьяне и беженцы, потерявшие в годы войны

¹¹ Вайнахи – группа народов Северного Кавказа, говорящих на родственных нахских языках: чеченцы, ингуши, некоторые другие малые народности.

своё жильё. Все происходило так, словно чеченцы никогда и не жили в этих краях...

– Вот чего хотела и едва не сделала с нашим народом Россия! – с гневом говорили им. – Нас спасла лишь негибная вера и мужество всей нации. А русским мы за это до сих пор ещё не отомстили...

С ними подробно разбирали национально-психологические особенности, привычки и обычаи русских. Для этих целей были приглашены чеченцы, многие годы прожившие в Москве, и Руслан с удивлением впитывал обилие неизвестных прежде деталей, хотя ему всегда казалось, что он своим поведением мало чем отличался от русского.

То, что русские любят выпить, конечно же не было секретом для чеченцев, всегда насмехавшихся над этой варварской привычкой большого соседа. Однако выросший в Грозном Руслан и не подозревал, в какую повсеместную и повседневную традицию превратилось в России не просто питьё, а надирание до скотского состояния.

– Русские – пьяницы по рождению и воспитанию, – объясняли им. – Они всегда были способны променять на бутылку всё что угодно, а сейчас это сделалось чуть ли не признаком настоящего мужчины. За рюмкой решаются дела, делается бизнес, даже политика. Ну посудите: если сам президент – алкаш, без стеснения появляется пьяным перед всем светом, то конечно же все сверху донизу не гнушаются брать с него пример.

Не выпить с кем-то – значит показать неуважение, выпасть из круга «своих». Ни в коем случае никогда не отказывайтесь ни под какими вежливыми предложениями! Водка на самом деле очень сильное оружие – подпавая человека, можно узнать много важного; необходимо только уметь отфильтровывать от пьяной болтовни нужную информацию.

Но самое главное при том – удерживайте себя от продолжения пьянки. Хотя на продолжении тоже всегда настаивают, однако на следующее утро уже мало кто помнит, чем всё завершилось накануне. Напротив, будучи самым трезвым есть возможность оказать собутыльникам помощь в трудной ситуации, а это запоминается и очень высоко ценится. Поэтому будьте как настоящие горцы – пейте, но оставайтесь трезвыми.

Неприятно поражало Руслана вошедшее в норму у русских пренебрежение к старшим по возрасту. Заслуг старых людей они не помнят – говорили им – их опыт и мудрость не почитают. Поэтому старайтесь не показывать своё уважение к старикам, уступать им место, особенно вставать при их появлении – это сразу выдаёт нерусское воспитание. Спрашивать о здоровье родителей, как это принято на Кавказе, может оказаться даже невежливым – у многих русских родители живут одиноко, и дети не видят их годами.

Русские не общаются, а иногда даже и вовсе не знают своих ближайших родственников – двоюродных, а тем более троюродных братьев, дядьёв, не говоря уже о дедах.¹²

Однако основным из культурных отличий было совершенно иное отношение к женщинам, даже в бытовых мелочах. Когда Руслан с изумлением узнал, что русские всегда и всюду пропускают женщин вперёд, ему наконец стала понятна его прошлогодняя оплошность, когда перед дверями модного грозненского бара он встретил приятеля в сопровождении двух ярко разодетых блондинок с явно не местными, непринуждёнными манерами. Выяснив, что это гости из Москвы, Руслан с воодушевлением ринулся вперёд и первым ворвался в тёмный прокуренный бар, гостеприимно распахнув за собою дверь.

Проходя мимо него, подруги хмыкнули: – Тебя, красавчик, в твоём ауле разве не учили, что женщин вперёд пропускать надо?

«Меня-то учили как-раз наоборот – мужчина первым должен идти навстречу неизвестности, оберегая женщину», подумал сконфуженный Руслан, но объяснять ничего не стал. Просто гордо ушёл за другой столик к знакомым. Теперь от этой привычки надо было избавляться, хотя никакой логики в том, что женщина должна первой войти в переполненный бар или незнакомый дом, он решительно не видел.

Особое неприятие у курсантов вызвала рекомендация не реагировать болезненно на выражение «ё... твою мать».

– Э-э, нохчи, как так?! – вскочил с места один из парней. – Он, значит, скажет мне, что он маму моюал, а я должен ему улыбаться и водку с ним пить?!! Да башку отрежу на месте!

Им терпеливо разъясняли, что русские используют это выражение настолько часто, что оно утратило свой дословный смысл, и служит уже не как ругательство или оскорбление, а просто как фигура речи, когда надо подчеркнуть удивление, лёгкий упрёк, а то и даже покровительственную симпатию к собеседнику. Руслан молчал, хотя в душе его тоже всё протестовало. От одной мысли о всяком неуважительном упоминании своей или даже чужой матери, кровь бросалась ему в лицо, и он был готов разорвать на куски посмеявшегося это сделать невежу.

После долгих споров их убедили, что необходимо научиться пропускать эти слова мимо ушей и не воспринимать как личную обиду, однако самому лучше никогда не употреблять: мало того, что богопротивный грех, так это ещё может оказаться в некоторых ситуациях крайне оскорбительным – и такую тонкость трудно уловить, не будучи исконным русским.

В целом отношение к русским женщинам было презрительным: «Они все там бляди, распущенные. Молодых интересуют деньги и красивая жизнь. Те, кто постарше, особенно если с образованием –

¹² Чеченским мужчинам положено знать своих родственников до 7-го колена, женщинам – до 8-го.

мужей ни в грош не ставят, падки на романтику, любовь-морковь, красивых молодых ребят. Когда надо – пользуйтесь, играть на этом очень легко».

Более того, их уверяли, что к русской женщине всегда необходимо приставать, чтобы она не почувствовала себя оскорблённой недостатком внимания. «Да они и так липнуть к вам будут, и замужние и холостые, – говорил им пожилой преподаватель, осуждающе покачивая головой. – Некоторые даже сами предлагают совершить зина¹³. Всегда надо иметь наготове уважительную отговорку, иначе обижаются».

«А вообще – русской нации как скоро придёт, они вырождаются: женщины не желают детей рожать, хотят жить лишь для себя, мужчин не уважают, совсем не боятся. Народная мудрость недаром гласит: портится мужчина – испортится семья, портится женщина – испортится весь народ».

Всё это казалось Руслану преувеличением. Он знал многих русских девушек, но они вели себя хотя и не как настоящие чеченки, однако всё же довольно пристойно. Может быть оттого, что жили среди чеченцев?

Но в любом случае, предвкушение предстоящих знакомств с раскованными девушками (тем более, что это будет оправдано выполнением секретного задания!) греховно будоражило его молодое воображение. Затаённой сладости добавляло и то, что ему на самом деле всегда ужасно нравились блондинки – куда больше, чем контрастные, смуглые соплеменницы. Особенно отчего-то претил ему так часто встречающийся на Кавказе восточный дымок бакенбардов на рдеющих девичьих щеках.

Возможно, это происходило ещё и потому, что он сам выглядел совсем не типичным кавказцем: зеленоглазый, светлокожий, со слегка вьющимися тёмно-русскими волосами, из-за которых он и получил своё имя. Руслан, не рисуясь, гордился своей внешностью и в глубине души был уверен, что светлые люди – это более высокая ступень эволюции.

Он всегда понимал, что родня не позволит ему взять в жёны славянку, но ещё в детстве утешал себя надеждой на то, что если в раю действительно есть гурии, то они не все поголовно с пылающими жгучими взорами, а непременно попадают и с нежно-молочной кожей, льняными волнистыми кудрями и ясными голубыми глазами.

Особое внимание уделялось очень щекотливой теме – обрезанной крайней плоти. Скрыть это вряд ли удастся, предупреждали их. Русские любят совместные посиделки в банях и наверняка обратят внимание на этот факт, не говоря уже о женщинах. Рекомендовалось свести внимание любопытствующих к минимуму, как бы нехотя, между прочим, объяснив: – Да, бабушка по матери еврейкой была, вот и обрезала, пока родители в командировке находились.

Так что, говорили им, придётся пойти и на это двойное унижение – не только от своей веры и национальности неоднократно отречься, но

¹³ Зина – прелюбодеяние, блуд

ещё и к иудеям себя причислить. Но главное, чтобы при этом Аллах оставался в вашем сердце – тогда грех отступничества Он простит, ведь это направлено на служение Ему. Только всякий раз должно давать Ему при этом мысленно клятву верности.

Муллы наставляли: – Ещё многим вы будете вынуждены пожертвовать, много грехов добровольно принять на себя. Вы должны будете брить бороду. Вам придётся прилюдно есть свинину, ибо русские по нечистоте своей её очень любят, и отказ может вызвать ненужные подозрения. Однако же Коран предусмотрел и такую ситуацию, ибо сказано в нём: «Но кто принужден будет к такой пище, не будучи своевольником, нечестивцем, на том не будет греха: Бог прощающий милостив».

У вас не будет возможности посещать храм и даже приближаться к нему. Вы не сможете угождать Аллаху молитвой в пяти временах в течении суток. Делайте же это внутренне: храните Аллаха в душе своей, и он с помощью ангелов своих будет хранить вас от опасностей и скверны. Дело Аллаха побеждает!

Среди всех учителей религии Руслану особенно нравился один имам, напоминавший ему деда по материнской линии, которого он обожал в детстве, но помнил очень смутно. Шейх Бамматгирей-хаджи своими спокойными, глубокими рассуждениями пробудил в нём искренний интерес к Корану и способность прочувствовать красоту его суровой мелодичности.

Бамматгирей-хаджи читал суры негромко, нараспев, подолгу тянул гунды¹⁴, и сложный синкопический ритм завораживающего речитатива постепенно входил в резонанс с душевным состоянием Руслана, создавая ощущение будто чистая вода вымывала накопившиеся в голове спутанные в клубок вопросы и наполняла её кристальной ясностью.

*...Никто не может Истину тебе поведать,
кроме того, кто сведущ в Ней,
хранит Её и вам в Писании низводит.*

Однажды Руслан задал имаму всё ещё продолжавший мучать его вопрос: – Скажите, учитель, ведь Ислам – означает «мир». Почему же мы готовимся к войне, и это не считается грехом?

Старик посмотрел на него своими мудрыми печальными глазами: – Ты разве не обратил внимания на строки Корана: «Когда Аллах Могущественный и Величественный спустил Адама на землю, он сказал: *Стройте для разрушения, и умножайтесь для уничтожения*»? Значит сердце твоё ещё не открылось для очевидного. Ведь говорится, что никакие рассуждения не в состоянии указать человеку путь, которого он сам не хочет видеть.

Смысл этих слов ясен, если связать их с данной сурой:

¹⁴ Гунда – долгий, усиленный носовой звук буквы Н. Отсюда – «гундосить».

*Вам предписана война, и она вам крайне отвратительна.
Но, может быть, вы чувствуете отвращение от того,
что есть добро для вас,
и, может быть, любите то, что зло для вас.
Аллах знает, но вы не ведаете.*

Руслан поразился: как это он сам, не раз видевший эти слова, только сейчас постиг истинное их значение!? Ему сразу стало легко и спокойно на душе...

Когда ранней весной каждый из них должен был выбрать себе духовного наставника – устаза, Руслан, внутренне робея, подошёл к шейху и попросил его взять в свои мюриды¹⁵. Старик вместо ответа ласково обнял его, и у Руслана, не привыкшего к такому обращению даже в семье, на глаза навернулись слёзы.

Обряд посвящения в мюриды был по-горски простым и красивым. Поздним вечером при свете факелов шейхи брали за руку принятого ученика, спрашивая, обязуется ли тот признать в душе святость избранного наставника, установить с ним неразрывную духовную связь и абсолютно верить ему.

Сдавленным от волнения голосом Руслан произнёс: – Клянусь!

Потом они все хором стократно пропели краткую молитву «Ла иляха илля-л-Ла» («Нет Бога кроме Аллаха»), и начался громкий праздничный ритуал кругового зикра¹⁶.

Под торжественный барабанный бой они встали кольцом, положив друг другу руки на плечи, и начали медленные ритмичные телодвижения, переступая сначала неторопливо, потом всё быстрее и быстрее, пока движение не превратилось в бешеный бег по кругу против часовой стрелки, сопровождаемый неистовыми воинственными выкриками.

Глаза окружающих его парней горели в прорезях масок ярче факелов, трепещущих на холодном горном ветру, и подхваченный общим порывом Руслан вопил со всеми до хрипоты, дрожа от неведомого ему прежде восторга приобщения к чему-то сверхъестественному. Он переживал полную уверенность, будто святой дух действительно только что снизошёл на них с чёрных небес, и нет отныне на Земле такой силы, которая могла бы сломить волю этих воинов, ещё вчера бывших незрелыми юнцами.

Незаметно пролетел год. Руслан уже с трудом представлял себе иную жизнь. Всё, что происходило с ним ранее, выглядело чем-то маловажным и до смешного детским. Казалось, он лишь недавно выучился дышать полной грудью, смотреть на мир открывшимися глазами и ощущать себя настоящим мужчиной. «Настоящие мужчины рождаются только в горах» – с гордостью повторяли все вокруг.

¹⁵ Мюрид (арабск.) – ученик (дословно «сила воли», «самоуважение»), желающий посвятить себя исламу и овладеть основами суфизма.

¹⁶ Зикр – коллективное радение. Согласно традиции, обряд символизирует кружение ангелов вокруг трона Аллаха.

Его пьянило неведомое прежде романтическое чувство горского родства, истинного кровного братства, хотя они так ни разу и не увидели лиц друг друга и знали только вымышленные имена, данные каждому перед началом обучения. Но оказалось, что так можно гораздо лучше узнать истинное лицо человека, не искажённое обманчивыми чертами наружности, незамутнённое ненужными биографическими данными. Да и к тому же – в этом лагере все они стали совсем другими. Ему всё чаще чудилось, будто Ибрагим – его подлинное имя.

Руслан твёрдо знал, что каждый из них не раздумывая отдаст за другого жизнь, и был готов без колебаний сделать это сам. Они как могли помогали друг другу, и это было таким же естественным, что и дыхание.

Отношение к ним всем со стороны инструкторов становилось всё более уважительным и даже бережным. В отличие от первого месяца лагеря, на них давно уже никто не прикрикивал – даже если кто-то ошибался или не мог выполнить задания, преподаватели не повышали голоса, а терпеливо подсказывали как следует сделать. Грани различий с учителями как бы постепенно стирались – всё это больше становилось похоже на отношения старших и младших товарищей или братьев. Даже обычно суровый Абу-Бакр держался просто и порой по-семейному добродушно.

Теперь они часто охотились вместе в горах, готовили еду, танцевали вокруг костра. Забавно, но это стало действительно напоминать пионерский лагерь. Они пели те песни, что Руслану сызмальства напевали бабушка и мать, но которые он почти забыл: старинные гимны, восхваляющие воинскую доблесть, отвагу, доброго коня, хорошее оружие. Сейчас они вовсе не казались ему «преданьем старины глубокой», но были наполнены реалиями сегодняшнего дня.

Отношения России с Чечнёй всё обострялись, однако до открытого конфликта дело ещё не дошло. Им постоянно сообщали новые и новые факты враждебности и коварства российского руководства, вербовки и подкупа предателей из числа не принявших Дудаева чеченцев, науськивания и вооружения федеральными спецслужбами отрядов чеченской оппозиции. Война могла разразиться в любую минуту.

Время от времени по тревоге стали увозить куда-то вооружённые группы курсантов. Возвращались они спустя несколько дней грязными, но радостно возбуждёнными, чистили пропахшее порохом оружие. Из обрывков фраз Руслан понял, что ребята участвуют в захватах военных складов российской армии, разграблении проходящих по территории Чечни эшелонов.

Иногда они привозили с собой пленников – в основном по одному-два человека с мешками на головах, реже целыми группами. Их держали под охраной в больших землянках, наспех построенных для этой цели на окраине лагеря. Кто эти люди, и почему их привезли сюда, Руслан не знал.

В конце лета один из инструкторов по имени Шамиль собрал и увёз большой отряд курсантов в мятежную Абхазию на вспыхнувшую там войну с грузинами.

Группу Руслана не трогали, хотя все парни рвались поскорее в дело. Их сдерживали: – Ваше время ещё не настало. Пока в России на вас работают ребята передового отряда внедрения, готовят почву. Вам спешить нельзя – учитесь терпеть и ждать.

22 апреля 1993 года Лагерь

Прошло ещё несколько тягуче-томительных месяцев. Каждый день они снова и снова повторяли то, что, казалось, было уже и так отработано до совершенства. Удары, броски, выстрелы, взрывы... Удары, броски, выстрелы, взрывы... «Вы должны уметь делать это так же хорошо даже через много лет, – говорили им. – А возможностей для тренировок скорее всего уже не будет».

Закалённое тело совершало все автоматические действия бездумно, без малейшего напряжения, но мозг уже начинал протестовать от однообразия и кажущейся ненужности такого натаскивания. Единственной отдушиной и пищей для ума оставался Коран.

Однажды, как всегда вечером, Абу-Бакр подошёл к нему: – Готовься. Заканчивается курс молодого моджахеда – теперь вас ждёт посвящение в рыцари Джихада. Завтра посвящаем семь первых джигитов, ты в их числе. Утром перед Фаджром¹⁷ получите священные кинжалы – они должны быть с вами во время молитвы.

Руслан ожидал начала церемонии с нетерпением и торжественной взволнованностью, которая трепетала в нём теперь всякий раз, когда проводился очередной ритуал. Он влюбился в эти безумно красивые традиционные обряды, о большинстве из которых раньше знал только понаслышке. Ему нравилось чувствовать себя истинным чеченцем и казалось, что кровь заговорила в нём во весь голос.

Однако он и подумать не мог, что посвящение в чеченские рыцари будет иметь к крови столь прямое отношение.

После молитвы он, гордо поглаживая кованое серебро оклада ножен, под мерный барабанный бой неспешно поднимался на высокий берег реки Хулхулау в окружении избранных для инициации ребят, как неожиданно его охватила какая-то безотчётная тревога. Он сжал рукоять кинжала и всмотрелся вперёд. Взгляд натолкнулся на что-то непредвиденное, отчего сердце непроизвольно забилося.

Берег был заполнен множеством сидящих на молельных ковриках людей, в большинстве своём курсантов в своих неизменно безликих чёрных масках. Такого большого сбора не устраивалось уже очень давно,

¹⁷ Фаджр (заря) – утренний намаз

что само по себе являлось необычным. Но не это всколыхнуло у Руслана тревожное предчувствие.

Перед самым обрывом было сооружено семь невысоких помостов, и вокруг них-то и происходило какое-то неприятно суетливое движение. Толпящиеся муфтии в длинных одеждах загораживали видимость, но Руслану явственно показалось, что там удерживают кого-то вырывающегося.

Когда они подошли ближе он, наконец, с холодящим ужасом понял, что всё это означает.

У помостов стояли, удерживаемые множеством рук, семь человек с мешками на головах. Один из них вырывался особенно яростно, что-то глухо крича. С него сняли мешок, и до Руслана долетели обрывки фраз: – ...Я не виноват! Клянусь Аллахом: я не виноват! ...

К орущему решительно приблизился Абу-Бакр и, подняв ему голову за волосы, громко крикнул в лицо: – Будь мужчиной! Имей мужество достойно принять смерть!

Кричавший затих, эпилептически тряся головой, и приговорённых потащили на помосты, а мрачный Абу-Бакр стремительно подошёл к выстроившейся в ряд группе посвящаемых.

– После молитвы поднимаетесь на помосты, возносите клинки к небу и по команде исполняете волю Аллаха, – отрывисто заговорил он. – Бить сильно, чуть ниже уха, лучше перпендикулярно насквозь, а потом резко – лезвие на себя. Стараться сразу перерезать артерию и трахею. Не путайтесь в связках, чтобы сильно не облило кровью. Их будут держать сзади и повалят как только рана окажется смертельной. Дайте им умереть быстро – мы не изверги и не мучители.

Руслан словно во сне слушал эти кошмарные инструкции, продолжая судорожно сжимать рукоятку кинжала, всё ещё не веря, что это творится с ним наяву. Видимо, нечто похожее происходило и с остальными ребятами.

– Кто они? – сдавленно спросил кто-то.

– Это – преступники, осуждённые судом Шариата, – жёстко ответил Абу-Бакр. – Предатели и враги. Всевышний удостоил вас чести очистить Землю от этой гнили! Бисмиллах!¹⁸

Гулкий барабанный бой наконец прекратился. Главный муфтий воздел руки к небу, начиная молитву. – ... Да свершится воля Аллаха! – наконец прокричал он.

– Аллах акбар! – ответила толпа сотнями голосов.

– Аллах акбар, – прошептал Руслан онемевшими губами, и покорно пошёл вверх по дощатым ступенькам. Ему достался тот, который кричал о своей невинности. Теперь он уже не вырывался, лишь, стоя на коленях, крупно дрожал всем телом и стучал зубами, не отводя горящего

¹⁸ Бисмиллах – (во имя Аллаха) по убеждениям мусульман, произнесение этой фразы превращает совершаемое после этого дело в поклонение Всевышнему. Поэтому каждый мусульманин должен произносить её перед началом трапезы, перед входом в дом, перед поездкой, перед началом любого дела или поступка.

взгляда от обнажённого клинка, медленно заносимого Русланом высоко над головой.

«Хорошо, что он не смотрит мне в глаза!» – мелькнуло в прыгающих мыслях Руслана.

Держащий схватил приговорённого сзади за волосы и запрокинул голову ещё дальше, чуть ли не к спине. Тот захрипел что-то, снова сиюсь вырваться, но в этот момент сквозь шум в ушах до Руслана донеслось отдалённое: – Бей! – и с каким-то отчаянным визгом, вырвавшимся из самой его души, он вогнал узкое лезвие в небритое горло.

Сталь с удивительной лёгкостью проникла в податливую плоть, не встречая никакого сопротивления, но когда Руслан потянул клинок на себя, послышался отвратительный хруст рвущихся хрящей. Обречённый засипел и судорожно задёргался, и Руслан уже остервенело рванул кинжал, до конца располосовывая мерзко скрипящую под лезвием кожу щетинистой шеи, откуда стремительно хлынул поток пузырящейся алой крови.

Держащий тут же прижал отвалившуюся назад голову к окровавленной груди казнённого и повалил его на помост лицом вниз. Тело продолжало конвульсивно дёргаться, стуча ботинками и издавая отвратные хрюкающие звуки всасываемой крови всё ещё лихорадочно работающими лёгкими.

Руслан с недоверием посмотрел на свои покрытые красным руки и огляделся. Вокруг всё уже было почти закончено. Лишь на крайнем правом помосте низко склонившийся курсант наносил торопливые удары острием по залитой кровью, но не перерубленной до конца шее обречённого. Наконец он выпрямился и торжествующе взметнул над головой алое лезвие.

– Аллах акбар! – взорвалась рёвом напряжённая толпа.

– Аллах акбар! – неожиданно для себя завопил Руслан, потрясая кинжалом. – Аллах акбар! Аллах акбар!!!

Его обступили десятки людей, крепко хлопая по плечам и возбуждённо крича что-то, что он слышал, но не мог понять. У самого уха он расслышал спокойные слова Абу-Бакра: – Молодец, брат! С этого дня можешь считать себя настоящим кьонахом!¹⁹

Когда тела казнённых, обернув в саваны, поволокли к реке, посвящённые выстроились перед крайним помостом.

– Поздравляю вас, братья! Теперь вы все – славные рыцари Джихада, – обнимая каждого по очереди, говорил Абу-Бакр. – Идите

¹⁹ Кьонах – в буквальном переводе с чеченского – «достойный муж». Заповеди, которым он обязан неукоснительно следовать, сродни кодексам японских самураев и европейских средневековых рыцарей. Одна из заповедей гласит, что «истинное мужество проявляется в терпении и умении управлять собой и ситуацией. Безумная храбрость – это мужество с закрытыми глазами, она прощительна юнцу, не знающему цены ни своей, ни чужой жизни. Храбрость кьонаха – это мужество знающего, осознанный шаг навстречу смерти.»

омойте с себя кровь и возвращайтесь на праздничную церемонию. На погребальной молитве вам присутствовать не нужно.

Весь этот кошмарно-необыкновенный день Руслан не мог избавиться от дрожи торжественного возбуждения. Как ни странно, его не только не тошнило, но наоборот разыгрался какой-то волчий аппетит. До позднего вечера, едва завидя еду, он тут же набрасывался на неё, словно пытаясь пищей окончательно вытеснить из себя время от времени всколыхивающийся осадок неприятия случившегося. Ощущения чем-то напоминали о том, как он первый раз в 16 лет попробовал алкоголь: нечто дотоле запретное и вместе с тем притягательное, делающее его существом уже другого сорта.

И действительно, он сам себе казался совсем иным, незнакомым человеком, с ужасом и одновременно упоением всматривающимся со стороны в себя нового и прежде незнаемого. Он осознал вдруг, что отныне лишение чужой жизни перестало быть невозможной и даже неприятной мыслью. При переживании момента казни вновь и вновь, в нём, перекрывая тошнотворную гадливость, будоражаще поднималось нечто первородно-тёмное, о существовании чего в себе он раньше даже не подозревал.

«Так вот ты, оказывается, какой – голос крови!» – изумлённо думал Руслан, бессонно извиваясь ночью на своей лежанке.

Первая ночь прошла в каком-то полубреду, зато после этого несколько ночей он спал словно убитый, даже не вспоминая о происшедшем.

Потом внезапно накатило обострившееся понимание того, что он своими-руками-убил-человека, и Руслан без сна лежал на спине, время от времени бессмысленно пытаясь в темноте рассмотреть собственные ладони, с дрожью ощущая, словно наяву, омерзительное скрипение податливой плоти под отточенным клинком.

Излечила его церемония посвящения следующих семи ребят ровно через неделю, на которую он шёл неохотно, с нарастающим внутренним сопротивлением. Однако всеобщая праздничная взбудораженность постепенно захватила и его, и когда толпа взревела «Аллах акбар!», Руслана, вопящего вместе со всеми, пронзила вдруг острая зависть к друзьям, потрясающим на помосте окровавленными кинжалами. С неожиданно восторженным трепетом он признался себе, что не прочь испытать это невероятное ощущение ещё раз.

С каждой новой церемонией колебаний становилось всё меньше. «Это – преступники и враги, – наконец решительно провёл он чёткую грань, отбрасывая казнённых за пределы человеческого рода. – Аллах вынес им смертный приговор, значит для Него они перестали быть достойными жизни. Я и мои друзья лишь с честью исполняем Его волю».

И всё же он не выдержал и как-то спросил Абу-Бакра: – Почему для ритуала выбрали именно нашу группу? Ведь в лагере полно ребят, которых специально учат здесь лишь убивать.

Абу-Бакр внимательно взглянул на него и ухмыльнулся: – Они ещё успеют напиться крови – их посвящение будет в бою. А вам надо знать, как она пахнет. Помнишь, как у Пушкина: «Суха теория, мой друг...»!

– Это не Пушкин, это «Доктор Фауст», – машинально поправил Руслан, поражаясь из какого уже чуждого ему мира всплыла в памяти эта фраза.

К середине мая посвящения закончились. Занятия ещё шли в заведённом ритме, но по поведению преподавателей и нарастающей озабоченности Абу-Бакра чувствовалось, что их пребывание в лагере близится к концу.

Вскоре ребята стали один за другим исчезать. Как правило, на несколько дней исчезал с ними и Абу-Бакр, потом появлялся ещё более озабоченный чем прежде. Руслан сразу понял, что всё это означает, и с волнением ожидал своей очереди.

Наконец Абу-Бакр с необычной для него торжественностью подозвал Руслана к себе: – Вот и твоё время пришло, Ибрагим. Бисмиллах! Готовься – завтра уезжаем в Пятигорск, оттуда – в Москву.

– Я готов! – с радостным возбуждением отозвался Руслан, и Абу-Бакр, довольно ослабившись, хлопнул его по плечу своей ручищей: – Молодец, брат! Ты был здесь одним из лучших, на тебя мы возлагаем особые надежды.

Он знаком указал на покосившуюся облезлую скамейку. – У нас ещё будет время поговорить, но можно уже сейчас обсудить некоторые детали.

– Вас научили многому, тем не менее постичь все тонкости их жизни можно лишь долго живя среди них, поэтому поначалу веди себя скромно, больше осматривайся. Ты – человек спокойный, но горский темперамент скрыть трудно: избегай конфликтных ситуаций, где он может проявиться.

Все документы, прописка, у тебя будут в полном порядке, за это не беспокойся. Но незнание каких-то реалий может вылезти в любых мелочах, поэтому твоя легенда такая: родители погибли при выполнении важного правительственного задания, и ты воспитывался в специальном детском доме под Москвой. Слово «специальный» до сих пор действует на большинство русских магически – они с умным видом кивают и вопросов больше не задают.

– Чем я буду заниматься в Москве?

– Поступишь в Сеченовский институт – бывший 1-й Мед, ну ты лучше меня знаешь. Там уже всё подготовлено. Квартиру тебе сняли, денег дадим на несколько лет вперёд, но трать с умом. Спокойно учись, обживайся, обрастай знакомствами, полезными связями, обязательно женись на москвичке, чтобы было проще после выпуска остаться в Москве. Я уж не говорю о том, что ты должен постоянно держать себя в бойцовой форме, ежедневно делать комплексы упражнений. Когда появлюсь – первым делом это проверю. Если дурака валял, мало не покажется! – он двинул его уже по другому плечу и захохотал.

– А как мне выходить с вами на связь?

– Когда настанет время, найдём тебя сами. Но на самый крайний случай – запомни московский телефон: 453-6789. Звонить только из автомата. Трубку снимут после седьмого сигнала. Если ответят раньше – немедленно клади трубку и быстро уходи из этого места. Звони только если нужна немедленная помощь, и другого выхода нет.

Абу-Бакр помолчал и пристально посмотрел на него: – Мне известно, что, несмотря на маски, вы уже отлично знаете друг друга. Закон таков: не общаться со своими, при встрече не признавать никого ни при каких обстоятельствах. Только после фразы «Время искупления пришло». И только если при этом человек назовёт тебя – Ибрагим. Во всех остальных случаях любого узнавшего тебя необходимо немедленно уничтожить.

Руслан невольно вздрогнул.

– Ну, как это делается, мы тебя хорошо выучили, – широко улыбнулся Абу-Бакр. – А если самому справиться трудно – телефон ты запомнил. Повторяю: только на самый крайний случай. Без нужды ребят не подставляй.

Он встал. – Завтра в дороге обсудим ещё кое-какие мелочи. А теперь ступай на беседу к шейху – у Всевышнего для тебя свои наставления... Что-то ещё? – спросил он, заметив жест Руслана.

– Да, вопрос. А что если... ну, если ничего этого вообще не понадобится?

– Понадобится, – неожиданно резко сказал Абу-Бакр и сплюнул. – Валлахи²⁰, теперь это уже не может не понадобиться!

ЧАСТЬ 2

5 июня 1993 года
Москва

Где-то вдалеке, эхом гудков отдаваясь в углах почти пустой квартиры шумел медлительной рекой проспект Вернадского. Руслан оторвал голову от учебника химии и посмотрел на улицу.

Уже плыли, подрагивая, голубоватые сумерки тёплого московского вечера, в домах зажигались ранние окна. С десятого этажа город во вспыхивающих золотом огоньках казался куда привлекательнее, нежели белесым днём – в нём словно появлялась какая-то грустная тайна. Руслан вздохнул.

²⁰ Валлахи (арабск.) – клянусь Аллахом; воистину.

Москва неприятно поразила его. Она, ничуть не стесняясь, прямо с вокзала предстала перед ним неряшливой, суетливой, крикливой торговкой, словно внезапно постаревшая женщина, забывшая своё именитое происхождение и демонстративно переставшая заботиться о внешности. Испарилась без следа былая имперская спесь, надменное достоинство – жителей столицы как будто поголовно заменили на жуликоватых, ушлых провинциалов в одинаковых серо-чёрно-коричневых одеждах, с оглядкой шныряющих по едва освещённым улицам.

Замусоренные проспекты, беспорядочно громоздящиеся у станций метро металлические доты торговых палаток и гаражей, уродливо зарешеченные окна первых этажей и полупустых магазинов – такого запустения он не мог себе представить и в Грозном.

У Руслана сразу пропал азарт покорять этот город – невелика честь соблазнить опустившуюся старуху, пусть даже и царского рода. «Да, дела у России видимо действительно плохи, – задумчиво решил он. – Выходит, правду нам рассказывали на занятиях».

Возможно по причине разочарования в Москве он сразу же набросился на учебники. Голова, за эти полтора года очистившаяся от логической информации, с лёгкостью впитывала подзабытый объём школьной программы, когда-то казавшийся огромным. Многие страницы он сразу запоминал чуть ли не наизусть.

Как всегда совершенно неслышно в комнате возник силуэт Абу-Бакра, и лишь потом скрипнула, закрываясь, входная дверь. Руслан, в который раз изумился про себя, каким образом при столь внушительных габаритах тот умудрялся перемещаться так легко и бесшумно. В варёных джинсах и «адидасовской» футболке, коротковатые рукава которой распирала бугристая мускулатура, он был похож на иностранного спортсмена.

Со стуком опуская на пол большую сумку, Абу-Бакр неодобрительно покосился на него: – Э-э! Сидишь тут целый день, дурака валяешь. Пошёл бы на танцы, в ресторан, на людей посмотреть. А то в лагере одичал совсем, забыл уж поди, как с мяхкри²¹ знакомиться. Зачем тебе сейчас этими науками мозги засорять?

Руслан недоумённо взглянул на него: – Как зачем? Ведь экзамены в институт уже через месяц!

Абу-Бакр пренебрежительно махнул рукой: – Забудь! Экзамены ты сегодня уже сдал. Все, кому надо, своё получили.

– Зачем нужно было деньги тратить?! Я и сам поступлю!

– Ха! Знаешь, сколько теперь стоит «сам»? Ты не забывай, что это Москва, брат. Короче, сейчас рисковать нельзя – это от тебя уже потом потребуются учиться хорошо, чтобы в правильное место попасть. А пока – становись москвичом, гуляй, расслабляйся!

²¹ Девушка (чеченск.)

Он возбуждённо прошёлся по комнате, нырнул на кухню, вернулся с открытой бутылкой кефира в руке и одним гулким глотком опорожнил половину.

– Ну, кажись, сработали неплохо! – одобрительно поглядев в окно, прогудел он. – Сегодня наши ребята себя в деле по-настоящему показали.

Руслан вскочил на ноги: – Что, началось?!

Абу-Бакр хищно засмеялся: – Всё началось уже давно, брат – а сейчас просто продолжает идти в нужном направлении.

Вторым исполинским глотком он прикончил бутылку и с сожалением поставил её на подоконник. – Сегодня наконец разогнали в Грозном этот долбаный парламент. Штурмовать пришлось с бронетехникой – окопались твари продажные! Но ничего, грамотно вышло: наши все целы, зато кого надо – под шумок замочили, теперь у Президента руки свободные.

– Так что там вышло, расскажи! – попросил Руслан. – Я и не знаю толком ничего! Вы же нам даже газет читать не давали.

– Э-э, брат! – пренебрежительно отмахнулся Абу-Бакр. – Ты этим газетам не верь! Такого напишут, что маму родную уважать перестанешь. Всё, что нужно – мы в вас вложили. Истину! – он назидательно поднял толстый волосатый палец.

Из своей бездонной сумки он извлёк несколько свёртков, сокрушённо покачивая головой: – Шайтан побери эту Москву! Поверишь ли, брат, зашёл в магазин у дома – от пола до потолка всего два продукта: растворимая лапша да джин «Капитанский»! К ларькам у метро возвращаться со взрывчаткой в сумке уже не стал. Ты не знаешь, как этот адский джин пить можно?

– С тоником, – машинально ответил Руслан.

– Короче, ставь тогда чайник – тоник заваривать! Для тренировки, – многозначительно добавил Абу-Бакр, поймав его недоумённый взгляд.

Со степенным кивком запив полстакана джина дымящейся лапшой из чашки, он через стол благостно посмотрел на Руслана: – Давай, брат, теперь подумаем, каким врачом тебе лучше стать.

Руслан, пригубив джин, на мгновение замялся: – Ну, наверное хирургом, как отец.

– Э, нет, хирургом не пойдёт, – решительно отрезал Абу-Бакр. – Без связей зашлют в какую-нибудь тьмутаракань, обратно в Чечню русским солдатам руки-ноги ампутировать, ха-ха-ха! Надо какую-нибудь специальность дефицитную, чтобы в Москве после выпуска оставили. Типа анестезиолога. Им хотя платят и немного, зато возможности для наших дел большие – кто там разберёт, чего ты там кому вколел?

От идеи стать хирургом Руслан отказался с малодушной лёгкостью. Ему было прекрасно известно, какой трудный путь необходимо пройти, чтобы почувствовать себя настоящим хирургом. А раз уж теперь медицинская специальность будет лишь прикрытием его настоящего дела, так чего же ради упираться?

К тому же, хотя в семье было как-то само собой давно решено, что он пойдёт по стопам отца, внутренне Руслан не чувствовал в себе столь

мощных душевных сил. Он хорошо помнил, каким опустошённым приходил домой отец после многочасовых операций, как болезненно переживал редкие неудачи, надолго запираясь в своём кабинете.

В один из таких вечеров мать попросила его позвать отца к ужину: – В третий раз на стол всё ставлю, зову, а он меня как будто не слышит!

Преодолевая робость, Руслан, тихо постучавшись, вошёл в полутёмный кабинет отца. Тот сидел у стола, опустив голову, перед ним тускло поблескивал треугольный графинчик, в котором он держал спирт.

– Папа! Ужин готов, – негромко позвал Руслан.

– Спасибо, поужинайте без меня, – совершенно трезвым голосом отозвался отец. – Мне подумать надо.

– О чём?

Отец поднял голову. – Имел ли я право так поступать. – Он помолчал. – Видишь ли, это была плановая паллиативная²² операция. Надо было вырезать часть опухоли, чтобы человек пожил без мучений ещё два-три года. А я, когда уже вскрыл брюшную полость, вдруг подумал: чем чёрт не шутит? Дай-ка рискну и удалю всю опухоль. Может быть получится избавить его от этой гадости совсем. Человек молодой, сильный, жить да жить ещё...

– И... и что?

– И не получилось. Слишком далеко всё зашло, а тут ещё медсёстры ступевались – в общем, кровотечение так и не удалось остановить.

– Но раз уже настолько запущено было, ему ведь по любому жить недолго оставалось?

Отец помолчал. – Это так, но он не хотел сейчас умирать. У него дочь беременная, он своего первого внука мечтал увидеть. Спросил меня перед анестезией: «Бекмурат, я ведь не умру?» И я сказал ему: «Нет». А потом, когда его жизнь была в моих руках, решил за него.

Он медленно наполнил рюмку из треугольного графина. – Вот я и обдумываю сейчас: насколько хирург должен чувствовать себя богом, а насколько – простым слабым человеком. Иди.

Руслан постоял ещё немного, но в кабинете надолго воцарилось полное молчание, и он на цыпочках вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь. Ни богом, ни слабым человеком чувствовать себя ему не хотелось.

Ещё не раз после этого случая у него возникало ощущение, будто отец без жалости сокращает собственные годы, пытаясь за счёт них продлить жизни своих больных.

Почти весь следующий день они с Абу-Бакром обсуждали бесконечные детали, а ближе к вечеру к ним заехал молодой чеченец по имени Муртаз, который встречал их в день приезда на вокзале и сразу не понравился Руслану своей заносчивостью и самоуверенными манерами. Высокий и широкоплечий, в ладном спортивном костюме он и сейчас

²² Паллиативный – приносящий временное облегчение.

явно любовался собой, по-хозяйски прохаживаясь по маленькой квартире и заглядывая во все углы.

– Ну, удачи, брат! – на прощание сжал Руслана в медвежьих объятьях Абу-Бакр. – Завтра Муртаз привезёт тебе документы и деньги, а дальше – всё будет зависеть от тебя самого. Помни чему учили, помни своих братьев, помни кто ты.

– Не забудет! – фамильярно хохотнул Муртаз. – А если что – мы напомним!

Абу-Бакр искоса сверкнул на Муртаза недобрым взглядом. – Что делать в крайних обстоятельствах ты знаешь, – закончил он напутствие. – Да будет доволен тобою Аллах!

Он взвалил на плечо свою огромную торбу. Звякнула, закрывшись дверь, и Руслан впервые за многие месяцы остался наедине с собой. Теперь к этому ощущению необходимо было привыкать. Он расстелил на полу маленький коврик и сосредоточенно опустил на колени.

С самого утра Руслан не выходил из дома, читал учебники попеременно с привычными спортивными упражнениями и молитвами, ожидая появления Муртаза.

Тот позвонил уже поздно вечером: – Короче, у меня тут дела важные, заехать не успеваю, – заговорил он озабоченным тоном. – Но отдать тебе всё нужно сегодня. Подъезжай в Грохольский переулок, это метро «Проспект мира». Встретимся через час у входа в Аптекарский огород.

– Какой огород? – не понял Руслан.

– Ну ты и гурон! – недовольно буркнул Муртаз. – Ботанический сад МГУ так называется, там увидишь.

– Бык²³ ведь сказал: ты сам привезёшь, – не смог сдержать раздражения Руслан.

В трубке послышались какие-то странные звуки – казалось, что Муртаз смеётся. – Послушай, брат, – серьёзно заговорил наконец он. – Ты здесь только что из аула, а я знаешь уже сколько таких орлов по Москве пристроил? Говорю тебе: у меня важные дела, встречаемся через час – ты понял меня?

– Понял, – проворчал Руслан. Игра в Штирлицы начиналась как-то бестолково – и ведь не пожалуешься никому!

У метро он купил ещё дымящийся чебурек, но подозрительно обнюхав его, есть не стал и бросил в переполненную урну, несмотря на сосущий голод. Обошёлся припасённым в кармане шоколадным батончиком.

²³ Бакр – по-арабски «бык»

Муртаз ожидал его при входе в парк в тени развесистого дерева. – Марша вогийла²⁴, брат! – произнёс он, делая уверенный шаг навстречу. – Молодец, не опоздал. А то я уже на иголках.

Он извлёк из-за пазухи увесистый целлофановый пакет: – Вот держи: бабки 40 штук, а это – твой паспорт, московская прописка, водительские права – лучше не бывает! Теперь ты – Дунаев, Руслан Борисович. Имя сильно другим делать не стали, чтоб если вдруг что – была отмазка, будто изменил, боясь притеснений. Но до такого не дойдёт, инше Алла!²⁵ Короче, всё везде на мази. Что дальше делать – ты лучше меня знаешь. Ну давай, я полетел – у меня там разборки крутые.

Приобняв Руслана, он всё же не удержался от кичливого внушения: – И смотри не дури – меня поставили за тобой присматривать. Готовься. Дела будут серьёзные, я тебе обещаю. Удачи, брат, да поможет тебе Аллах!

Он покровительственно хлопнул Руслана по плечу и лёгким шагом направился вглубь переулка. Руслан продолжал стоять в тени дерева, глядя ему вслед, как вдруг из темноты подворотни навстречу Муртазу вышли две тёмные фигуры. По тому, в какой небрежной позе тот остановился перед ними, Руслан понял, что это свои. Он хотел уже повернуться и идти, но внезапно за спиной Муртаза возник третий силуэт, который неспешно приставил к его затылку огромный ствол пистолета, и тут же Муртаз, дёрнувшись, рухнул на землю бесформенным мешком.

Руслан окаменело наблюдал из полумрака, как двое нагнулись над лежащим телом, деловито обшаривая карманы. Внезапно один из них поднял голову и, пристально поглядев в сторону притаившегося Руслана, дружески помахал ему рукой, а потом сделал решительный жест: уходи!

Повинуясь, Руслан вышел из укрытия и не оглядываясь пошёл в сторону шумящего проспекта, стараясь не слишком убыстрять шаги. «Дела будут серьёзные» – звучал в его голове весёлый голос Муртаза.

4 октября 1993 года Москва

– Блин, Руся, я в своём родном городе, или совсем уже спился?! – ошарашенно приостанавливаясь, обернулся к нему Валерка Нохрин, которого все в группе, естественным образом звали «Нахрен».

Они уже полчаса кружили по тёмной ночной Москве в поисках открытого магазина для закупки очередной партии как всегда не вовремя закончившегося бухла. Магазины всё не попадалось, а на квартире именинницы Насти их с нетерпением ожидала нагрывшая туда без приглашения и едва успевшая разогреться весёлая компания однокурсников.

²⁴ Традиционное чеченское приветствие, означающее «Приходи свободным!»

²⁵ Инше Алла (арабск.) – если позволит Аллах; да будет на то воля Аллаха

– Спился! – уверенно подтвердил Руслан, вызвавшийся пойти с Нохриным, чтобы немного протрезветь. – Дай-ка мне общественные деньги, пока ты их опять не потерял.

– Да пошёл ты с деньгами! – возмутился Нохрин. – Ты смотри вон: танки прямо на улице стоят!

– Белая горячка, – со вздохом резюмировал Руслан. – Какие танки?! Это поливальные машины! Ты скоро жёлтую подводную лодку в алмазах в небе разглядишь.

Тем не менее, он пристальней всмотрелся в почти непроглядный сумрак, подсвеченный редкими тусклыми фонарями, и удивлённо присвистнул: – А ведь и точно танки!

В тёмном переулке утробно урча, точно изготавливающаяся к охоте стая ночных хищников, шевелилась колонна Т-80-х. Погружённый во мрак город словно испуганно замер, не зная, чего ожидать от этих таящих жуткую угрозу пришельцев.

– Вот и я думаю: на хрен тут в октябре поливальные машины... Слушай, ну они офигели совсем, сколько можно: чуть-что – танки в Москву сгонять! – заговорил почти уже трезвый Валерка. – Пойдём скорее отсюда. Как в кино живём! Пусть себе стреляют, штурмуют – лично я больше никакой Белый Дом защищать не пойду. Я уже не понимаю кого и от кого всё время защищаю. Короче, я – врач, мне живых от смерти положено защищать... А ты сам-то у Белого Дома был в 91-м?

– Я в другом месте был, – уклончиво ответил Руслан. – Из-за твоих танков здесь все магазины и позакрывались. Вон, смотри! – Он указал на лубочно размалёванную вывеску «Мы рады обслужить вас круглосуточно!» над увешанной гроздьями чёрных замков стальной дверью затемнённого как во время бомбёжки ларька.

– Ах, кругло-ссучно они рады! – с пол-оборота завёлся Нохрин, тут же забыв про танки. – Это кто-ж вам присвоил право такими объявлениями народ в искушение вводить?! Генерал Дунаев, приказом по нашей славной армии я разжало-ываю эту самозванную торговую точку в безымянные и приказываю сорвать с неё знаки отличия!

– Есть сорвать знаки отличия! – охотно включаясь в игру, отозвался Руслан и, мягким прыжком вскочив на бетонный козырёк, с треском отодрал хвастливый щит, рухнувший к ногам Нохрина надломленным фашистским штандартом.

– Приказом по части объявляю благодарность, – покачнувшись заявил тот и, кряхтя, взвалил фанерные обломки к себе на спину. – Пойдём, хотя бы вывеску Насте подарим, а то ведь и не поверит никто, что бухла во всей Москве не нашли...

С Валеркой Руслан подружился в первый день занятий, когда тот подсел к нему в перерыве установочной лекции и без стеснения заглянул в исписанный аккуратным почерком тетрадный лист: – Ну ты даёшь, студент! Отличником что-ли быть собрался? Не дадим! Мы – творчески мыслящие эскулапы, а не зубрилы. Как староста группы официально

предупреждаю: порядки у нас суровые – сбор в «Яме»²⁶ сразу после лекции. И так – каждый понедельник. По средам – вечера бардовской песни, по пятницам – баня...

– А учиться когда? – с любопытством поинтересовался Руслан.

– Настоящие врачи учатся не на лекциях, – снисходительно окинув его взглядом, пояснил Нохрин, – А на реальных больных. Так что пяток лет можешь спокойно подождать – а потом жизнь сама всему научит!

В тот же вечер они уже стояли в обнимку у дверей в туалет прокуренного пивного бара, преграждая вход жаждущим прорваться в заветное отхожее место, поскольку здесь оно было едино для лиц любого пола, и в него только что скользнули три примерно одинаково страшенькие девицы из их группы.

– Я тебе серьёзно говорю: если пить не будешь – чокнешься на хрен! – убеждённо заявлял Нохрин. – У меня отец – кардиохирург – в 42 года помер от инфаркта. Да пошёл ты в жопу! – без всякого перехода шуганул он особо настырного мужика, попытавшегося протереться между ним и облупленной стеной. – Сказано тебе: в туалете леди! Сперва об ледях надо думать, а потом – об себе!

Галантно сопровождая радостно щебечущих облегчившихся дам обратно к стоячему столику, который студенты оживлённо заставляли истекающими пеной кружками, Нохрин наконец закончил свою начатую ещё в метро тираду:

– ...Поэтому хирургом я ни хрена не буду. Нет у меня батяниной твёрдости и уверенности в себе. Но исцелять людей хочу. Ведь болезни – это-ж как личные заблуждения – если человека за руку не взять и не подсказать куда идти, он сам от себя не вылечится.

Руслан только и смог крепко стиснуть под столом большую и тёплую ладонь Нохрина.

Очень скоро он обнаружил, что несмотря на нескрываемое, даже демонстративное шалопайство, в их группе собрались очень толковые, если не сказать талантливые ребята. Каким-то непостижимым образом большинство из них, в череде беспрестанных кутежей не только ухитрились на лабораторных в анатомичке вразумительно отвечать на каверзные вопросы преподавателей, но и шутя сдавать начавшиеся вскоре зачёты.

Руслан, едва не заваливший свой первый же зачёт, почувствовал себя настолько уязвлённым, что решил сократить общественную активность и подналечь на учёбу, но вскоре пред ним явилось искажённое то ли укором, то ли похмельем лицо Нохрина, который в столь же смятых, однако высокопарных выражениях умудрился донести свою основную мысль:

²⁶ «Яма» - популярный в те годы пивной бар в Москве, располагавшийся в полуподвале на углу Столешникова переулка и Пушкинской улицы (ныне Большой Дмитровки). Официально назывался «Ладья». В 1998 году в результате провала проезжей части на его месте действительно образовалась самая настоящая яма...

– Заповедь первую даю тебе: не тщишься лезть из штанов своих. То, что ты – прирождённый врач уже знают все от лаборанта, до ректора. А вот насколько уважительно ты относишься к собратьям по профессии – от этого будет зависеть твоя дальнейшая карьера. Полюбившего ближних – вознесут, возгордившегося – подставят.

Проанализировав глубокомысленную сентенцию Валерки и сопоставив услышанное с уже увиденным в институте, Руслан решил, что Нохрин прав прежде всего в интересах задания и с облегчённой совестью нырнул в развесёлую жизнь московского студенчества.

Окружавшие его люди являли собой яркий паноптикум экстравагантных личностей. Маленький живчик Мишка Лазуткин был одержим манией сделать любое своё действие максимально быстрым и эффективным: ел хирургическими ножницами, вытирался после душа двумя махровыми варежками, учился ночами напролёт, спал стоя в метро и в перерывах между лекциями.

Руслан, побывав в гостях у Лазуткина, у которого принципиально не водилось нормальных столовых приборов, был вынужден попробовать там есть ножницами – и с удивлением обнаружил, что ими действительно пользоваться гораздо удобнее, чем вилок и ножом: можно легко отрезать кусочки любого размера, накалывать их как вилок, цеплять как пинцетом или подхватывать разведёнными лезвиями, тогда как вторая рука постоянно оставалась свободной для манипуляций со стаканом.

Трюк с варежками Лазуткин наглядно демонстрировал всем в бане: – Смотрите, ребята, вот вы держите в руках большу-ую простыню, и вам кажется, будто вы ею всю вытираетесь. А на самом деле – обратите внимание! – работает только одна ваша рука, а вторая лишь бездарно придерживает всю остальную хламиду. В то время как я одновременно обеими варежками р-раз – и уже сухой!

Одобрительно покачивая пивными кружками, все вынужденно соглашались с торжествующим Лазуткиным, однако переходить на прогрессивные новшества не спешили. Во время студенческих попок Лазуткин также достигал запредельной результативности, напроочь выключаясь уже минут через пятнадцать после первого стакана, и поэтому общение с ним оказывалось столь кратковременным, что не вызывало доверия ко всем остальным прелестям политики максимальной эффективности.

Помимо этого, Мишка с обезьяньей ловкостью ловил на лету всех встречающихся мух и других насекомых, а потом выпускал их, но с таким сожалением, что у Руслана зародилось нешуточное подозрение, будто Лазуткин с урчанием гурмана поедает их, когда на него никто не смотрит.

Кучерявый брюнет Сеня Родюшкин с тающими голубыми льдинками глаз, сквозь которые просвечивали небеса, был настолько шатаем ветром творчества, что порою казался неуместным не только в изощрённо-циничной медицинской среде, но и вообще в грубо окружающем их мире.

– Ну почему вы считаете меня рассеянным? – с обидой вопрошал Сеня, усаживаясь в заваленную окурками пепельницу.

На день рождения по-московски манерной Насти, в сторону которой Сеня дышал тогда очень неровно, он заявился с гитарой, когда его уже никто не ожидал, и с многообещающим видом возгласил: – Настя! Я приготовил тебе такой подарок! Такой подарок!!! Только я его потерял...

Никто из знавших его не усомнился ни на секунду, что Родюшкин действительно мог, закатив свои талые льдинки под потолок метро, нарезать круги по кольцевой, гнусаво бормоча пузырящиеся в его кудрявой голове строки рождающихся песен, и меж тем легко пропереть какие-нибудь там алмазные подвески, купленные на занятые у бесчисленных друзей деньги.

Вполне можно было представить себе, как доктор Родюшкин, внезапно потеряв интерес к пациенту на операционном столе и как бы между прочим выронив скальпель в разверстую брюшную полость, с посторонним видом рыщет по операционной в поисках гитарки, чтобы срочно наиграть пришедшую вдруг на ум мелодию.

А песни у Сени выходили действительно потрясающие, хотя большинство из них он так и не удосуживался дописать до конца. Когда Руслан впервые услышал на вечеринке небрежное потренькивание только что сочинённой им темы, он не мог постичь, как настолько отрешённому от мира человеку дано расставлять такие простые слова в столь волшебной последовательности:

*Какие, осень, ты шептала нам слова!
Какие, осень, ты напела нам мотивы...
Ты, приходя, была по-своему красива,
А уходя, была по-своему права.²⁷*

Будучи выдающимся раздолбаем, Сеня, как ни странно, учился почти отлично, хотя и неравномерно. В нужные моменты он умел собраться и выдать свой созерцательный вид за глубокую озабоченность судьбой именно того предмета, по которому надлежало отчитаться. Его словесный дар позволял в процессе общения с экзаменатором мгновенно пропитываться нужной терминологией и использовать её столь уместно, будто он являлся крупным экспертом в обсуждаемой области.

Общение с новыми друзьями нравилось Руслану всё больше. В их компании он впервые произвольно вслушался в строки бардовских песен, на которые раньше практически не обращал внимания: Окуджава, Митяев, Дольский, Никитины – стали лавинами открытий богатств и глубин не только изгибов его собственной души, но и русского языка, который считая для себя родным, он знал, как выяснялось, по-школьному.

Казалось, это именно о его теперешних друзьях написал когда-то Булат Шалвович:

²⁷ Стихи и музыка Славы Родионова

*Все они красавцы
Все они таланты
Все они – поэты...*

Но особенно ошеломило его неожиданное постижение величия Высоцкого. Прежде Руслан просто демонстративно не слушал его: из-за манеры исполнения он представлялся грубым и вульгарным. И вдруг оказалось, что слова его песен невероятно созвучны с чеченской душой: то же внутреннее ощущение свободы, неприятие любого принуждения, неподкупная гордость, безоглядное самопожертвование ради друга, непримиримость к несправедливости.

«Здесь вам не равнина», «Охота на волков», «Дорожная история», «Баллада об иноходце» – были словно чеканными иллюстрациями горских древних моральных императивов.

*...Я согласен бегать в табуне,
Но не под седлом и без узды!*

– такие слова мог написать только человек, сроднённый с Чечнёй духовно!

Ещё одним незабываемым событием стал декабрьский концерт в честь 40-летия Андрея Макаревича в зале «Россия», куда подчас дьявольски предприимчивый Родюшкин умудрился достать билеты для всей честной компании. «Машину времени» Руслан обожал с детства, а тут впервые видел в нескольких шагах от себя их настоящих, живых, улыбающихся, переговаривающихся между собой и со зрителями! Но самое главное – вживую звучавшие любимые песни «Снег», «Марионетки», «Поворот», «Синяя птица», «Старый корабль», которые Руслан, подхваченный воодушевлением зала, неожиданно для себя пел вместе со всеми.

После концерта они долго не могли успокоиться, и покуда самые фанатичные поклонницы прыгали то ли от возбуждения, то ли в попытках согреться, у одного из чёрных выходов (откуда согласно пролетевшим слухам должен был появиться Макаревич) чтобы лично запечатлеть на щеках юбиляра свою любовь в виде оттисков яркой помады, мужская часть группы оперативно обеспечила согрев коллектива более эффективным способом. И хотя Макаревича они так и не дождались, но медицинский спирт, пахивающий неистребимым формалином, на декабрьском морозце оказался достойным дополнением к воспоминаниям о концерте.

Под впечатлением от обрушившегося на него потока эмоций, мелодий и слов, Руслан со вспыхнувшей страстью взялся осваивать гитару, и уже меньше чем через полгода был в состоянии сочинять свои собственные простенькие песенки, некоторые из которых подвыпившие друзья просили исполнить снова и снова, особенно эту, с немного грустными словами:

*...Город полон синей стынью
Он уродлив как протез
Пистолеты этой синью
Заряжает Жорж Дантес*

*Синий зверь прижался к стёклам
Студит сердце и окно
Но разлука будет лёгкой
Как шипучее вино*

*Над асфальтовым обрывом
Два окна тепло сулят
Словно ба́кены в заливе
Только гавань – не моя... ²⁸*

Даже самолюбивец Родюшкин, фыркая, всё же признавал: «Ни играть, ни петь ты ни фига не умеешь, но живая душа в этом точно есть». Хотя сочиняя, Руслан думал о родном ему Кавказе, безыскусные, но пронзительно ностальгические строки столь же легко попадали в резонанс с эмоциональным настроем его русских друзей:

*...Как прежде ясен бег
И цвет осенних рек.*

Однако последний куплет, обнажавший истинный смысл этой песни, он предусмотрительно не исполнял никогда:

*Жилистые предгорья
Дрёмою перекосило
Как неизжитое горе
Им снится Россия...*

Учиться тоже оказалось затягивающе интересно. Многие преподаватели были не только настоящими титанами медицины, но и нетривиально мыслящими, энциклопедически образованными личностями. На лекции своих любимых учителей студенты спешили как на выступления популярных артистов разговорного жанра, и хотя после двух часов живых обсуждений и всплесков неудержимого смеха в конспектах мало что оставалось, зато надолго сохранялось ощущение праздника и уверенности, будто ты узнал что-то важное о мире, людях и самом себе.

Несмотря на стремительно расползающиеся в обществе метастазы корыстолюбия и чёрствости, в медицину, как это ни странно, по-прежнему шли люди по внутреннему призванию, не рассчитывающие на сытую и спокойную жизнь. У каждого была своя личная мотивация, но

²⁸ Здесь и далее стихи Алана Бека

главными отличительными чертами оставались сострадание и философская готовность к жертвенности, странным образом замешанные на особого рода интеллектуальном снобизме.

Именно осознание и рафинирование собственной избранности предполагало добровольное взваливание на себя тяжелой ноши в обмен на весьма виртуальные вознаграждения. Это была в некотором смысле идеалистическая религия – без писаных догм и нормативов, прочно связывающая людей определённого сорта невидимыми нитями братства. В старых госпитальных палатах, где когда-то лечился любимый им Чехов, казалось, даже первокурсники моментально пропитывались этим духом, превращающим их в готовых врачей, интуитивно принимая основополагающий постулат российской медицинской школы, повелевавший при любой болезни лечить прежде всего душу человека.

Москва, которая так не понравилась Руслану вначале, теперь открывалась через совсем другие двери. Запустение, хмурость и недружелюбие, царившие на улицах, оказались лишь неприглядной ширмой, как бы отгородившей от глаз досужих приезжих истинную Москву: столицу душевных кухонных разговоров, влебяюще интересных, сердечных людей, ошеломительных концертов и выставок, неугасаемого пламени мысли и культуры, продолжающего несмотря ни на какие ветра волнительно трепетать в этом необыкновенном городе.

Из-за напряжённой учёбы, перемежающейся спонтанными пирушками, и едва ли не ежедневного интимного общения с немедленно окружившими его бесчисленными подругами регулярно молиться стало просто некогда. Пришлось сначала сократить процедуру до 2-3 молитв в день, потом до одной, а потом он и вовсе стал забывать об этом, порой по несколько дней кряду.

Иногда, спохватившись, он просыпался среди ночи и виновато почёсываясь, извлекал моленный коврик из кладовки, однако странным образом, слова, которые недавно казались ему наполненными мудростью и смыслом, сейчас настолько мало вязались с окружающей действительностью, что опять стали чудиться принадлежностью нереального, выдуманного мира. Даже во время отчаянно страстных взываний к Аллаху, голова его постоянно оказывалась занятой чем-то другим, и порой он обращался к Всевышнему с просьбами, узнав о содержании которых, имамы прокляли бы его как позорного нечестивца.

Временами он испытывал грызущие мучения от того, что представлялось ему предательством своей веры. В один из таких покаянных моментов, он пренебрёг строжайшим запретом иметь у себя Коран и, поддавшись накатившему приступу вины, купил Святую Книгу в киоске у метро.

Ночью, едва дождавшись пока новая подружка, имя которой упорно пыталось ускользнуть из притуманенного алкоголем мозга, сладко засопит после энергичных объятий, Руслан тихонько вытащил руку из-

под золотистой россыпи кудрей, и крадучись приоткрыл дверь кладовки, где он оборудовал для Корана специальный тайник.

Другой тайник, где он держал деньги и некоторые втихомолку сохранённые им в лагере амулеты, был у него в ванной, но положить туда Коран он счёл святотатством. В лагере на религиозных занятиях их учили, с каким почтением надо обращаться с этой Книгой. Руслан как-то вполне естественно впитал в себя, что рядом с Кораном не должно лежать вообще ничего, и потому даже ощутил себя избавителем Священного Писания от тьмы обступавших Его в ларьке неподобающих книг.

Подержав в руках бережно обёрнутый шёлковым платком Коран, он, несмотря на валящую с ног усталость, проскользнул в ванную и встал под горячие струи воды. На полный гусл-джанабат²⁹ сил у него уже не было, и он решил, что просто душ – это вполне достаточное очищение.

Его одолевал соблазн приступить к молитве прямо в ванной, но он удержал себя от неблагопристойной торопливости. Это место не подходило для общения с Всевышним. Руслан прекрасно помнил слова Пророка, сказавшего как-то своим ученикам, что он постоянно обращается к Богу, ни минуты не мыслит без Него, и поэтому время, проведённое в туалете – самое для него трудное.

Выйдя из ванной и опустившись на коврик, он не без труда достиг надлежащего внутреннего состояния, и только тогда принялся истово молиться, чего не делал уже несколько дней, униженно умоляя Аллаха дать немедленный ответ словами Священного писания на раздирающие его душу противоречия.

Потом дрожащими от волнения пальцами он наугад открыл Коран и не веря своим глазам прочёл: *«Верующие! Не приступайте к молитвам, когда вы пьяны так, что не понимаете того, что говорите; ни тогда, когда бываете осквернены истечением семени, до тех пор, пока не омоее всего тела. Если вы больны, или в дороге, или когда кто из вас пришел из отхожего места, или когда вы совокуплялись с женами и не нашли воды – очищайте себя чистым песком: им обтирайте лица свои и руки свои. Воистину Аллах милостив и прощающий».*³⁰

Руслан оторопел и виновато закрыл Книгу, старательно укутав её обратно в шёлк. Он так и не пришёл к выводу, было ли это глумливой насмешкой реальности над тем, что он называл Богом, либо напротив – издёвкой всевидящего Господа над ним самим, так легко отринувшим всё, чему ещё недавно прилежно поклонялся. Однако в любом случае, его нынешняя жизнь и Аллах совмещались очень плохо.

²⁹ Гусл-джанабат – ритуальное омовение после полового акта, отличающееся особой тщательностью. Не совершившему этого строго запрещено прикасаться к Корану и совершать намаз.

³⁰ Цитата из суры «Жёны» (46).

11 декабря 1994 года
Москва

– Ты слышал?! – встретил его у входа в институт заспанный, но взбудораженный Нохрин. – Эти сволочи всё-же затеяли войнушку!
– Что случилось? – внутренне напрягаясь, произнёс Руслан.
– Объявили сегодня утром о вводе войск в Чечню. Уже идут бои, люди гибнут... Вот же уроды, мать твою!
«Значит невозможное стало возможным!» – с отчаянием подумал Руслан. – «Абу-Бакр всё-таки оказался прав».

Нохрин продолжал возмущённо распинаться, размахивая руками, но Руслан, шагая рядом с ним, уже не слышал его слов, погружённый в тяжёлые мысли.

Вплоть до сегодняшнего дня он всё упорнее пытался не верить в то неизбежное, что надвигалось с угрожающей отчётливостью. В последние месяцы обоюдные угрозы и воинственная риторика лидеров России и Чечни становились всё более дерзкими, провокации всё масштабнее.

Чеченцы уже не ограничивались хозяйничаньем на своей территории. Весной и летом они провели операции по захвату заложников в Минеральных Водах, распространив тем самым конфликт и на русскую землю. В решительных действиях террористов и их запредельной безжалостности Руслан почувствовал стиль своих бывших коллег по лагерю, но гордости при этом почему-то не испытал.

Россия не оставалась в долгу. В конце ноября российские СМИ экстренно объявили, что антидудаевская чеченская оппозиция, вооружённая всеми видами оружия, включая более сотни танков, вошла в Грозный. Пропаганда поспешила представить дело так, будто чеченский народ наконец-то сверг режим Дудаева. Однако танки были почти моментально сожжены или захвачены, и обнаружилось, что в них на самом деле сидели завербованные спецслужбами офицеры и прапорщики российской армии.

Торжествующий Дудаев пригрозил расстрелять всех пленных, если Россия не признает факт участия российских военных в провалившейся операции, но министр обороны Грачёв отрёкся от своих офицеров, сказав, что его не интересует судьба каких-то там «наёмников». При этом он горделиво заявил о том, что способен взять Грозный «за два часа силами одного парашютно-десантного полка».

Сжигая последние мосты, Дудаев подстрекательски угрожал: – Тех, кто готов устроить на нашей земле глобальное кровопролитие, смею заверить ещё раз: мы нанесем страшный ответный удар. Тридцати минут будет достаточно, чтобы была гора трупов. И горе матерей русских солдат окажется безмерным!

Тем не менее всё ещё верилось, что дальше глупым играм заходить уже некуда – война перечеркнёт все надежды на разумное решение проблем. И вот она, несмотря ни на что, началась...

Первой утренней парой была лекция всеобщего любимца – молодого профессора гистологии, умницы и эрудита Донцова, всегда выглядевшего безупречно-утончённым джентльменом, но при этом не гнушавшегося иной раз украсить свою и без того выразительную речь сочным народным эпитетом. Выражение его холёного лица неизменно оставалось аристократически полусонным, что придавало шуткам дополнительный взрывной эффект.

В тот день, однако, он не был расположен шутить. – Я хочу вам сегодня сказать, – начал он своё выступление, – что мне стыдно за государство, в котором я живу. Впрочем, это не имеет никакого отношения к теме нашей сегодняшней лекции. Итак...

Но аудитория сразу же возбуждённо загудела. Было видно, что многие, подобно Руслану, не слышали утреннего выпуска новостей, и суть происходящего им торопливо разъясняли соседи.

Нохрин вскочил с места: – Предлагаю демонстрацию протеста! Студенты-медики против войны! – крикнул он, размахивая рукой для привлечения всеобщего внимания. – Власть должна знать наше мнение!

Зал наполнился беспорядочными выкриками и движениями. Донцов постучал пальцем по микрофону на своей трибуне: – Спасибо, Валерий Сергеевич, – обратился он к Нохрину (Донцов с первых же занятий знал имена и отчества всех студентов и только так к ним и обращался).

– Вынужден разочаровать вас: высказывать власти своё мнение имеет смысл лишь тогда, когда она способна его хотя бы выслушать. В нашем же случае она сделает и с вашим, и с моим мнением то, что делает всегда. А именно – засунет его поглубже в анальное отверстие. Поэтому предлагаю не дон-кихотствовать и не растрачивать время и душевные силы, а...

Студенты возмущённо заголосили с мест: – ...Что же, так и сидеть?!... Но кто-то же должен! ...

Донцов поднял руку: – Ребята! – впервые обратился он к аудитории с этим словом, и от неожиданности все затихли. – Поверите ли: я совсем недавно тоже бросался на разные демонстрации и защиты Белых Домов, о чём сейчас сожалею и чего искренне стыжусь. Мы, интеллигенты-профессионалы, не сможем изменить мир к лучшему, исповедуя законы стада, или, если угодно, быдла. У нас другая стезя – мы должны при любых обстоятельствах честно и грамотно делать своё дело. Итак, тема нашей сегодняшней лекции...

Аудитория понемногу утихомиривалась, склоняясь над конспектами. Но Руслану теперь было не до учёбы. Несмотря на то, что он уже много раз представлял себе этот момент и обдумывал свою возможную реакцию, в голове его творился полный кавардак, и прежде всего в самом принципиальном вопросе: на чью же сторону он должен сейчас встать?

Две его Родины – большая и малая – по какой-то дьявольски кривой ухмылке судьбы теперь воевали одна с другой. И ту, и другую он любил страстно, хотя в каждой из них видел немало изъянов, которых не просто стеснялся, а искренне ненавидел. Но помимо довольно абстрактных категорий, и по ту, и по эту сторону находились вполне реальные люди, его любимые люди: родные, друзья старые и новые, да и

просто много-много тех, кого он пусть не зная близко, уважал, а перед некоторыми даже преклонялся.

Сквозь облако тяжких дум до него донеслись взрывы смеха: Донцов умудрился и сейчас развеселить аудиторию. Руслан обвёл взглядом смеющиеся, беззаботные лица. А ведь возможно именно в этот самый момент на его отчий дом падает русская бомба, сброшенная рукой русского лётчика...

И в то же время он больше всего боялся, что приказ чего-нибудь взорвать поступит ему именно сейчас. Но что он мог взорвать, кроме своего любимого института, где были лишь его друзья и единомышленники?

Придя домой, он, не раздеваясь, включил настроенный на волну «Радио «Свободы» приёмник, по которому в последнее время каждый вечер слушал репортажи о событиях вокруг Чечни. Телевизору он до конца не доверял, тем более, что высказываемые и показываемые мнения о творящемся бывали порой диаметрально полярными. Особенно удручало то, что даже симпатизирующие его народу журналисты и политики ужасающе мало знали о Чечне и о сути происходящих там процессов.

По «Свободе» передавали интервью уже совсем старенького Авторханова, и Руслан, едва сняв запорошенную снегом шапку, вожделенно приник к приёмнику. К его изумлению, Авторханов, несмотря на закрепившийся за ним имидж неколебимого националиста и идеолога независимости, призывал Дудаева не объявлять газават³¹ России, поскольку с Чечнёй «воюет не Россия а кремлёвская клика, которая сама находится в необъявленной войне с собственным народом».

Репортёр был, по-видимому, не менее поражён, чем Руслан, и Авторханов взвешенно разъяснял, что международный джихад на территории Чечни станет для неё катастрофическим: в регион хлынет весь цвет международного терроризма, радикальные боевики со всего мира, и на Северном Кавказе сформируется такой «террористический интернационал», от которого Чечне потом придётся избавляться годами.

– Но Абдурахман Геназович! Как же тогда Чечня может отстоять свою независимость?

Авторханов помедлил, чувствовалось, что ему нелегко говорить эти слова: – Видите ли, сейчас я сам сомневаюсь, что Чечня может быть независимой. Моя самая большая надежда заключается в том, чтобы Чечня имела максимальное внутреннее самоуправление и безусловный союз с Россией. А в какой форме – дело самих чеченцев. Чеченский характер таков, что они уважают только то государство, которое не посягает на их самобытность, на их гражданское достоинство...

– Но ведь вы не можете ожидать такого деликатного отношения от кремлёвского руководства?

³¹ Газават – Священная война, предписанная Кораном и объявляемая мусульманами иноверцам; джихад.

– Сейчас, разумеется, нет. Нынешнюю Чечню сделал самостоятельным государством не Дудаев, а сам Ельцин. Для этого человека священна только одна идея: власть. Он способен абсолютно на все: на расстрел из танков собственного парламента, на гражданскую войну... С тех пор, как он пришел ко власти, Россия была приговорена к отчуждению от самой себя.

– Так что же в этой ситуации делать чеченцам?

– Бороться всеми имеющимися силами, но не с Россией, а с её правящим режимом! Его нельзя признавать законным. А вот когда в России будет правовой, демократический строй, Чечня должна стать составной частью будущей России – в этом я уверен!

Руслан наконец стащил с себя куртку, с которой на пол скатывались крупные капли воды. Комфорта в его голове не наступило. Авторханов предлагал путь, с которым он внутренне был согласен более всего, но в его ситуации начавшаяся война фактически не оставляла выбора, кроме строго однозначного: вставая на сторону одних, он неизбежно становился предателем для других...

С тяжёлым вздохом он вытащил молельный коврик.

Штурм Грозного начался в новогоднюю ночь.

Руслан отправился было встречать Новый год в компании с друзьями на квартире однокурсницы в Новых Черёмушках, но его лихорадило так, что он с трудом понимал обращённые к нему слова веселящихся всю студентов. К разочарованию многих дам, он быстро ушёл домой, и там застыл в кресле перед телевизором в нетерпеливом ожидании кратких сводок новостей, в перерывах между развлекательными программами.

В новостях каждый час крутили один и тот же видеоряд: беспечные русские лица юных солдатиков, колонны танков, в сопровождении повторяющегося хвастливого заявления Грачёва с обещанием взять Грозный «за два часа силами десантного полка».

– Ну-ну! – хмыкнул мрачный Руслан, нервно отшелушивая липнущую к пальцам фольгу от заиндевевшей бутылки шампанского. Уж он-то хорошо себе представлял, что могут сделать с едва обученными новобранцами те, кто защищал сейчас его родной город.

Под утро он задремал, а когда проснулся, на светящемся экране мелькали уже совсем другие кадры: остовы сгоревшей бронетехники федеральных сил, обугленные трупы экипажей и пехотинцев. Трагическими голосами дикторы сообщали о тяжёлых потерях выбитой из города наступательной группировки, практически полном уничтожении 131-й Майкопской мотострелковой бригады на улицах чеченской столицы. По предварительным данным, в новогоднюю ночь в Грозном погибли и пропали без вести более полутора тысяч солдат и офицеров федеральных войск.

– Ура-а! – вскакивая с кресла, вдруг хрипло закричал Руслан, потрясая почти опорожнённой бутылкой, а потом в восторге глотнув уже тёплое, вспенившееся вино прямо из горлышка. – Аллах... акбар! – выдавил он сквозь кашель.

Битва за столицу Чечни закончилась лишь к февралю. За месяц безжалостных кровавых боёв Грозный был практически стёрт с лица Земли. Руслан, не веря глазам, смотрел кадры хроники, более напоминавшие военные киноленты о разрушенных фашистами городах, и лишь по каким-то случайным фрагментам узнавал то возвышающийся среди развалин уцелевший угол знакомого здания, то изгиб набережной, где теперь остались сплошные руины.

В череде мелькающих картинок, он пытался разглядеть свой дом на проспекте Победы, но даже сам проспект распознать теперь было уже невозможно.

Данные о жертвах среди мирного населения пока не сообщали, и об этом не хотелось даже думать, но Руслан очень надеялся, что его семья загодя смогла уехать из города подальше в горную деревню к родственникам. Однако зная характер отца, он был почти уверен, что тот не только остался в Грозном, но и организовал там какой-нибудь полевой госпиталь для помощи раненым.

Больше всего его поразили кадры, на которых чумазые грозненские мальчишки жарили что-то на пламени Вечного огня у обезглавленного памятника советскому солдату посреди заваленной ещё не убранными трупами площади и залихватски пели под гитару переиначенную песню Шевчука:

Что такое Грозный? Это камни...

18 июня 1995 года
Москва

В дверь настойчиво позвонили в третий раз. Руслан с досадой мотнул головой, не в силах отвести взгляда от телевизора. На экране вот уже полчаса крупным планом показывали лицо человека, которого Руслан прекрасно знал. Бывший инструктор их лагеря запросто разговаривал по телефону со вторым человеком в российском государстве – премьером Черномырдиным.

– Говорите громче, Басаев! – терял терпение премьер-министр. – Я дал вам свои личные гарантии, теперь мне нужны твои личные гарантии, что ни один заложник в Будённовске больше убит не будет!

– Мне не нужны гарантии моей собственной безопасности, – спокойно и как-то буднично отвечал Шамиль. – Мне нужны от вас гарантии прекращения войны в Чечне и начала переговоров между президентами...

– Я же сказал вам, Басаев...
– ...иначе к исходу дня я расстреляю ещё пять человек. И так каждый день – у меня их тут много.

Руслан наконец с трудом оторвался от экрана и, подскочив к входной двери, широко распахнул её. Нохрин с Лазуткиным уже стояли у лифта. – А мы уж решили дома тебя нет, – укоризненно проворчал Валерка. – Договорились же на три!

– Да тут телевизор громко работает, не слышал, – оправдываясь буркнул Руслан.

– А там чего, Будённовск показывают? – заинтересовался, входя, Нохрин. – Ух ты! Так вот он какой, Басаев! Слушай, ну вот с виду вроде ж человек как человек, только с бородой...

Некоторое время они молча слушали, как пытающийся казаться властным и напористым премьер шаг за шагом уступал лишённому эмоций, но непреклонному нажиму лидера террористов, обещая ему прекратить боевые действия в Чечне и начать переговоры, предоставить автобусы для возвращения боевиков домой, гарантируя им всем личную безопасность, и даже рефрижератор для доставки трупов на родину.

– Ребята, ну я этого не понимаю! – возмущённо заговорил Лазуткин. – Ладно, оставшихся заложников нужно как-то спасать, но если вступать в переговоры с террористами, они ведь почувствуют, что их тактика работает! А значит будут новые и новые заложники – что же тогда, всё время соглашаться с их требованиями?!

– А если бы среди этих заложников твоя мать или сестра была? – прищурившись спросил Валерка. – Ты бы тоже недрогнувшей рукой спецназ на штурм послал? Тем более, что пытались уже штурмовать эту больницу – сколько там погибших уже? Больше ста? А в заложниках ещё тысячи полторы остаются.

Все опять напряжённо замолчали. Началась пресс-конференция российских и зарубежным журналистов с Басаевым. Глядя в камеру остановившимися глазами, тот на весь мир заявлял: – Вот вы говорите, Будённовск – это террор. А то, что российская авиация бомбит наши сёла каждый день – это не террор? Там ведь только мирные люди гибнут! А мне ближе мой народ, чем весь остальной мир. Мало ли что про нас россияне подумают. А что мы про них думаем? Какому террору они наш народ подвергли? Это – ответная реакция. Мы вынуждены прибегать к крайним средствам, чтобы просто выжить.

Нохрин крякнул. – М-да... Я уж и не знаю, как к ним теперь относиться. Ведь вроде человек свою родину защищает, народ, но методы-то самые бандитские! Воюйте с армией, причём же тут обычные люди?

– Я и говорю: с бандитами никаких разговоров быть не должно, – воспрянул Лазуткин. – Они сами себя вне закона поставили. Уничтожать, как бешеных собак! Это же нелюди!

Нохрин строго взглянул на Лазуткина, но ничего не сказал. А Руслан вдруг ни с того ни с сего вспомнил, как Шамиль рассказывал

курсантам о своей работе контролёром в московских автобусах: – Эти русские – они же нелюди, слизняки. Ну, попался безбилетник – так признай открыто свою вину, заплати рубль, и езжай дальше с чистой совестью. Нет, он будет врать, выкручиваться, прощения просить... Я всех штрафовал – никого не пощадил, ни одного человека. За это и уволили – им честные люди только жить мешают.

20 сентября 1996 года
Москва

– ... Доктор Биркин сказал, что вы здесь на сегодня уже не нужны. Он вернётся после обеда, и будет полдня работать в лаборатории. Так что можете идти гулять.

– Мария Петровна, – пристально глядя медсестре в глаза негромко заговорил Руслан. – В ваши обязанности не входит давать советы докторам, даже будущим. Зато вы обязаны выполнять их указания. А я попросил вас принести истории болезни людей, которые ждут в коридоре.

Пожилая сестра сперва опешила, потом возмущённо округлила глаза и демонстративно не спеша покинула кабинет, всплескивая руками и что-то бормоча. До Руслана донеслось: – ...Нашлись тут... доктора!... Меня, с моим-то стажем!... – но и это не могло испортить его великолепного расположения духа.

С 3-го курса у них начались практические занятия по различным специальностям в клиниках и больницах Москвы, так называемые «циклы». Самостоятельно делать им пока давали не много, но Руслан снова и снова убеждался, что медицина – его духовное призвание. Кайф от оказания реальной помощи нуждающимся в ней людям был всё-таки не сравним ни с чем, испытанным ранее в его жизни. Он напрочь забывал о времени, возясь с больными и с их запутанными историями болезней.

Свою первую практику он проходил в онкологическом центре на Каширском шоссе. Занятие это было само по себе довольно тягостным делом – ежедневное общение с людьми, которым фактически объявлен смертный приговор, не располагало к оптимизму и хорошему настроению. В коридорах центра пахло обречённостью и людским безволием.

Доктор Биркин, с которым он работал, отличался изрядной склонностью к садизму, что видимо являлось своего рода компенсаторной реакцией на лавины негативных эмоций и бессилие ощутимо помочь больным. В его манере общения с пациентами преобладали обвинительные интонации, как будто люди были сами виноваты в том, что лечение не помогает.

– Вот видите, видите метастазы куда продвинулись?! – торжествующе вопрошал он, грозно тыча пальцем в снимок. – Видите: вот! И вот! Это, батенька, уже всё – не-о-пе-ра-бель-но! Casus non operandi, так сказать-с! Всё!

Он сердито швырял на стол историю болезни, садился и словно любовался эффектом, произведённым на парализованного ужасом пациента. – В-общем, не знаю, не знаю... Попробуем отправить вас на химию, – как бы отойдя от гнева, уже почти мечтательно продолжал он. – Сеансов 10-12... А что вы ещё хотели? Потом на облучение. Да-да! Других вариантов я уже не вижу, иначе – каюк! Ступайте, выполняйте все рекомендации, а после процедур снова явиться сюда!

Вероятно он считал, что такие строгие разности больных стимулируют в них желание более активно сопротивляться болезни, но Руслану всё больше и больше становилось не по себе от этой искусственно нагнетаемой атмосферы отчаянья и безысходности.

«Зачем лишний раз грузить человека, который и так ежесекундно думает о смерти?» – недоумевал он. Ему казалось гораздо более целительным хоть как-то подбодрять людей, чтобы после встречи с врачом их настроение становилось лучше.

Вскоре ему представилась возможность воплотить в жизнь свои идеи. Биркин позвонил с утра и сказал медсестре, что до обеда его не будет, попросив переназначать часы приёма для запланированных пациентов.

Однако Руслан воспользовался случаем и вместо того чтобы гнать приходящих людей обратно по домам, решил попрактиковать самостоятельный приём, уделив каждому хотя бы по несколько минут для советов, да поднятия их жизненного тонуса. Перед этим ему пришлось вдоволь повозиться с толстенными папками историй болезней, большинство владельцев которых приходили в клинику уже не за лечением, а за обезболивающими, либо чисто механически, по установленному когда-то графику.

Когда он, сияя улыбкой, выглянул из кабинета, у самой двери неподвижно сидела совершенно высохшая бабулька, скорбно поджав морщинистые губы и глядя перед собой потухшими глазами. Руслану даже стало неловко за свой цветущий вид и очевидное здоровье, не пошатнувшееся даже в результате не прерываемой вторую неделю гульбы.

– Что грустим, бабушка? – как можно веселее спросил Руслан, стараясь передать бабке хотя бы частичку своего прекрасного расположения духа. – Разве есть причина так кручиниться?

Бабка медленно приподняла на него бесцветные глаза и прошелестела: – Да как же не грустить, сынок. Рак ведь у меня.

– Рак? – недоверчиво переспросил Руслан. – Ну-ка давайте разберёмся, какой-токой у вас рак.

Он провёл бабушку в кабинет, достал её рентгенограмму испещрённую множественными метастазами, долго изучал её и наконец бодро заявил: – Ну вот, я так и думал: никакого рака у вас нет!

– Да ты что, сынок? – даже испугалась бабулька. – Мне же все говорят «рак», уже и лечить вон перестали...

– Поэтому и перестали, что его нет, – убеждённо заверил Руслан. – Я вообще ничего у вас не вижу. Давайте-ка, посмотрите сами – ну, где он?

Бабуля долго и недоверчиво рассматривала снимок. – А ты не шутишь, сынок? – наконец пылливо спросила она.

– Ну какие тут могут быть шутки, бабушка! Вы же всё видите сами, своими глазами. Идите, и радуйтесь жизни. И не нужно вам больше каждую неделю сюда приходить! – прокричал он ей вдогонку. – Только если заболит где-нибудь!

От вида торопливо припустившей к лифту старушки его отличное настроение ещё более улучшилось. – Следующий, на излечение! – весело крикнул он.

Его безоблачное состояние души объяснялось ещё и тем, что несколько дней назад закончилась наконец эта бредовая война. 31 августа в Хасавюрте были подписаны мирные соглашения, по которым Россия практически в одностороннем порядке прекращала боевые действия и выводила все войска с территории Чечни.

Реально это означало военную и моральную победу чеченцев, что казалось совершенно невероятным. Итог войны убедительно подкреплялся событиями последних месяцев, когда в августе чеченцы в результате эффектного штурма взяли Грозный, разгромив российский гарнизон более чем десятикратно превышавший численность штурмующих. За Грозным незамедлительно последовали Аргун и Гудермес, и вот – русские войска уходят из Чечни!

Ликование Руслана было каким-то противоречиво двойственным. С одной стороны, его отчего-то распирала необыкновенная гордость, как будто бы он сам провоевал в горах все эти три года и лично участвовал в освобождении родного города. Его друзья, его братья по крови сделали то, во что он сам даже не верил.

С другой стороны, пожалуй, ещё более важным для Руслана результатом завершения войны, в чём он боялся признаться самому себе, было то, что до сих пор не объявился никто из его бывшей жизни. «А может быть всё-таки я им уже и не понадобится?!» – с надеждой задавал он себе вопрос, и с каждым разом это представлялось более и более вероятным.

Ведь и в самом деле: во-первых, о нём и его задании знали буквально считанные люди, которые будучи постоянно на самом острие событий, вполне могли все погибнуть, как погиб в апреле и сам Джохар Дудаев прямо во время телефонного разговора убитый наводящейся ракетой российского штурмовика. Вдобавок к этому, после смерти президента стратегические планы его преемников могли неоднократно поменяться. Ну и в-третьих, если бы Руслан был им действительно нужен, они наверняка нашли бы его уже давно, когда судьба Чечни много раз висела на волоске.

Сочувствуя борьбе своих земляков, он всё меньше хотел каких-либо заданий. Ему нравилась его теперешняя жизнь – всё это: и поглощающая учёба, и друзья, и образ мыслей – постепенно стали действительно его неприкасаемо личным.

Он продолжал очень пристально отслеживать всё, что происходило в Чечне: помимо стремления разглядеть будущее своей малой Родины, надеясь разыскать среди газетных строчек хоть какое-то упоминание об отце, о своих родных. Фамилия «Дудаев», разумеется, мелькала всё ещё очень часто, но ни к кому из его близких родственников это отношения не имело.

10 декабря, 1997 года
Москва

– Ну и что у тебя с Жанеткой? – прокричал сквозь грохот музыки на ухо Руслану Валерка.

Руслан в ответ просто махнул рукой. Ещё пару недель назад он ответил бы на этот вопрос, что не за горами свадьба, а сегодня был уверен, что вообще никогда не захочет её видеть.

Жанетта училась на курс младше его, и их роман начался с того, что она, обаятельно стесняясь и таинственно опуская ресницы, зашла в аудиторию попросить у него реферат по нефрологии, который он с блеском представлял по результатам практики прошлым ноябрём. Он, польщённый, начал был ей что-то рассказывать, но когда она вдруг подняла на него свои шальные светлые глаза, Руслан совершенно отчётливо понял, чем закончится намеченная на вечер передача реферата, и вдоль позвоночника хлынула сладкая волна разбегающихся мурашек.

Отношения их развивались стремительно: уже через неделю она, разругавшись с родителями, перевезла в его квартирку на Тропарёвской улице четыре чемодана, набитых своими вещами.

Руслан впервые в жизни ощутил себя в роли мужа, и нельзя сказать, чтобы это ему поначалу не понравилось. Он уже давно начал тяготиться бесконечными, словно круговорот жидкости в природе, появлениями и исчезновениями ни на что не претендующих подруг, тогда как его основательная сущность желала чего-то более прочного и постоянного.

С Жанеттой сначала всё казалось настолько прочным, что порой по утрам они не могли оторваться друг от друга, вместе опаздывая на занятия и с вожделием предвкушая наступление выходных, когда можно будет вообще не вылезать из постели. Ему восторженно думалось, что это и есть настоящая любовь.

Однако вскоре Руслан сделал очень разочаровывающее открытие: любовь, а тем более совместная жизнь не могут зиждиться исключительно на сексе. Потребовалось совсем немного времени, чтобы эйфория влюблённости стала уступать место досадным откровениям в различии их взглядов на казалось бы бесспорные житейские истины. Как-то внезапно они начали часто ссориться из-за каких-то пустяков, а

взрывной характер Руслана, просто не представлявшего себе возражений со стороны женщины, превращал раздоры в порою дикие сцены.

Впрочем, поначалу ей даже нравилась его исступлённая ревность и всплески гнева, которые она принимала за страсть. Когда однажды он, задыхаясь от ярости, выставил на лестничную площадку все четыре чемодана, наспех набитые груды её шмотья, она, словно обрадовавшись, тут же пропихнула их один за другим в приоткрытую щель коридорного окна на десятом этаже...

Примирение наступало так же бурно и продолжалось обычно до самого утра.

Однако постепенно проявились и более серьёзные разногласия в представлениях о совместной жизни. Руслан искренне считал, что Жанетта должна прекратить все отношения с мужчинами, даже чисто дружеские, поскольку это «позорит» его в глазах окружающих, с чем она была принципиально не согласна.

– Как ты можешь жить со мной и продолжать флиртовать с моими друзьями?! – орал он на неё. – Они меня уважать перестают, я для них уже не мужчина, а тряпка!

– Во-первых, я с ними не флиртую, а нормально, как женщина с мужчинами, общаюсь, – спокойно возражала она, что воспламеняло в Руслане вторую ступень бешенства. – А во-вторых, если ты такой ревнивый, тебе надо жить где-нибудь на Ближнем Востоке, а не в Москве.

– Это не ревность! – угрожающим шёпотом пытался урезонить её он. – Это нормы нормального поведения!

– Да кто тебе сказал, что это «нормальные нормы»?! – выходила из себя теперь уже она. – Тебя что ли монахи-иезуиты воспитывали в твоём интернате?

Его всё больше бесило, что она так много времени проводит у зеркала. – Для кого ты красишься? – не выдерживал наконец он. – Я тебе сто раз говорил, что мне нравится, когда на тебе совсем немного косметики!

Она насмешливо взглядывала на него своими ярко подведёнными глазами, а ему нестерпимо хотелось ударить её так, чтобы в них раз и навсегда застыли смирение и покорность.

Как ни странно, он так и не ударил её ни разу. Даже когда однажды, случайно заглянув в преподавательскую, вдруг увидел Жанетту бесстыдно поводящую длинными ногами в короткой юбке, присев на край стола перед Донцовым, выражение глаз которого было уже совсем не джентльменски прохладным, а казалось вот-вот воспламенит листы бумаги в его подрагивающих руках.

Жанетта перевела взгляд на Руслана, и он, словно внезапно прозрев, вдруг понял, что глаза у неё вовсе не шальные, а просто шалавные.

– Ну и что такого? – с вызовом спросила она, догнав его, хотя он не проронил ни слова. – Мне же надо как-то зачёт по гистологии сдавать!

С этого мгновения он перестал относиться к их отношениям серьёзно, пусть по-прежнему и сходил с ума от её постельного неистовства и свирепел случаями от вспышек неукротимой как и раньше ревности. Но он уже бесповоротно понял, что его женой она не будет никогда, и этой влюблённостью надо просто переболеть, терпеливо и осмысленно перенося возможные рецидивы и осложнения.

Она сразу почувствовала ослабление накала его страсти. Они стали всё чаще и чаще проводить вечера порознь, пока она вдруг не исчезла на целых три дня, а потом, объявившись как ни в чём ни бывало, принялась, напевая, собирать свои многострадальные чемоданы.

Он стоял у окна, поскрипывая зубами и борясь одновременно с двумя желаниями: задушить её немедленно, или повалить поперёк кровати и, разодрав одежду и бельё, вонзиться со сладкой болью в эту непостижимую вселенную между длиннющими невинно-шелковистыми ногами, по которым он так безумно скучал эти три дня.

В этот момент зазвонил телефон. Нетрезвый голос Родюшкина убеждённо призывал его срочно явиться «к Лильке на Авиамоторную», где как обычно «совершенно случайно» оказалась почти вся их группа.

Руслан поначалу сдержанно отказывался, но вдруг представив себя одного в квартире после того, как закроется дверь за Жанеттой, торопливо прокричал в трубку: – Ладно, ладно! Напомни адрес!

Пьянку спонсировал, как обычно, Нохрин. Его отчим, или как он называл его «матушкин плэйбой-френд», некий олигарх из «Газпрома» выдавал ему деньги совершенно бесщёдно, откупаясь тем самым за то, чтобы Валерка по возможности реже возникал на их горизонте. Нохрин же считал своим долгом как можно стремительнее избавляться от этих средств, нещадно пропивая их с друзьями, однако олигарх упорно продолжал оставаться неисчерпаемым живительным источником. Видимо, он не вполне представлял себе, сколько реально денег должно уходить на жизнь современного студента.

Прогуливать все деньги Нохрину становилось всё труднее, в карманах пиджаков и курток он обнаруживал новые и новые залежи наличных, и наконец в одно прекрасное похмельное утро он вдруг купил себе машину, старенький жёлтый спортивный «Пежо» под предлогом того, что это заставит его меньше пить.

Привело это лишь к тому, что отвозить его домой теперь всё чаще приходилось Руслану. Ему, впрочем, даже понравилась эта необычная роль водителя, поскольку теперь можно было вполне легитимно ограничить потребление всё более тяготившего его спиртного, ну а к тому же он успел соскучиться по вождению. Стремительная езда по ночным московским улицам приятно щекотала нервы и давала разрядку копящимся негативным эмоциям от утомительной учёбы, засасывающего общения и неизбежного чувства бесприютной двойственности.

Кроме того, Руслан мог теперь пользоваться нохринским «Пежо» когда ему это было нужно. Свою машину он покупать не хотел. Хотя выданных ему денег оставалось ещё немало, светиться вызывающими недоумение расходами было ни к чему.

Остающиеся деньги как-то обременяли его совесть. Он старался почти не тратить их, дабы оставить для себя возможность вернуть всё ещё значительную сумму, если «братья» наконец объявятся.

В реальность своего задания он верил сейчас меньше, чем когда либо. Весной Ельцин и Масхадов подписали мирный договор, в котором торжественно поклялись «навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов». Чечня зализывала раны и дурела от невиданного прежде приволя.

Подспудно его, однако, беспокоило то, что постепенно сбывались тревожные предсказания уже покойного Авторханова – туда повалили арабские боевики и проповедники, стремящиеся распространить ваххабитские ценности и идеи сепаратизма по всему Северному Кавказу. Умеренный Масхадов пытался противодействовать радикальным течениям, но они обретали всё более мощную поддержку...

Он наливал себе уже четвёртый или пятый стакан, безуспешно пытаясь захмелеть, когда запиликал его мобильный телефон.

По вибрирующему голосу Жанетты он почувствовал, что она тоже изрядно выпила. В трубке слышалась громкая музыка и мужские пьяные возгласы, что тут же вызвало у него плохо контролируемый приступ ревности.

– Ты где? – обеспокоенно спросил он.

– В Караганде! – вызывающе сообщила она, потом вдруг вздохнула, и тон её стал по-детски жалобным: – Руська, заberi меня отсюда. Пожалуйста!

– Где в Караганде конкретно? Говори адрес.

– Подъезжай к «Ядрану», я выйду ровно через 30 минут. Только не опаздывай – у меня нет тёплой одежды.

– Никуда не выходи. Дай мне адрес! – настаивал он.

– Ни к чему тебе знать этот адрес. Тут такие мальчишки – враз твою красивую голову оторвут. – Она повесила трубку.

Вне себя от ярости и нанесённого оскорбления Руслан подскочил к Нохрину, утонувшему в кресле и благодушно поглаживающему запотевший стакан: – Валерка, дай ключи! Мне надо быстренько туда-сюда смотаться.

– В пальто, – меланхолично отозвался Нохрин. – Постой, ты за мной-то вернёшься? – спохватился он, выкарабкавшись из кресла и протискиваясь между танцующими телами вслед за Русланом в коридор.

– Да вернусь конечно! Я только Жанетту привезу, – отрывисто кинул Руслан, нетерпеливо пританцовывая у лифта.

– погоди, куртку хотя бы накинь! – прокричал ему вслед Валерка, но конец его фразы оказался отсечённым дверью лифта скрипучей, но стремительной как гильотина.

Бодрящий морозный воздух и промёрзшее сиденье «Пежо» немного остудили пыл Руслана, и всё же он рванул с места словно застоявшийся конь.

Спонтанно приобретённый Нохриным автомобиль, подобно второпях сосватанной невесте, не уставал пополнять перечень открытий как положительных, так и отрицательных качеств. Его экзотический цвет, редкость модели и нестандартность колёс вкупе с прочими компонентами, не имеющими спроса на автомобильном рынке, работали лучше любых противоугонных устройств.

Самым крупным ущербом за всё время его существования стало грубо нацарапанное на крыле бранное выражение, вызывающее ассоциации с фамилией владельца, да и то появилось оно после двух суток стояния у дверей чьего-то гаража.

Также мелочью, хотя и неприятной, были регулярные хищения никелированных фирменных знаков и эмблем, совершаемые ушлыми местными мальчишками и с простодушной хитростью возвращаемые через некоторое время за небольшое вознаграждение, как якобы найденные.

Более серьёзной проблемой оказалась привычка автомобиля, пока мотор не разогревался как следует, глохнуть при каждой остановке, что вынуждало Руслана применять специальную технику медленного подкрадывания к светофорам либо, наоборот, стремительного их проскакивания. Эта тактика работала вполне успешно при условии отсутствия работников ГАИ, но в тот вечер Руслану не повезло.

Образцово выполнив поворот с заносом на шоссе Энтузиастов, Руслан вдавил педаль газа до пола, стремясь пересечь перекрёсток с уже мерцающим жёлтым светом, однако несмотря на радостный рёв набирающего обороты 6-цилиндрового спортивного движка, красный глаз светофора успел укоризненно заглянуть ему в глаза. Пытаясь стряхнуть это неприятное ощущение, Руслан добавил было форсажа, но тут боковым зрением уловил неистово машущего полосатым жезлом милиционера, и после некоторого колебания резко нажал на тормоз.

Он легко мог бы промчаться мимо постового, если бы не стоящий рядом с тем мотоцикл, а по инструкции он не имел права провоцировать за собой погоню. Требовалось локализовать конфликт как можно более кулуарно.

В дальнем отделении бумажника он, как и требовалось, всегда держал неприкосновенную тысячу долларов на форс-мажорные расходы, а кроме того в подкладке куртки было зашито ещё пять тысяч, что позволяло чувствовать себя уверенно практически в любых ситуациях.

Несколько раз вильнув на покрытой ледком дороге, машина остановилась. Руслан посмотрел в зеркало заднего вида: толстый мент в тулупе словно тумба высился в отдалении на обочине, зловеще поигрывая своей чёрно-белой дубинкой и явно дожидаясь пока Руслан сдаст назад.

Заглохший «Пежо», как и следовало предвидеть, заводиться не желал и после нескольких безуспешных попыток, Руслан решил более не сажать умирающий на глазах аккумулятор.

Потерявший терпение ГАИшник направился наконец к машине, с каждым пройденным шагом наливаясь злобой, испускающей вполне осязаемые лучи. – Сержант Хухряков! – строго отрекомендовался он,

просовывая в окно красную физиономию и ревниво обнюхивая Руслана.
– А вы, я вижу, под хмельком. Документы!

Руслан протянул руку к нагрудному карману и вдруг с холодящим ужасом осознал, что бумажник с правами остался в куртке, от которой он так легкомысленно отказался.

– Вы знаете, – как можно беззаботнее сказал он, – Я забыл права дома.

– Интере-есно, – угрожающе протянул постовой. – А вам хотя бы известно, какое здесь ограничение скорости?

– Не заметил, – простодушно признался Руслан.

– Дык ещё бы! – взревел сержант. – Пролетел на красный свет как МиГ-25, когда-ж тебе ещё на знаки смотреть?! А почему назад к посту не сдал?

– Машина заглохла, – извиняющимся тоном пояснил Руслан.

– Так, ещё и транспортное средство неисправно! – мышинные глазки мента засветились неподдельным торжеством. – А документы на машину имеются?

– Видите ли, это не моя машина... – начал Руслан.

– Ага! Ещё и машина не ваша! – искренне возликовал ГАИшник. – А доверенность на управление транспортным средством...

– Знаешь, командир, – веско перебил его Руслан, и посмотрел прямо в глаза, – Давай говорить серьёзно. Мы ведь взрослые люди: я тороплюсь, ты при исполнении. Говори прямо: сколько? И забудем о нашем приятном знакомстве.

Командир затоптался у дверцы, явно заинтересованный предложением, продолжая что-то бубнить о доверенности.

– Сколько? – поторопил его Руслан. – Я плачу сколько ты скажешь. В пределах разумного, – добавил он, заметив вспыхнувшие алчные искорки в бегающих глазках.

ГАИшник крякнул, вразвалку обошёл «Пежо», распахнул пассажирскую дверцу и завалился на переднее сиденье, наполняя машину морозным паром.

– Значит так, – почмокав пунцовыми губами, неумолимо начал он, загибая пальцы. – Проезд на красный свет. Превышение скорости... в два раза! Алкогольное опьянение. Управление технически неисправным автотранспортным средством...

– Ну говори: сколько? – взмолился Руслан. – Я тороплюсь, сказал же тебе!

– Отсутствие доверенности на право управления автотранспортным средством, – сладострастно продолжал тот, переходя на пальцы левой руки.

– Сколько?!

– Триста! – оценивающе заявил мент, хотя было видно, что он готов оприходовать и меньшую сумму.

– Хорошо, хорошо! Я серьёзно тороплюсь, командир, – нетерпеливо согласился Руслан, протягивая руку к карману несуществующей куртки, и тут только соображая, что в ней остались не только права, но и все деньги.

Рука его застыла на полпути. Он с виноватой улыбкой взглянул на сержанта: – Знаешь, командир, я ведь не только права, но и все бабки дома забыл... Слушай, ну будь другом, оставь свой телефон – я завтра подвезу куда надо, слово чести!

Некоторое время мент сидел совершенно неподвижно, скорбно поджав губы. Затем он тяжело вздохнул, посмотрел на Руслана взглядом, полным невыразимой ненависти, и кряхтя выбрался из машины, с грохотом шваркнув за собой дверцу.

Ещё не до конца веря в чудесное избавление, Руслан проводил взглядом в зеркало удаляющуюся квадратную спину, охваченную деревянного цвета ремнём, и осторожно повернул ключ зажигания. Мотор как ни в чём ни бывало завёлся с пол-оборота, и Руслан подчёркнуто аккуратно тронулся с места.

– Прости меня, Аллах, и помилуй следующего, кто ему попадётся! – искренне вырвалось у него, но всё же он не смог сдержать негодяйской улыбки, живо воображая, как сержант Хухряков отыграется сейчас на очередной, пока ещё ни о чём не подозревающей жертве.

Эйфория внезапного спасения сменилась холодной злостью к себе: «Хорош Штирлиц! Забыл документы!!! А если бы мент решил арестовать, вызвал подмогу, повёз разбираться? Там могли начать оскорблять, бить, а этого бы я выдержать не смог, обязательно ответил – и тогда трудно даже представить...»

В институте ещё не успело утихнуть негодование от недавнего случая, происшедшего со второкурсником – паренька забрали в милицию из-за того, что он отказался на улице при девушке предъявить содержимое рюкзака (где у него лежала упаковка презервативов). В милиции его избили так, что он до сих пор ходил с трудом и мочился кровью, однако оформили дело, будто он в пьяном виде сам напал на сотрудников, и теперь его ожидал ещё и суд. Из института бедолагу пока не отчислили, но и без этого проблем в жизни парня стало предостаточно.

«Ну, положим, можно было замочить мента прямо в машине, – размышлял Руслан, – а куда потом девать эту тушу? Тем более Жанетта ждёт...»

Сладостное воспоминание о шёлковых ногах подруги вмиг затуманило все остальные мысли, и Руслан снова решительно прибавил газа.

20 мая 1998 года
Москва, ресторан ЦДТ³²

– Ну что, друзья, – приподнимая бокал, произнёс Нохрин. – Пятый курс, можно сказать, позади. Пора бы нам уже определиться с дальнейшей дорогой.

³² Центральный Дом Туриста

Он поспешно выпил, так и не пояснив, был ли это тост за пятый курс или за дальнейшую дорогу.

– Лично я решил, и вас как своих ближайших друзей призываю, – жуя продолжал он, – Идти в хирургию. Как ни крути, это всё-таки самое реальное и самое прекрасное, что есть в медицине. Ну а у меня ещё и личные мотивы – хочется всё же быть достойным своего батяни.

Руслан, удивлённо вскинув брови, молчаливо задумался, в пол-уха слушая завязавшуюся полемику Валерки с Родюшкиным. Решение Нохрина его, по правде сказать, не ошеломило. Ему тоже всё больше и больше хотелось стать хирургом, но какой-то неискоренимой занозой в нём сидели навязанные пять лет тому назад инструкции, словно устаревшая программа, которую он был не в силах из себя стереть.

«А что если наплевать на всё это, и жить как я того хочу?» – всё чаще возникала в голове свободолюбивая мысль, и всякий раз он пугался своего отступничества, и из кладовки вновь и вновь извлекался старенький коврик.

Долго думать на этот раз ему не пришлось. Словно охотно подсовывая ответ на задаваемый им самому себе вопрос, за спиной вдруг раздалась громкая чеченская речь. Руслан от неожиданности вздрогнул и, стараясь быть несуетливым, оглянулся.

За соседний столик шумно усаживались трое молодых чеченцев. Все трое были рослыми, в неизменных спортивных костюмах, которые сейчас уже смотрелись быдловато – всё-таки Москва сильно изменилась внешне. Руслана кольнуло ощущение неудобства за соплеменников.

Сами же чеченцы никакого стеснения, судя по всему, не испытывали. Не успев рассестись, они принялись громогласно обсуждать спутниц Нохрина и Родюшкина, бесцеремонно разглядывая их в упор, и Руслан мысленно поблагодарил Аллаха за то, что его друзья не понимают чеченского языка.

Сам Руслан пришёл в ресторан без девушки. После болезненного разрыва с Жанеттой, он старательно избегал любых предпосылок к серьёзным отношениям, да и вообще девицы стали интересовать его гораздо меньше. Он уже обречённо подумывал, что если за пять лет из всех его многочисленных знакомых женского пола ни одна и близко не годилась на роль жены, то ему видимо не удастся выполнить требования инструкции по куда более уважительной причине, нежели простое нежелание. Становиться посмешищем в собственных глазах, даже в навязанной игре по чужим правилам, ему не позволяла элементарная мужская гордость.

Родюшкин, так и не дождавшись канувшего официанта, нетерпеливо направился к бару за повторной дозой спиртного. Проходя обратно с наполненными стаканами мимо столика угомонившихся было чеченцев, он с обычной своей неловкостью толкнул одного из них, даже не заметив этого. Тот метнул вслед Сеньке недобрый взгляд, но ничего не сказал.

Однако спустя несколько минут оживлённых разговоров с друзьями он встал и напрямик направился к Сенькиной даме: – Девушка, разрешите с вами потанцевать.

Та хмыкнула: – Вообще-то, сначала полагается спросить у моего кавалера, не против ли он.

– А-а! – пренебрежительно махнул чеченец рукой. – Это разве кавалер? Так, смех один... Вы лучше посмотрите на наших джигитов! – Он широким жестом указал на соседний столик. Те довольно рассмеялись.

Явно назревала драка. Ситуацию разрядил Сенька, который не стал лезть в бутылку, а миролюбиво сказал: – Слушай, друг, у нас тут своя компания, у вас своя. Давай не будем ссориться.

Чеченец развёл руками и вернулся к своему столику. Оттуда опять раздался громкий хохот: Руслан услышал, как друзья по-чеченски подначивают незадачливого танцора.

Драки, видно, было всё-же не миновать. У Руслана всё быстрее застучало сердце. Вот же ситуация! Ему немедля предстояло решить, на чью сторону встать, кто теперь для него свои.

Он резко поднялся, бросив: – Я в туалет, – и быстро прошёл мимо тесно стоящих столиков в уборную. Там он остановился перед зеркалом и долго изучал своё искажённое страданием лицо. – Так кто же ты всё-таки? – сквозь зубы презрительно спросил он сам себя, и вдруг неожиданно развернувшись, бросился к двери, отшвырнув в сторону входящего в туалет официанта.

Нохрин уже лежал на полу и, извиваясь, пытался стулом защититься от ударов ногами, которые бешено вскрикивая наносил ему один из чеченцев. Двое других метелили Сеньку, но тот, как ни странно, ещё держался на ногах и даже довольно умело отмахивался, заняв выгодную позицию спиной к колонне.

Мгновенно оценив ситуацию, Руслан подскочил к избиваемому Нохрина и резко развернул его к себе, чтобы не бить со спины, но не рассчитав силу инерции, нанёс какой-то чудовищный удар снизу в подбородок. Оторвавшись от пола, парень перелетел через свой столик, сметая бутылки, и с грохотом и звоном рухнул на следующий, за которым чинно восседали довольные зрители побоища.

Раздались гневные вопли, мат, в Руслана полетели бокалы, но он уже переключил на себя обоих противников Сеньки. Те оказались не более серьёзными бойцами, к тому же Руслан успел погасить в себе бесконтрольную вспышку ярости, и теперь просто старался технично и быстро разделаться с обоими, не нанеся при этом сильных увечий.

На это ему потребовалось несколько секунд. Поймав одного на встречном движении, он, уйдя от удара, подтянул его к себе за рукав и коротко рубанул ребром ладони по шее, а второго завалил боковой подсечкой в обе ноги, пощадив как мог при этом коленные суставы парня.

Вскочив, он быстро огляделся. В ресторане стоял вполне обычный оживлённый гвалт, и хотя большинство присутствующих с интересом наблюдали за дракой, никто не вопил, не срывался с места и не поднимал паники. Судя по всему, ресторанные завсегдатаи уже привыкли

к такого рода зрелищам и воспринимали потасовку как неизменную часть вечернего развлечения.

Слева возник пошатывающийся и шмыгающий окровавленным носом Нохрин, которого поддерживал необычно собранный Родюшкин. Подруг как ветром сдуло, и это было кстати, потому что Руслан вдруг услышал за спиной быструю чеченскую речь: – Который? Вон тот, справа?! Быстро звони Элим-Паше, скажи чтобы взяли стволы!

Раздумывать было некогда. – Скорее, ребята! Нам тут делать больше нечего, – негромко, но настойчиво бормотал он, проталкивая обоих друзей между столиками. Публика оживилась, его шумно поздравляли, кто-то тянул ему фужер с льющейся через край пеной шампанского, но он, грубо отталкивая назойливые руки, решительно пробился к выходу.

На улице к ним тут же подлетел частник на «десятке». Руслан уже усаживал Нохрина на переднее сиденье, как вдруг включилась рация на панели и строгий голос спросил по-чеченски: – Забрал их? Вези скорее в переулок за «Салютом» – мы ждём.

Тихо матерясь, Руслан выволок из машины уже размякшего Валерку, и заорал растерянному Сеньке: – Лови такси! Вон огонёк зелёный, лови!

– На хрен такси? На такси в пять раз дороже! – запротестовал ставший вдруг практичным Сенька, но Руслан, не отвечая, уже утрамбовывал Нохрина во внутренности «Волги». Захлопывая за собой дверцу, он сунул водителю 100-долларовую бумажку: – Столько же дам, когда оторвёшься вон от той синей «десятки»! Потом разберёмся, куда дальше.

Водитель искоса взглянул на него, но с места рванул лихо, сделал несколько крутых пируэтов, и скоро телепавшийся сзади «Жигуль» исчез из вида. Водитель, не оборачиваясь, молча протянул руку назад. Руслан сунул ему ещё одну зелёную бумажку: – На Юго-Западную, там покажу где.

В машине все молчали, лишь хрипло дышащий Нохрин время от времени открывал окно и смачно плевал кровью. Плевки розовыми струйками растекались по стеклу задней дверцы.

Дома у Руслана они осмотрели Валерку, но ничего серьёзного не обнаружили. Шатались два зуба и, возможно, было сломано ребро, однако это уже казалось мелочью. Они плотно обмотали его грудную клетку вафельными полотенцами и бережно уложили на постеленное на пол одеяло.

– Он меня, сволочь, сразу вырубил, – морщась, пожаловался Нохрин. – Я уже под столом очнулся, когда ботинком по яйцам чуть не получил. Ну, думаю, надо спасать детей... Но не спас бы, если б ты не подоспел, – добавил он, тепло взглянув на Руслана. – Будешь крёстным отцом у моего первенца.

Фрикативные звуки удавались Валерке не все.

– Ладно, ладно, отдыхай, а мы с Руськой покурим пока, – озабоченно сказал Родюшкин.

С блаженством затягиваясь у открытого окна на тёмной кухне, Сенька задумчиво протянул: – Да-а... попали мы. Это-ж чеченцы – они таких обид не прощают. Ты этому парню как минимум челюсть на сторону своротил, а то и шейные позвонки – я по этим делам как раз недавно в Склифе практиковался. А кстати, где это ты так драться научился? И откуда такие бабки у тебя?

Не дождавшись ответа, Родюшкин продолжил: – Они тебя теперь наверняка искать будут. Так что тебе в-одиночку ходить сейчас никуда не стоит. Давай-ка переезжай ко мне, поживём вместе месяц-другой, пока всё это не уляжется.

Руслан пренебрежительно фыркнул.

– Ты не фыркай! Этих чеченцев сейчас пол-Москвы наехало, да ещё и с оружием. Они и так под себя всё подмять норовят, а тем более, если им кто-то поперёк дороги. Ты этот народ не знаешь!

Руслан внимательно посмотрел на Сеньку и грустно улыбнулся: – Этот народ, Сеня, я знаю прекрасно. Спасибо за помощь, но если что – разберусь сам.

Родюшкин хотел было что-то возразить, но видимо в голосе Руслана прозвучало нечто, заставившее его промолчать. Он не проронив ни слова докурил сигарету, как всегда небрежно роняя пепел на рубашку, и молча ушёл в комнату к Нохрину.

Руслан постоял у распахнутого настёж окна. На душе было скверно. Мало того, что, защищая друзей, он поднял руку на своих братьев, так ещё и ослеплённый гневом, покалечил одного из них. Вот что значит – нерегулярные занятия спортом, и злоупотребления алкоголем, из-за чего он не смог точно дозировать усилие и удержать ситуацию под контролем.

«С завтрашнего дня берусь за себя, – с холодным бешенством подумал он. – А то уже непонятно до чего опустился. Вон, кажется, даже живот отвисать стал от этого пива».

Решение взяться за себя оказалось очень своевременным. За пару недель он восстановил приличную спортивную форму и очистил от хронической алкогольной туманности голову, что было весьма кстати накануне сессии.

А в начале третьей недели сбылись опасения Родюшкина.

Выйдя из метро, Руслан как обычно прошёл по проспекту Вернадского, а потом свернул в переулок, чтобы коротким путём попасть к дому тропинкой между рядами металлических гаражей. Заметив, что впереди у одного из гаражей собралось что-то очень уж много молодых парней, Руслан замедлил шаг, но тут кто-то сзади насмешливо свистнул: – Эй, герой! Постой, поговорить надо.

Он остановился и обернулся. Перед ним стояло пятеро чеченцев. Тот, кто окликал его, неспешно двинулся навстречу: – Так это ты Исмурату не дал с девушкой потанцевать? Нехорошо. Обидел такого

парня. Ну так что теперь – давай один на один? Проверим, какой ты герой!

С этими словами он небрежно встряхнул округлыми плечами, и по этому движению Руслан безошибочно распознал в нём опытного дзюдоиста. «Мастер спорта, а то и международник», с уважением подумал он. «Значит в ближний в бой вступать не стоит».

Виновато опустив голову, он сделал шаг вперёд и вдруг, невысоко подпрыгнув, ударил противника носком ботинка в челюсть чуть ниже уха. Не издав ни звука, тот грохнулся на землю, а Руслан, низко присев, заорал по-чеченски: – Всем стоять! Руки из карманов! Руки из карманов, я сказал!!!

От изумления все застыли на своих местах. Руслан резко оглянулся. Окружавшие его сзади медленно вытянули из карманов руки, показывая пустые ладони.

– Ты кто, брат? – произнёс самый низкорослый, с наглыми глазами навывкате.

– Ты – Элим-Паша? – вместо ответа спросил Руслан. – Отойдём, поговорить надо.

Сделав почти невидимый жест остальным, тот послушно пошёл за Русланом.

– Что с Исмуратом? – остановившись, спросил Руслан.

– В больнице. Сотрясение мозга, перелом челюсти, смещение шейного позвонка, – бодро, точно медсестра на обходе, доложил чеченец. – Но врачи говорят: до свадьбы заживёт.

– Слава Аллаху! – облегчённо выдохнул Руслан. – Извини, брат, я был виноват – не рассчитал силу. Деньги на лечение, врачи хорошие нужны?

Элим-Паша рассмеялся: – Откуда у тебя, бедного студента, деньги? Да не переживай – всё у нас есть: деньги самые зелёные, врачи – самые лучшие. Так ты чеченец, брат?

– Чеченец! – гордо ответил Руслан. – Но больше я ничего сказать тебе не могу. А о том, что я чеченец – не должен узнать никто. Понимаешь, брат?

– Так ты здесь на нелегалке? – упорствовал Элим-Паша. – По чьему заданию?

Руслан усмехнулся: – По заданию Аллаха! Я сказал тебе всё, что мог. Предупреди своих орлов, чтобы держали языки за зубами, и чтобы ни ко мне, ни к моим друзьям больше не приближались. – Он кивнул на лежащего, которого остальные пытались привести в чувство: – Скоро очухается, не беспокойтесь. А Исмурата я хочу навестить – лично попрошу прощения. В какой он больнице?

29 апреля 1999 года

Москва, станция метро «Смоленская»

– Ха, Руська! Какая встреча! – широко раскинув руки, в одной из которых была зажата гитара, шёл к нему навстречу по платформе метро

Сеня Родюшкин. Торопливо снующие вокруг люди с трудом уворачивались от раскидистого, словно кудрявый клён Сеньки, с негодованием взглядывая на него, но тот не замечал никого, пребывая в каком-то особо блаженном измерении.

– Здорово, что я тебя встретил! – зашептал Сенька, горячо обнимая Руслана и постукивая по его спине гитарой, хотя они виделись на лекции часа четыре назад. – Я как раз иду в гости к такой девушке – обалдеешь! Пошли со мной, у неё подружек много!

– Так там что – вечеринка? – с неудовольствием пробурчал Руслан, в кои-то веки намеревавшийся провести вечер в подготовке к госэкзаменам.

– День рождения! – возмущённо заявил Сеня, как будто Руслан обязан был об этом знать, но почему-то забыл.

– А где цветы? – укоризненно поинтересовался Руслан, обречённо проталкиваясь сквозь толпу вслед за Родюшкиным.

– О чёрт! Совсем забыл – нам же в другой выход! – обрадованно сообщил Сеня, резко поворачивая. – Она на Смоленской набережной живёт. Первокурсница. А дедушка – генерал медицинской службы...

– Тогда тем более цветы нужны, – упрямо заявил Руслан. – В дом к генералу без цветов не пустят.

– Цветы? – наконец очнулся Родюшкин. – Ты знаешь, опять деньги чего-то вдруг закончились. Зато я ей новую песню посвятил. Вот, послушай! ...

Он остановился посреди шумного зала и принялся подстраивать гитару, всё ниже склоняясь над ней. Со всех сторон их толкали люди, высыпавшие из двух одновременно подошедших поездов.

– Пойдём, Сеня! Там исполнишь, – с досадой произнёс Руслан, уже жалея, что увязался за невменяемым Родюшкиным. – Тут всё равно ни черта не слышно.

Старорежимного облика вахтёр с гладко зачёсанными назад редкими седыми волосами, восседавший в глубине помпезного подъезда с ещё различимыми следами былых ковровых дорожек привстал из-за стола, намереваясь остановить молодых людей, но Родюшкин буркнул небрежно: – К Медынским в 45-ю, – и тот с неохотой грузно уселся обратно на заскрипевший клеёнчатый стул, продолжая подозрительно и грозно оглядывать друзей сквозь выпуклые очки.

– Сто раз меня здесь видел, – пробормотал Сенька, а стоило прошлый раз сказать: в 54-ю – так сразу ментов вызвал, крыса!

За обитой матовой кожей дверью квартиры 45 не слышалось ни звука. – Что-то не похоже на день рождения, – недоверчиво протянул Руслан, опуская букет роз, всё же купленных им у метро. – А может всё-таки 54-я?

– Не слышат, напились уже, – уверенно заявил Сенька, в десятый раз вдавливая до упора кнопку звонка.

Дверь внезапно распахнулась, и Руслану на миг показалось, будто на пороге стоит давно знакомая ему девушка – до того черты её лица

совпадали с тем образом, который он рисовал в своих мечтах с самого детства. Она с изумлением смотрела на них, широко открыв глаза неестественно чистой синевы.

– С днём... рождения! – запинаясь, выговорил Руслан, непослушной рукой протягивая букет.

– Людка! Привет! – фамильярно завопил Родюшкин, проходя с гитарой в коридор. – С днём рождения, дорогая моя! Ты только послушай, какую я тебе песню только что сочинил... А гости где? – рассеянно осведомился он, принимаясь снова подстраивать гитару.

– Какие гости? – в изумлении выговорила девушка, – Сеня, я от неожиданности вас даже не сразу узнала, извините. У меня не сегодня день рождения – он был неделю назад!

Вид у них был, судя по всему, настолько оторопелый, что девушка откинувшись к стене звонко расхохоталась. От растерянности у Руслана выпал из руки букет, а у Родюшкина – гитара, но это лишь добавило ей веселья – она хохотала по-детски самозабвенно и с каждым мгновением у Руслана прибавлялось уверенности, что он знает её действительно неимоверно давно.

– Ой, спасибо, ребят, развеселили! Меня ещё никто в жизни так не поздравлял, – проговорила наконец она, смахивая с ресниц искорки слёз и с застенчивой улыбкой принимая поднятый букет из рук Руслана. – Проходите, проходите же! Мне, правда, скоро надо будет идти, но давайте хотя бы чаю попьём, – уже хлопотала она на кухне, включив чайник и с праздничным шелестом разворачивая цветы.

Руслан почти с ненавистью взглянул на Родюшкина, но того, похоже, ничуть не смутил идиотизм ситуации. Он уже сидел боком за кухонным столом, подтягивая вновь расстроившиеся струны.

– Эх, Людка! Как же мы так обмишурились, а? – с укоризной посмотрел он почему-то на Руслана. – А я такого своего друга привёл – с твоими подружками познакомить, с этой, как её, Олей...

Руслан не удержавшись, пнул Родюшкина под столом.

– У меня нет подружки Оли, – улыбаясь и взглядывая на Руслана сказала Люда. – Но это ничего. А вас как зовут?

Она не была классической блондинкой – её волосы отливали скорее латунно-русый блеском, лишь немногим светлее чем у Руслана, но ему это даже понравилось. Нескончаемые блондинки, особенно крашенные, давно стали невыносимо раздражать его.

– Руслан, – сдержанно отрекомендовался он, с удовлетворением отметив про себя, что Сенька бывал здесь явно не сто раз, а может быть всего два или три.

– Ну а я – Людмила, – протянула она тонкую руку. – А вы с Сеней учитесь?

– Да вот уже почти шесть лет, – неподдельно тяжело вздохнул Руслан, косясь на погрузившегося в гнусавые распевы Сеньку.

– Здóрово! Уже вот-вот настоящим делом займётесь. А я только первый курс заканчиваю, ещё тянуть да тянуть... – девушка сделала забавное движение рукой. – Ой, вы угощайтесь, пожалуйста! – спохватилась она. – Вот чай, конфеты, печенье...

Руслан послушно взял изящную чашку. Он вообще готов был сделать всё, о чём бы она ни попросила.

Родюшкин прокашлялся: – Короче, Людмила, слушай! – Он гордо взял замысловатый аккорд и опять недоверчиво приблизил ухо к гитаре: – Ля... ля... ля... Что-то не строит.... – Он снова надсадно закашлял.

– Сень, может вы прежде чаю выпьете? – деликатно предложила Люда.

– Да. Нет. Давай, я для начала тебе другую спою. Недавно написал.

Он запел было, потом оборвал песню на середине, заявив, что не помнит слов, начал играть ещё одну, но тоже не дошёл до конца и принялся по ходу переделывать припев, находясь, судя по всему, в апогее творческого помешательства, но Руслан уже был готов не только простить все его проделки, но даже расцеловать за знакомство с такой девушкой.

Со стороны он, возможно, тоже напоминал помешанного, со счастливой улыбкой провожая каждый жест её лёгких рук, и с благодарностью принимая чашку за чашкой, словно она делилась с ним частичками своей столь притягательной души...

– Ой! Ребята, мне ведь уже давно пора идти! – вдруг вскочила она, выводя его из состояния гипнотического блаженства. – Обязательно приходите ещё – мы теперь знакомы! – улыбка предназначалась явно Руслану, и вдоль его загривка вновь прокатилась сладкая волна.

– Люда, ну подожди, я ж тебе твою песню так и не спел! – вынырнул из своей потусторонности возмущённый Родюшкин.

– Сенечка, давайте в другой раз. Мне честное слово бежать надо! Тем более, что и день рождения у меня не сегодня, – извиняясь, смущённо улыбнулась она, однако Сеня в этот вечер был явно неуправляем.

Закапризничав, он потребовал чаю и пил его долго, то и дело отвлекаясь на какие-то детали обстановки. Заглянув в тёмную гостиную, заметил там огромный книжный шкаф и, нахально включив свет, принялся обстоятельно разглядывать корешки изданий, вытягивая то одну, то другую книгу.

Людмила, уже одетая в лёгкий плащ, переминалась в коридоре как на иголках, но продолжала любезно улыбаться. Руслан разрывался между желаниями немедля выгнать Сеньку пинками из дома, и бесконечно долго стоять молча рядом с девушкой в полумраке прихожей.

Наконец Родюшкин стащил с полки какой-то старинный фолиант.

– Ой, Сеня, вот Достоевского я вам дать как раз и не могу, – виновато прошептала Люда. – Мне от отца ужасно попадёт! Это очень раритетное издание – он совсем недавно купил его на каком-то букинистическом аукционе...

Но вселившийся в тот день в Родюшкина бес выселяться никак не желал. Сеня обиженно заявил, что всю жизнь мечтал прочесть «Братьев Карамазовых» в дореволюционной публикации – буква «ять», якобы, возбуждала в нём вдохновение.

Людмила кротко вздохнула: – Хорошо, только пообещайте, что возвратите её через пять дней – пока отец не вернулся из командировки.

– Я обещаю! – веско вмешался наконец Руслан, сжимая зубы. Про себя он уже решил, что немедленно отберёт у Сени книгу, едва они останутся наедине. – Вперёд, менестрель – девушка торопится!

Первый раз Родюшкин уронил книгу, когда они выходили из тесного гремучего лифта. Людмила побледнела, схватившись за руку Руслана. Именно благодаря этой заминке, Сенька с нехарактерным для него проворством подхватил книгу с зашмыганного пола первым, сделав вид, будто ничего не произошло. В Руслане постепенно закипала тихая ярость.

В вестибюле заметно опустевшей «Смоленской» Родюшкин неожиданно заторопился: – Ну, ладно, Людка, с днём рождения ещё раз, хотел проводить тебя, но мне в другую сторону, а я полетел, ещё к одному приятелю надо заскочить...

– Я провожу тебя пару остановок, – с каменным лицом произнёс Руслан, но Сеня, не слушая его, полез обниматься с Людмилой. Именно в этот момент книга опять вывалилась из его руки и, скользнув по гладкой гитарной спине, огромной бабочкой порхнула прямо на рельсы метро, по которым уже бежали дробные блики огней приближающегося поезда.

Через какую-то долю секунды Руслан уже летел вниз с платформы. Беззащитно раскрывшийся томик лежал в проёме между шпалами, сквозняк метро перелистывал страницы с отчётливо бросающимися в глаза буквами «ять».

Книга упала очень близко к контактному рельсу, и поэтому наклоняться за ней следовало чрезвычайно осторожно. «Спасибо лагерю за теоретическую подготовку!» – благодарно подумал Руслан.

Рельсы гудели всё громче, за поворотом туннеля ослепительно вспыхнул прожектор громящего поезда. На платформе истошно закричали. Руслан хладнокровно дотянулся до книги, встал, аккуратно выложил её на край перрона и, отжавшись руками от кромки, легко выпрыгнул наверх.

За спиной уже скрежетали вагоны тормозящего состава. Людмила так и продолжала стоять в застывших объятьях Родюшкина, но в глазах её, обращённых на Руслана, светилась такая благодарная синь, что он даже зажмурился...

Первомайские праздники прошли для Руслана в некоем розовато-золотистом тумане. Он отказался от всех предложений куда-либо пойти, читал учебники, загружал себя изнуряющими физическими упражнениями, привёл в порядок запущенные дела, но при этом в его сознании постоянно присутствовал лучащийся светом облик прозрачной девушки, что заставляло его почти непрерывно мечтательно улыбаться.

Давно забытое желание писать стихи запылало в нём с новой силой. Отрываясь вдруг от своих занятий он то и дело бросался к столику, на котором лежала ручка и стопка уже исписанных страниц:

*...Я приглашён случайным знаком
в семейный дом,
где звук рояля приглушён
рядами старых фолиантов,
и бой ореховых часов
исполнен тайны и фатален...*

Несколько раз он пожалел, что не попросил у неё номер телефона, и твёрдо решил вытребовать его у Сеньки в первый же день учёбы.

Но встретил её он раньше, чем Сеньку. Чудным тёплым утром, шурясь от весеннего солнца, он болтал с Нохриным на крыльце института, и они оба одновременно обернулись на раздавшийся за их спиной взрыв переливчатого девичьего смеха. Людмила в знакомом ему плаще стояла в окружении подруг и рассказывала что-то невероятно весёлое, отчего те тряслись, словно в истерическом припадке.

«Уж не над нашим ли визитом они так потешаются?» – мрачно подумал Руслан, но как оказалось, он переоценил свои с Родюшкиным клоунские способности. Люда, заметив его, посерьёзнула и, оставив хохочущих подруг, стала подниматься по ступенькам в их направлении, упрямо пытаясь придать лицу менее смешливое выражение, но не дойдя трёх шагов всё же прыснула и, закрыв лицо руками, залилась безудержным хохотом.

– Ой, извините, Руслан... – сказала наконец она, отнимая руки от порозовевшего лица. – Это так глупо, но... Просто со мной сейчас произошла ужасно смешная история. – В её глазах опять запрыгали синие смешинки. Она молча протянула им свою сумочку, бок которой был располосован чем-то очень острым. – У меня... сумочку в троллейбусе разрезали! – начала было она и вновь не удержалась от приступа смеха.

– Нервный шок, – понимающе констатировал Нохрин. – Ничего странного, особенно если учесть, что сумочка – от Louis Vuitton, и судя по всему не от его китайского однофамильца.

– Нет, самое смешное в том... что именно... оттуда украли! – всё-таки удалось с трудом выговорить ей.

– Украли? Чего украли? – втиснулся в их ряды небритый и похожий на картонного чёрта Родюшкин. – Людка, ты только скажи, что украли – Руслан для тебя из-под земли достанет!

– О, нет-нет, спасибо, не надо! Только не это! – замахала она руками и в изнеможении села на ступеньки. – В-общем, нам сегодня велели принести на лабораторные занятия образцы своего кала...

Теперь девичий заливистый хор троекратно украсился громогласными раскатами хохота друзей, с вкрапляемыми время от времени нечленораздельными восклицаниями.

– А я ещё так завернула его тщательно – в коробочку, потом в целлофановый пакетик, потом в газету, потом опять в пакетик... – продолжала сокрушаться Люда. – Представляете, как долго человек всё это открывал, предвкушал, а там... Мне кажется, что после такого удара он навсегда бросит заниматься этим гадким делом!

Глядя на искры слёз в её весёлых синих глазах, хохочущий Руслан вдруг осознал, что просто безумно любит её.

Она, как будто поняв этот взгляд, встала посерьёзневшая и прямая, и неожиданно порывисто поцеловав его в щёку, не оборачиваясь пошла по ступенькам к высоким чёрным дверям института.

Смех вокруг постепенно затих. Все поглядывали на онемевшего от счастья Руслана.

– Так, – сказал Нохрин. – Судя по всему, я чего-то пропустил, и наш друг Руслан выпустится из института уже не холостым бродягой. Поздравляю, Руська, она – классная девчонка! – он с чувством хлопнул Руслана по спине.

– А заодно и вопрос с распределением решится, – со значением добавил взявшийся откуда-то Лазуткин.

– Да ладно вам, – отмахнулся смущённый Руслан. – Подумаешь, дедушка генерал...

– Не скажите, коллега, – усмехнулся всезнающий Мишка. – Дедушка-то ещё ладно, а вот папа у неё – полковник ФСБ, – он наставительно поднял палец. – А это – чрезвычайно авторитетный орган в наше-то время.

Руслан неожиданно вздрогнул. Невесть отчего он снова явственно различил в этом какой-то неведомый, но зловеющий знак судьбы. Но тут же отогнал прочь эту нелепо прошмыгнувшую по залитому весенним солнцем крыльцу тень недоброго предчувствия.

13 сентября 1999 года

Москва, Зеркальный зал ресторана «Прага»

Свидетелем на свадьбе Руслан предусмотрительно выбрал Нохрина, хотя на эту роль, по праву главного свата, настойчиво набивался Родюшкин. Сенька по своему обыкновению опоздал на несколько часов и не успел не только в ЗАГС, но и на венчание, само собой перепутав церкви Малого и Большого Вознесения, и потому притащился уже в гудящий ресторанный зал с огромнейшим букетом уже несколько потрёпанных роз и гитарой, на которой тут же исполнил посвящённую молодожёнам песню, как ни странно дописанную и запомненную им до конца.

Последний год тысячелетия оказался богат на изменения, происходящие в их молодых жизнях. Руслан, сдав на «отлично» все госэкзамены, был зачислен в клиническую ординатуру по анестезиологии и реанимации при знаменитой Боткинской больнице. Нохрин, в гордом одиночестве пошедший в большую хирургию, обращался теперь к нему и Сеньке с подчёркнутым снисхождением, словно герой-фронтовик к оставшимся отсиживать в тылу штабным крысам.

Так до конца и не оставив надежды вытащить на передовую хотя бы одного друга, он периодически давил Руслану на больную мозоль, восторженно расписывая всесторонние прелести хирургии и те возвышенные состояния, которые он каждодневно испытывает под воздействием бьющего гейзером адреналина.

После очередного впечатляющего рассказа о какой-нибудь 5-часовой полостной операции он всякий раз сокрушённо вздыхал: – Эх, а какого гения в это время теряет страна! У тебя же, Руся, психология прирождённого хирурга. И ручищи золотые!

Руслан сдержанно пояснял Валерке, что его больше привлекает реанимация, как тоже вполне благородный и не менее захватывающий процесс вытаскивания людей с того света. Оправдание на какое-то время работало, благо ординатура по АИР³³ была общей. Однако казалось совершенно невозможным признаться вдохновенному Нохрину, что на самом-то деле конечной целью является непыльная работёнка заурядного анестезиолога.

Впрочем, его измена хирургии не выглядела столь экстравагантной, как у Родюшкина – тот, едва сдав выпускные экзамены и получив красный диплом врача, поступил тем же летом на режиссёрский факультет ВГИКа.³⁴ При этом он по никому не ведомым причинам напрочь бросил пить.

Нохрин, поначалу совершенно опешивший от Родюшкинского вероломства, теперь, положив руку на сердце, разумеется, признал, что креативной Сениной душе куда уместнее порхать в окружении муз, чем пожизненно тянуть тяжкую ляжку, раз и навсегда присягнув на верность старику Гиппократу, однако при встрече не упускал возможности поизмываться над ним: – Ну и чему ты, Феллини, там в трезвом виде научишься?!

День женитьбы оказался для Руслана наполненным стрессами и неприятнейшими эмоциями. Он никогда прежде не бывал на русских свадьбах, и многое представилось ему нелепым, а то и варварски-непристойным.

Получалось, что уже с самого утра он должен был неразлучно находиться при Людмиле и всюду ходить с ней под руку, позируя для многочисленных фотографов, хотя фактически они ещё не стали мужем и женой. По чеченским обычаям, жених вообще не может приближаться к невесте и даже показываться на собственной свадьбе до самого последнего момента, не участвуя в свадебных обрядах, а веселясь всё это время в компании близких друзей.

Такое преждевременное соединение стало неожиданным, но далеко не самым неприятным открытием. А вот то, что все гости, включая молодых парней, поздравляя, бесцеремонно обнимали и целовали Людмилу, а она, покрасневшая, принимала цветы и даже отвечала на некоторые поцелуи, едва не взбесило его. Он даже метнул пару гневных

³³ АИР – анестезиология и реаниматология

³⁴ ВГИК – Всероссийский государственный институт кинематографии

взоров на особо настырных гостей, однако поймав насмешливые взгляды окружающих, скрипнул зубами и принялся старательно отворачиваться при приближении очередных поздравителей.

В его сознании, выкованном горскими легендами о том, как мужчины отрубали себе пальцы на руках, случайно прикоснувшись к чужой жене, не укладывалось, что можно так немисливо запросто переступить непреложные границы.

Венчание проходило через несколько часов после ЗАГСа в церкви Большого Вознесения у Никитских Ворот, в которой когда-то венчался Пушкин. Руслан не мог уразуметь логики: почему, если браки заключаются на Небесах («что Бог сочетал, того человек да не разлучает»), священник отказывается венчать людей до тех пор, пока ему не принесут бумажку со штампом? Ещё более лицемерным показалось то, что уже надетые в ЗАГСе кольца в храме пришлось стаскивать с пальцев и с трепетным видом снова надевать друг другу.

За всё время ухаживаний Руслан ни разу не дарил Людмиле дорогих подарков, ибо по канонам его мира это считалось подкупом, зато накануне свадьбы, как и полагается чеченцу, купил невесте кольцо, усеянное десятком крупных бриллиантов, и его удручало, что поскольку никто не ожидал от бедного студента такой финансовой прыти, все, включая Людмилу, восприняли роскошный дар как дешёвенькую бижутерию.

То ли от раздражения, то ли второпях, надевая в церкви кольцо на палец суженой, он едва не упустил его, тут же припомнив, что Пушкин выронил свой венчальный перстень на этот же каменный пол, пророчески прошептал: «Дурной знак!»

Как ни странно, момент принесения клятвы Богу в чужом храме дался ему легче остального, видимо оттого что он долго готовился к этому, сосредоточенно обращая все свои слова незримо присутствующему Аллаху. Ещё одним, правда довольно лукавым успокоением стало то, что Иисус высоко чтим мусульманами как Пророк, едва ли не второй по значимости после Мухаммеда.³⁵

Мелькнула лишь каверзная мысль о том, как он будет оправдываться перед Господом, если даваемый сейчас обет придётся нарушить.

Однако главные испытания ожидали его в ресторане. Когда за праздничным столом раздался ненавистный возглас «Горько!», он встал и, с достоинством поцеловав руку Людмилы, опустился на своё место. Однако окружающие, восприняв это как изысканную шутку, загоготали, захлопали и принялись всё настойчивее скандировать всё тот же дурацкий, неизвестно что символизирующий клич.

³⁵ Иисус Христос именуется в Коране по матери – Иса ибн Мариам («сын Марии»), что чрезвычайная редкость для мусульман, а также аль-Масих («мессия»), Расул Аллах («посланник Аллаха») и т.п. Любопытно, что в Коране имя Иисуса упоминается в пять раз чаще, чем имя самого пророка Мухаммеда. Согласно толкованию Корана, распят был не сам Иисус, а Иуда, принявший его обличье по воле Аллаха.

Он закрыл глаза, пытаясь хотя бы этим отгородиться от развязности толпы, которая, словно крикливо обступая брачное ложе, своим похабным любопытством непоправимо оскверняла нечто святое и хрупкое, способное родиться единственный раз в интимнейший из моментов человеческой жизни.

В это мгновение он вдруг почувствовал горячие и влажные губы Людмилы, нашедшие его рот, и едва не оттолкнул её – неожиданно ощутив к ней если не отвращение, то по меньшей мере неприязнь.

– Ты что, глупый? – нежно шепнула она ему. – Теперь можно. Мы ведь муж и жена! – Но ему вдруг сделалось необыкновенно тоскливо. Совершенно некстати в голову вплыли слова одной из проповедей о жёнах: «...Тебе кажется, что ты любишь её, но ты желаешь от неё самую грязную часть её... Твоя любовь к ней несёт тебя к истощению и усталости, интенсивному страданию и бедствию...»

Словно желая разувериться в этой мысли, он взглянул на жену. Людмила в тот день смотрелась ещё притягательнее, чем всегда. Счастливое свечение васильковых глаз в обрамлении старательно заплетённых кос тонко гармонировало с пастельно-кремовым длинным платьем, но Руслану вид его невесты всё равно казался вызывающе нескромным для такого события и оттого непристойным. Она слишком открыто улыбалась всем гостям и даже незнакомым мужчинам, с восторгом поглядывающим на неё, и Руслана это выводило из себя – ведь по небесным законам с этого дня всё в ней, даже улыбка, должно было принадлежать лишь ему.

На его счастье, собравшиеся быстро утратили внимание к публичным поцелуям напоказ, и стихийно разбились на группы по интересам: одни упорхнули в усердно витанцовывающее посреди зала стадо, другие сконцентрировались кучками вокруг высящихся там и сям монументальных бутылей «Абсолюта», ведя всё более громкие и невразумительные разговоры.

Руслан, наотрез отказавшийся танцевать, понемногу стал приходить в себя, с нетерпением ожидая окончания этой непонятно кому нужной вакханалии. На Людмилу он почти не смотрел. Больше всего ему хотелось оказаться ненадолго одному, в своей небольшой тихой квартире и броситься на колени, моля Аллаха о милости и ниспослании терпения. Таким чужеродным он себя ещё никогда не чувствовал.

Гостей собралось на удивление много, однако кроме своих одноклассников и нескольких подружек Людмилы, которые во главе с Нохриным предательски убежали танцевать от понудневшей компании, Руслан никого не знал и даже поговорить оказалось не с кем.

Справа от него восседал дед Людмилы в парадной форме, придававшей всему застолью официально-помпезный вид. С дедком, судя по всему было бы интересно побеседовать – по рассказам Людмилы, за его генеральскими плечами остались интереснейшие моменты истории, как например ассистирование молодому тогда ещё профессору Чазову во время легендарной операции на считавшемся безнадёжным сердце опального маршала Жукова.

Однако на беду Руслана, генерал был глух как раз на левое ухо, и неловкие попытки обращения к нему выглядели будто тот демонстративно игнорирует своего внучатого зятя, а дёргать старого человека за рукав Руслан счёл непочтительным.

Вскоре за огромным п-образным столом остались в основном люди старшего возраста, представленные по преимуществу сослуживцами и друзьями тестя, которые время от времени поочерёдно важно поднимались, откашливались и произносили, словно сговорившись, одинаково высокопарные тосты за великую Россию и решительное наведение порядка «на диких окраинах». Руслан поскрипывал зубами и благодарил Аллаха за то, что на правах жениха он может вполне законно не притрагиваться к своему бокалу.

Чуть ли не каждый второй оратор плоско шутил по поводу пушкинских Руслана и Людмилы и предстоящего рождения 33-х богатырей, призванных опять же защитить от басурман стонущую от них мать-Россию.

Скандал едва не грянул, когда Людмилу пригласил танцевать один из подвыпивших гостей, уже давно масляно зарившийся на невесту. Руслан чуть не задохнулся от такой наглости, но к счастью Людмила, взглянув на него и почувствовав его состояние, мягко отказала танцору.

И всё же конфуза избежать не удалось. Когда кто-то предложил тост за Людмилу и принялся превозносить её достоинства, Руслан ощутил неловкость – ведь в Чечне не принято хвалить жену, особенно в присутствии посторонних. Поэтому он учтиво остановил говорящего и сдержанно сказал: – Ну, это мы ещё посмотрим. При сватовстве и собачью цепь выдают за золотую...

Не успев закончить эту переиначенную чеченскую поговорку, Руслан вдруг сообразил, насколько двусмысленно она может здесь прозвучать, и умолк, но было уже поздно. Возникла неуклюжая пауза, потемневшие глаза Людмилы внезапно наполнились слезами, но на счастье Руслана в этот момент появился сильно задержавшийся на службе тесть, лысый и недовольный чем-то больше обычного.

Все зашумели, засуетились, принялись усаживать тестя за стол, наваливая горы изысканной еды на его пустую тарелку. Привлечённые коллективным оживлением, потянулись на свои места и танцующие. Подняв налитый ему до краёв «штрафной» бокал, тесть начал было напыщенный тост за «покидающую семью дочь» и её, на его взгляд, «удачный выбор», однако быстро переключился на какие-то государственные дела: – Эти отморозки, потерявшие человеческий облик, пытаются посягать на будущее наших детей...

– И внуков! – шутливо выкрикнул кто-то.

–...И внуков, – подтвердил тесть, требовательно глядя на молодожёнов. – Но мы наведём там порядок! Скажу вам по секрету: серьёзные решения уже приняты на самом высоком уровне, – он очень многозначительно поднял глаза одновременно с бокалом. – Мы не дадим развалить Россию. Горько!

– А что случилось? – аристократично зажёвывая чёрной икрой очередную рюмку водки осведомился натанцевавшийся Нохрин, когда утихли разрозненные выкрики «горько», лишённые изначального энтузиазма.

– Да вы что, не слышали: сегодня ночью чеченцы уже второй дом в Москве взорвали, на Каширке, – зловещим шёпотом поведал кто-то. – В новостях показывали – ужас! Здание 8-этажное по кирпичикам рассыпалось – в живых почти никого не осталось...

– А откуда известно, что чеченцы? – хрипло спросил Руслан.

– Ну а кто ещё на такое способен? Это же зверьё в человеческом обличье! – с ненавистью прошипел говорящий.

И без того гнусное настроение Руслана было испорчено окончательно.

Через 17 дней началась Вторая Чеченская война.

ЧАСТЬ 3

11 декабря 2000 года Москва, Смоленская набережная

Как и предчувствовал Руслан, семейная жизнь стала для него нелёгким бременем. Их отношения с Людмилой после свадьбы словно перешли в другое измерение, где действовали совершенно иные законы, понимаемые каждым из них по-своему.

Тогда, в весенние дни знакомства, ослеплённый вспышкой первой влюблённости, он совершенно потеряв голову, воспринимал Людмилу небесной жительницей, не имеющей точек соприкосновения с окружающим грешным миром. Она словно стала олицетворением его полудетского представления об ангелах, но не типовой полногрудой черноокой гурией³⁶, предписанной всем правоверным без учёта индивидуальных вкусов, а воплощением истинно небесной любви, сотворённой лично для него и неизвестно за какие заслуги ниспосланной в дар Аллахом.

На какое-то время он забыл обо всём: о своём происхождении, о задании, о медицине – ему было лишь важно каждый день ощущать её присутствие рядом с собой. В те четыре с половиной месяца, пролетевшие до свадьбы, он и сам словно лишился земного притяжения и бестелесно устремился за своей душой, повинувшись только порывам наполнявшего его изнутри счастливого ветра.

³⁶ Гурии – согласно Корану, полногрудые черноокие девы, ожидающие праведников в Раю.

Всё начало внезапно меняться, как только в их воздушных, неземных разговорах впервые прозвучало слово «свадьба». Казалось, это должно было стать самым естественным продолжением всё ярче и ярче разгорающейся любви, тем более что в эти сладко-мучительные месяцы Руслан не позволял себе даже обнять Людмилу, оставаясь для неё в романтическом ореоле по-старомодному безупречного рыцаря.

Скрытой проблемой являлось, однако, то, что это было вовсе не возвышенной игрой, а сутью его воспитания и потому требовало столь же серьёзного взаимного соблюдения многочисленных неведомых ей условностей, что и выпятилось в полный рост во время и после бракосочетания.

Его обескуражило совсем не то, что она не оказалась девственницей – он и не ожидал встретить подобного чуда в этой распущенной Москве (хотя в глубине души всё же таил такую сумасбродную надежду). Но с этим он как бы заранее смирился и без слов простил её, тем более, что другие об этом знать не могли (да и никому просто не было до этого никакого дела!), а посему тут не веяло сквозняком «позора», которого он так панически боялся.

Гораздо сложнее обстояли дела с такими бытовыми, повседневными мелочами как стиль одежды и манера вести себя с окружающими, особенно с мужчинами. То, что Людмила в первое время ошибочно принимала за ревность, на самом деле являлось накрепко впитавшимися в его подсознание убеждениями что есть подобающе, а что нет, для замужней женщины.

Это было важно даже не для него лично – Руслана прежде всего волновало то, как поведение его жены выглядит со стороны. От катастрофических отношений с Жанеттой в нём остался глубоко засевший страх показаться «посмешищем» в глазах других, что было для него хуже смерти. И хотя умом он прекрасно понимал, что стандарты поведения здесь совершенно иные, переделать своё кавказское нутро никак не мог.

Несмотря на пронзительную любовь, что-то по-прежнему заставляло его быть суровым и немногословным с женой при окружающих, не говоря уже о прилюдных проявлениях нежности или самой скупой похвале. Он частенько покупал ей цветы, но когда однажды, идя с букетом домой, встретил жену в окружении весело хохочущих однокурсников, то спрятал букет за спину, а потом, когда всё же замеченные тюльпаны вызвали каскад весёлых комментариев, неприятливо оборвал остряков, заявив, что купил их на могилу приятеля.

Он непроизвольно хмурился, когда она смеялась чьим-то шуткам, и замыкался, если её втягивали в оживлённую беседу. Ясно понимая, что это несправедливо и даже бестактно, он злился на себя, и от этого становился ещё более нелюдимым. Это никак не совмещалось ни с его давно полюбившимся образом жизни, ни тем более с циничной медицинской просвещённостью, однако в глубине души он не мог не

сознаться себе, что был бы счастлив, если б Людмила бросила институт, и ей не пришлось больше вообще никуда выходить из дома.

Постепенно они всё реже и реже стали встречаться с друзьями, особенно в шумных, развесёлых компаниях. Людмила чувствовала, что у Руслана там всегда портится настроение, и сама ощущала от этого всё больший дискомфорт. Однажды она всё-таки спросила у него:

– Руся, почему ты такой любящий и нежный, а при людях суров со мной: никогда не улыбнёшься, не похвалишь? Я с тобой наедине себя женщиной чувствую, любимой, а при других такое ощущение, будто ты меня стесняешься.

Руслан лишь молча и долго целовал её вместо ответа, потому что решения этой проблемы он и сам найти не мог. Мира в своей собственной душе не наступало. Всё оказалось слишком запутанным.

Свои прежние мимолётные связи с легкомысленными девицами он никогда не считал большой провинностью в глазах Аллаха, однако когда дело коснулось серьёзных отношений, тем более построенных на любви, он начал ощущать себя преступающим некую начертанную Всевышним непозволительную грань. Формально его женитьбу легко можно было бы оправдать «заданием», но наедине с собой и Богом он не мог лукавить и признавал, что сознательно идёт на огромный грех перед верой, позволяя любви так завладеть его сердцем и помыслами.

С другой стороны, он совершал преступление и против любви, выдавая себя не за того, кем на самом деле являлся, тем самым делая любимого человека заложником непредсказуемых обстоятельств. Такая разветвлённость чувств порождала давящее ощущение неискупаемой вины, и он уже запутался, кого на самом деле обманывает: Людмилу, себя, окружающих, пославших его сюда людей, или же всех вместе взятых:

*Я до себя
недосягаем
Распятый быдлом бытия
Уже предвидя свист нагаек
То лгу, то каюсь как смутьян.*

*Ещё позывы духа шатки,
Ещё готов нести оброк –
Чтобы сержант в неловкой шапке
Не брал меня под локоток.*

«Культурный шок», о котором их так подробно предупреждали в лагере, обрушился на него спустя семь лет после внедрения, и стал в его случае афтершоком³⁷, по мощности намного превзошедшим основной удар. Он начал чувствовать себя здесь чужим во всём, и доходило до того, что временами ему нестерпимо хотелось вернуться в Чечню, пусть хоть

³⁷ Афтершок (англ. *aftershock*) — повторный сейсмический толчок как результат первого

рядовым боевиком, хоть пастухом в горы, лишь бы к простым и понятным отношениям между людьми.

Однако война на Кавказе становилась какой-то мутной. Как пророчески предсказывал в своё время Авторханов, там всё больше заправляли делами арабские посланцы и наёмники, и вместо идей национальной независимости теперь на первый план выносились радикальные лозунги всемирного джихада и беспощадной борьбы сразу со всеми неверными, что становилось для Руслана ещё более отдалённым и чужим.

Его задание уже порой представлялось ему плодом фантазий из полузабытой детской игры, а он сам – давно стесняющимся того наивного романтического возраста потерянным человеком. Он лишился своего привычного мира, но в новом так и не смог стать по-настоящему своим, и даже совместная жизнь с любимой женщиной лишь всё ярче высвечивала это парадоксальное несоответствие.

Всё это неизбежно усиливало напряжённость в отношениях между ними, и ужаснее всего было то, что даже поговорить об этом откровенно они не могли.

Первая открытая ссора разразилась накануне их второго Нового года. Придя домой, вымотанный затянувшейся операцией Руслан устало стаскивал припорошённую мелким снежком дублёнку, когда в прихожую выбежала сияющая Людмила.

– Добрый вечер, Русик! – она чмокнула его в морозную щёку. – Слушай, нас на Новый год к себе Химичи приглашают. Я знаю, ты не очень любишь мои компании, но там и Нохрин должен быть, и Сенька с гитарой. Пойдём, пожалуйста? А то уже бог весть когда с людьми общались...

Руслан молча размотал шарф, стащил ботинки и прошёл на просторную кухню. После свадьбы жили они на Смоленской. Родители Людмилы без долгих обсуждений оставили молодожёнам огромную (хотя и считающуюся всего лишь двухкомнатной) квартиру в доме на набережной, а сами переехали в ещё более элитный дом, только что выстроенный неподалёку в одном из Арбатских переулков. Дед давно уже предпочитал жить в Малаховке на окружённой вековыми соснами даче, которой честнее было бы именоваться помещьем.

Войдя в комнату, Руслан остановился как от удара кнутом. На стене над накрытым к ужину столом в мерцании свечей красовался крупный портрет Людмилы. Он был подарен её знакомым художником ещё на годовщину их свадьбы и был по-настоящему хорош: несмотря на то, что на нём совсем не было видно её замечательных глаз, скрытых струями переплетённых ветром медных волос, от портрета исходил именно тот ласкающий свет, какой взгляд Людмилы излучал в моменты счастья.

Руслана ещё тогда сильно покорило, как посторонний человек посмел не только подсмотреть то, что являлось их сокровенным личным достоянием, но и выпятить это на всеобщее обозрение, пусть даже и

столь талантливо. Ещё большее неудовольствие он испытал, увидев как искренне была польщена Людмила таким знаком внимания.

Сдержанно поблагодарив автора, Руслан после возвращения из ресторана поставил портрет за шкаф, откуда жена извлекала его всякий раз к приходу гостей, мимоходом сетуя на так и не выполненное Русланом обещание повесить его на самое видное место.

– Он там тоже будет? – кивнул Руслан на картину.

– Кто, портрет? – не поняла сразу Людмила. – А, ты о Сашке! – она рассмеялась. – Даже и не знаю – может Химичи его тоже пригласили, но мне в нём интересен лишь талант художника.

Руслан молча прошёл в ванную и сунул руки под горячую струю. Людмила остановилась в проёме двери. – Русик, я ведь уже рассказывала тебе, что он был влюблён в меня ещё в 5-м классе, но я никогда не могла серьёзно к нему относиться – в нём слишком много наивной романтики, а меня всегда привлекала мужественность. Поэтому я тебя сразу же полюбила.

Наклонив голову, Руслан молча продолжал тереть уже покрасневшие руки.

– Лучше пожалей меня, – жалобно добавила она, протягивая к нему ладонь. – Смотри, я пальчик ушибла, когда гвоздь забивала. Ты так давно уже обещал...

Руслан вдруг с яростью швырнул в стену махровое полотенце, после секундной заминки сползшее по влажному кафелю на пол. – Сколько раз я должен повторять тебе не прикасаться к моим инструментам?! – Он взглянул в растерянное лицо жены побелевшими от гнева глазами. – Почему ты пытаешься делать то, что положено делать только мужчине? Знаешь ведь, как говорят: «Курица, захотевшая петь по-петушиному, лопнула»!

У Людмилы задрожали губы: – Где так говорят? В Саудовской Аравии? Откуда у тебя вообще эти домостроевские убеждения?! – Она резко подняла с пола безвольно распластавшееся полотенце. – Почему ты всё время стремишься ограничить мои возможности? Да, я женщина, я не могу и не хочу быть сильнее тебя, но нельзя же превращать меня в вещь, которая должна лишь бессловесно знать своё место!

Не отвечая, Руслан тигриной походкой ринулся в спальню и принялся разъярённо стаскивать с себя рубашку.

Она вошла туда следом за ним, продолжая сжимать полотенце в руках. – Руся, пожалуйста, пойми: тебе не к кому меня ревновать! Я люблю только тебя, и все остальные мужчины вокруг интересуют меня лишь как возможность для развлекательного общения. Я давно привыкла к тому, что на меня всё время обращают внимание, и мне нужно это для того, чтобы чувствовать себя женщиной...

От рубашки с треском разлетелись по сторонам оставшиеся пуговицы. Сверкающими глазами он вперился в неё: – Вот! Вот, это и есть истинное бесстыдство! Но ты же теперь не просто женщина. Ты – Замужняя Женщина! Как ты вообще можешь даже смотреть на других мужчин, а тем более говорить об этом мне!!!

Задыхнувшись от негодования, он лишь молча взмахнул руками, и принялся вышвыривать из шкафа одну за другой свои рубашки в поисках той, которую собирался надеть.

Людмила поняла его жест по своему. Она горестно присела на край постели и, безвольно выпустив из рук скомканное полотенце, тихо заговорила: – Ну что-ж, ты хочешь уйти – уходи. Что-то не складывается у нас, хоть я и не понимаю почему. Я ещё на свадьбе увидела, что ты жалеешь о своём решении. Наверное, тебе просто ещё рано жениться – ты совсем не понимаешь женщин...

Она запнулась, потом продолжила: – Такой, какая нужна тебе, я никогда не буду – да и ни одна нормальная женщина не согласится стать затворницей хотя бы и во имя любви! Я просто не смогу быть счастливой, если меня не будет окружать привычный мне мир.

Руслан как вкопанный молча смотрел на неё. Кровь шумела у него в ушах.

Людмила грустно усмехнулась и встала: – Собирайся, я не буду тебе мешать. Пойду к маме, она сейчас одна – отец снова в командировке. Просто знай, что ты можешь вернуться, когда захочешь. Вернее, если решишь, что я всё-таки тебе подхожу такой, какая есть.

Некоторое время Руслан стоял в опустевшей спальне, шумно дыша и время от времени мотая головой. В его сознании постепенно проступала всё более ясная и отчётливая мысль, что несмотря ни на что, он любит эту женщину больше всего, что может быть у него в этой жизни.

На кухне раздался громкий треск и сдавленный вскрик. Руслан прыжками метнулся туда по длинному коридору.

Людмила сидела на полу и ножницами, зажатыми в окровавленных пальцах, кромсала холст портрета, выломанного из рамы, щепки от которой разлетелись по всей кухне. Из её глаз, застланных спутанными русыми волосами, торопились вниз к дрожащему подбородку крупные сверкающие слёзы.

Что-то прежде неведомое укололо Руслана прямо в душу. Он опустился на колени и обнял ладонями мокрое от слёз любимое лицо. Мягким толчком она опрокинула его на спину, и он не сопротивляясь позволил ей повелительно опуститься сверху, рывками стаскивая с него брюки, и, тихо всхлипывая, препроводить лёгкими, нетерпеливыми пальцами его распираемый звоном острого вожделения клинок во вскипающую желанным соком податливую изложинку.

С едва слышным хрипом, она судорожно приникала к нему горячим лоном, и каждое движение отдавалось в ритмично прижимаемых к полу голых ягодицах Руслана уколами впившихся в плоть осколков рамы. Веки его были плотно сомкнуты, и он не знал, что капает на его лицо: кровь с её пораненных пальцев, любовный пот или слёзы. Он понимал лишь то, что никакой вечный рай не в состоянии дать ему и малой частицы того блаженства, какое он испытывает в эти мгновения.

8 марта 2001 года
Москва, Смоленская набережная

В дверь настойчиво позвонили, потом ещё и ещё раз.

– Безобразия! – проворчал Руслан, отрываясь от затяжного поцелуя. – Хотя не говори этому вахтёру, что мы никого не ждём...

В дверь шумно ввалился Нохрин, сжимая в одной руке букет, в другой – бутылку «Столичной».

– Отойди, Руська! – заорал он. – Не мешай – я не к тебе пришёл! Я вот пришёл поздравить жену моего друга с Днём Международных Женщин!

Он довольно галантно опустился на одно колено перед вышедшей в коридор Людмилой, но, покачнувшись, протянул ей почему-то не цветы, а бутылку.

– Пьянь, – добродушно буркнул Руслан, ловко перехватывая водку из его руки. – Да проходи уже, нечего своими брюками полы нам пачкать.

– А швейцару своему скажите, – идя вслед за ним громыхал Нохрин, – Что по морде я ему не съездил только из уважения к дореволюционному возрасту. Что значит «никого не ждут-с»?! Что он вообще может знать о наших отношениях? Между прочим, Сенька с Михой ещё должны подъехать – вот за их ангельскую кротость я уж точно не поручусь...

– Ну что, так и прозябаешь на своей реанимации? – усевшись за стол, с ходу перешёл Валерка к своей излюбленной теме, одобрительно при том поглядывая на суетящуюся у плиты Людмилу. – Убей – не понимаю, что за интерес: людей вытаскиваешь с того света, а на ноги их ставят потом другие. Пациенты и не помнят тебя, когда очухаются. А в этом-то и есть главный кайф медицины – когда люди тебя после Бога следующим считают...

– У каждого свой кайф, – хмуро перебил его Руслан. – А истинную награду Бог не в этой жизни нам уготовил.

– Да ты богослов! – искренне изумился Нохрин. – Ну, Библию я тоже почитываю, а вот в загробную жизнь не верю. Даже если она и есть, там ведь буду уже не совсем я. Не думаю, что мой батяня с его характером теперь в белом халате и с сигареткой в раю бесконечно чем-то наслаждается. Уж он бы нашёл способ меня об этом оповестить. Поэтому мне важно всё в этой жизни успеть: достичь, увидеть, попробовать, получить...

– Ладно, к чему вся эта философия! – разливая водку по рюмкам и уводя разговор от провокационных теологических тем, примирительно сказал Руслан. – Расскажи лучше, что-нибудь интересенькое из практики молодого хирурга.

Нохрин опрокинул в рот рюмку, отправляя следом бутербродик с тарелки, расторопно поднесённой Людмилой. – Да ты присядь, Людок! – по-отцовски произнёс он, жуя. – Женский праздник всё-таки.

Послушайте-ка лучше историю, которая у нас в отделении неделю назад приключилась. Как раз к вопросу о благодарности пациентов.

Он сделал театральную паузу, и любуясь заинтригованными выражениями лиц слушателей, торжественно наполнил рюмки до краёв.

– Итак, приходит на плановый осмотр мужик, которому мы в прошлом году делали резекцию кишечника, удалили процентов двадцать, а чтобы ему удобнее кáкалось – вывели слепую кишку, как полагается в таких случаях, в нижнюю часть живота, где я собственноручно сделал этакий аккуратненький анус – эстетичную, понимаете ли, дырочку в правом боку...

Врачебную тайну раскрывать не могу, уж вы-то меня понимаете, тем более что мужика этого все прекрасно знают – он постоянно в телеке мелькает, вот буквально сегодня баб... э-э– дорогих женщин с праздником поздравлял.

Короче, мужичок бурно жизнерадостен и счастлив, благодарит, заглядывает всем в глаза, целует руки, говорит, будто мы подарили ему совершенно новую, прекрасную, светлую жизнь и тому подобный гон. Приятно конечно, но уровень восторга несколько неадекватен и потому удивителен.

И что же вы думаете? Истинные причины такого непомерного счастья вскрываются в процессе осмотра: на этой самой дырочке я обнаруживаю следы герпеса, папиллом и прочей прелести, передающейся исключительно половым путём... Вышло, короче, что добрый я своими умелыми руками соорудил находчивому дяде-педерасту удобно расположенное на животике симпатичное розовенькое влагалище! Ну не охренеешь ли тут, братья и сёстры?! Извиняюсь за попрание авторских прав, но нет ни слов, ни музыки, ни сил...

– Ну и что, почувствовал себя Богом? – брезгливо поинтересовался Руслан, строго косясь на громко хохочущую Людмилу.

– Знаешь, в какой-то степени да, – невозмутимо отвечал Нохрин, подцепляя вилкой сразу два ломтя колбасы. – Ведь теперь он может своего бой-френда в губы целовать, когда тот его... это... туда... ну, дальше вы сами знаете.

Людмила продолжала, смеясь, выпрашивать у Нохрина профессиональные медицинские детали, а у Руслана опять вдруг резко испортилось настроение. Ему была вообще ненавистна тема мужеложества, но более всего претила реакция жены, в которой чудилось нечто непристойное.

Вальяжный Нохрин, каким-то образом почувствовал настроение Руслана, и несколько раз взглянув на часы, свернул разговор: – Ну, ладно. Этих раздолбаев я, видно, уже не дождусь, а вставать завтра снова в 5, так что спасибо за гостеприимство, с праздником дорогие женщины, и привет бдительному швейцару!

В коридоре, подавая Нохрина, принципиально не признававшего дорогой одежды, его доперестроечную «аляску», Руслан сурово сказал: –

Знаешь, Валера, хочу попросить тебя не рассказывать больше таких историй при моей жене.

Нохрин, наполовину натянувший куртку, ошеломлённо уставился на него: – Руся, ты что, с дуба рухнул? Чего я такого рассказал-то? Она-ж не из института благородных девиц, а такой же доктор, как я и ты! Заметь, я ведь ни единого матерного слова не употребил, хотя трудно это было, не скрою.

Он скорбно покачал головой и до конца продёрнул руки в потрёпанные рукава: – Давно хотел поговорить с тобой: ты после свадьбы как будто перестал собою быть, ну по крайней мере тем своим парнягой, которого мы знали. Наши все так завидовали тебе похорошему, говорили: вот она, красивая любовь у красивых людей, а вы замкнулись в своей семейной скорлупке, как будто кроме этого в жизни ничего другого и не осталось. Пойми: мужчина должен иметь несколько лиц – одно для работы, другое для друзей, третье для жены, ну там ещё для тёщи, если есть необходимость...

Он потоптался у порога, потом вдруг порывисто обнял застывшего Руслана, безжалостно встряхивая его: – Руська, ну извини! Не знаю, что у тебя внутри творится, однако хочу, чтобы ты помнил: мы – твои друзья, и ты нам люб! Лезть в душу не буду, но если хоть что понадобится – знаешь, где найти.

Руслан ещё несколько минут стоял, прислонившись лбом к обитой двери, через которую вскоре смутно донёсся лязг решетчатой двери лифта, достигшего наконец первого этажа. Он прекрасно понимал Нохрина, но вот согласиться с ним никак не мог.

11 сентября, 2001 года

Москва, отделение реанимации Боткинской больницы

Операция шла уже четвёртый час. Девочка продолжала терять кровь, и чтобы локализовать все источники кровопотери, надо было дальше и дальше вскрывать грудную клетку, а это неизбежно означало новые кровотечения и продление и без того затянувшейся анестезии.

Руслана кто-то тронул за плечо – пришёл сменщик. На этот раз не опоздал, однако большого смысла в этом сейчас не было. Чтобы рассказать ему обо всех нюансах ситуации, потребуется минут 15, за которые они оба могли утратить контроль над происходящим.

Поэтому Руслан ограничился лишь коротким рукопожатием и, не отрывая взгляда от монитора, тихо сказал: – Иди погуляй – тут ещё надолго. Если уйдёшь из больницы – оставь в приёмном телефон, где тебя найти.

Постояв для приличия пару минут за спиной, сменщик радостно исчез.

Руслан лишь с облегчением вздохнул. Он не любил передавать кому-то недоделанную работу, хотя отчаянные старания сегодняшней

смены судя по всему были обречены закончиться грустно – 14-летняя девочка умирала, а это означало тяжёлые всплески негативных эмоций, бесконтрольное раздражение в конце длительной слаженной работы. И противное опустошение, осознание своего бессилия и неумелости ещё на дни, а то и месяцы вперёд, словно плохо заживающее клеймо, выжженное глазами напряжённо ждущих в приёмном отделении родственников.

От него по большому счёту зависело не много – единственное, что он мог, это не испортить общих усилий команды, поддерживая в организме пациента оптимальный уровень медикаментов. Однако именно это умение привносить собственную душу в нужное сочетание и концентрацию каких-то там неодухотворённых растворов, ограниченное время поддерживающих стремительно угасающую жизнь, давая тем самым кратковременный шанс хирургам, и отличало классного анестезиолога от отбывающего номер равнодушного исполнителя с дипломом врача.

После окончания ординатуры Руслану предложили остаться реаниматологом в Боткинской, на что он без колебаний согласился. Несмотря на более чем скромную зарплату при напряжённейшем графике работы в этой беззаветной труженице, уже век неутомимо продолжающей спасать вереницы страждущих от всевозможных напастей, в работающих с ним бок о бок людях было нечто, делающее смысл их существования неизмеримо выше эталонной бургерской сытости и покоя. Названия этому качеству он не знал, но ощущал лишь то, что оно в нём присутствует.

– ... Ну так что, может всё-таки попробуем дальше? – расслышал он негромкий вопрос ассистента, обращённый к хирургу.

– А у вас разве есть другие варианты? – довольно резко отозвался тот. – Если зашить, оставить всё как есть – умрёт от внутренней кровопотери дня через три-четыре.

Он устало выпрямился и, по-смешному разведя руки в окровавленных перчатках, сделал несколько поворотов туловища влево-вправо, с наслаждением разминая затёкшую от долгого стояния в одной позе спину. Руслан всегда считал едва ли не самым трудным в работе хирурга необходимость часами оставаться практически в неподвижном положении: даже опустить ладони ниже пояса хирург не имеет права, дабы не нарушить стерильности.

– Готовьте кровь для переливания – будем расширять операционное поле, – приказал Романов операционной сестре.

– Михаил Давыдович, кровь почти всю израсходовали, – виновато ответила она. – Нужно время для разморозки.

– Какого дьявола, Маргарита Семёновна! – взорвался хирург. – Вы что, первый день здесь работаете?! У нас счёт на минуты, больную теряем, а тут кровь не готова!

– Так уже сколько часов операция идёт, – кротко оправдывалась медсестра. – Мы почти всё что было на целую больницу сюда забрали, а

у неё ещё и группа самая редкая. Старшая сестра уже час назад заказала из банка – так её только что привезли, замороженную...

Руслан прекрасно знал, что хирург-виртуоз Романов уже второй десяток лет работает с этой опытной сестрой и всегда берёт только её на самые сложные операции, но при этом не проходило случая, чтобы он не нашёл за что на неё наорать.

– Тяжёлый характер, – с достоинством вздыхала она в дежурантской, – Но какие руки! Истинный кудесник...

Разряжая ситуацию, Руслан негромко кашлянул. – Может быть мою возьмёте, Михаил Давыдович? У меня как раз четвёртая отрицательная.

Хирург хмуро взглянул на него. – А интубацию мне тут сантехник дядя Вася обеспечивать будет? Я если тебя к больной подключу, неизвестно сколько крови высосу. Ты и сознание можешь потерять.

– Я только что сменщика отпустил, – бодро заговорил Руслан. – Его надо вернуть – он ещё до приёмного не успел дойти. А пока меня подключать будете, я ему всё по процедуре передам.

Романов мечтательно посмотрел на Руслана. – Хм, кровушка тёплая, свежецитратная... может действительно оказаться очень кстати.

Взгляд его снова стал жёстким. – Пётр Сергеевич, верните сменного анестезиолога – пусть принимает дежурство. Маргарита Семёновна, проверьте группу крови донора и сделайте пробы на совместимость. Леночка, готовьте гемотрансфузию.

– Группу можно не проверять, – широко улыбнулся Руслан, быстро закатывая рукав халата. – Четвёртая, резус отрицательный. За время учёбы раз пятнадцать...

– Мне что, ещё раз повторить нужно?! – грозно рявкнул Романов. – Проверить группу – я не могу больной вливать что попало!

Сёстры забежали по операционной с утроенной скоростью.

...Руслан не то чтобы потерял сознание – оно просто незаметно отделилось от него, поднявшись куда-то к потолку, и оттуда наблюдая как белые спины людей ритмично склонялись над располосованным девичьим телом, рядом с которым лежал он сам, присоединённый к ней сложной системой трубок и проводов, и ставший её жизненно важным органом, крепко удерживающим от ухода в небытие.

Когда сознание наконец вернулось с потолка на положенное ему место, оказалось, что Романов, уже сняв колпак и маску, сидит на стуле рядом с ним, неторопливо протирая руки. Дождавшись пока взгляд Руслана сфокусируется на его лице, тот с усилием улыбнулся: – Спасли твою крестницу – вы теперь, можно сказать, одной крови. Если осложнений в ближайшие пару дней не будет, проживёт ещё сто лет.

Он, покрхтывая, поднялся: – Добрались-таки до источника. Сосудик маленький такой в правом лёгком, а плевался как Бахчисарайский фонтан... Ну, иди отдохни в послеоперационном минут 15, пока Пётр Сергеевич её зашивает, и возвращайся: эндотрахиальную трубку тебе самому вынимать придётся – я сменщика твоего прогнал отсюда к чёртовой матери, шалопаю!

Полулёжа в каталке, заботливо укутанный в одеяла сёстрами отделения, и едва касаясь губами кружки с горячим какао, Руслан замороженно глядел на экран телевизора над их головами, где снова и снова без звука величественно рушились небоскрёбы Нью-Йоркского Торгового Центра, всё ещё подспудно сомневаясь, не продолжает ли играть с ним шуточки его собственный мозг, лишённый привычного кровоснабжения.

Постепенно ясность сознания возвращалась к нему, и по обрывкам тревожных разговоров вокруг он внезапно осознал, что планета за один день стала совсем другой.

Потом он невнятно подумал о том, что в этом свихнувшемся мире, с его нелепыми изгибами судеб, на месте одного из тех арабских парней вполне мог бы оказаться и он сам, Руслан Дудаев...

– Упаси, Аллах... – едва слышно прошептал он, и вдруг ощутил, как по шершавым щекам катятся невесть откуда взявшиеся тёплые слёзы.

***1 ноября, 2002 года
Москва, Смоленская набережная***

Было уже около полуночи, когда небритый Руслан, пошатываясь словно пьяный, с четвёртой или пятой попытки вставил ключ в замочную скважину. Почти двое проведённых в реанимационном отделении суток, выдались особенно тяжёлыми, и он измождённо подумал о том, если Людмила уже в постели, то он пожалуй ограничится чаем вместо того, чтобы разогревать, а потом ещё и заталкивать в себя ужин.

Однако дома его ожидал не слишком приятный сюрприз: на кухне вместе с Людмилой сидели тесть с тещей и о чём-то оживлённо беседовали, изредка поглядывая на телевизор, по которому передавали новые подробности обо всё ещё не остывшей теме теракта в театре на Дубровке.

– Ну вот и мы доигрались как америкосы год назад, – злорадно проговорил тесть, поднимая свой профессионально тяжёлый взгляд на Руслана. – И ведь я же их всех предупреждал! А будем и дальше такими же беспечными – ещё хуже что-нибудь произойдёт! С магометанами шуточки плохи, ты согласен?

Руслан отделался кивком. Тесть уже не однажды пытался завести с ним разговор о политических проблемах, особенно почему-то интересуясь его мнением о Чечне, Исламе и мусульманском мире. Уклоняясь от разговоров, Руслан вежливо, но односложно отвечал, будто далёк от этой темы, справедливо опасаясь, что более углублённые обсуждения могут ненароком выявить его незаурядные познания в данной области.

Да и на самом деле, сейчас это казалось ему чем-то невероятно далёким, хотя географически всё переместилось уже ближе некуда – в

Москве трудно было найти человека, равнодушного к теме чеченских террористов.

Однако его реальная работа, оказавшаяся куда насыщеннее академических институтских занятий, а также сложная конструкция семейных отношений, поддерживаемая с филигранной тщательностью, поглощали почти без остатка его физические и духовные силы, и он всё реже брал в руки газеты и даже смотрел телевизор, не говоря о том, что совсем нерегулярно стал обращаться за советом к Аллаху, да и то больше по каким-то бытовым, повседневным делам.

Людмила быстро встала, заботливо накладывая на тарелку Руслану остывшую уже еду, однако тесть, едва дождавшись пока она поставит блюдо в микроволновку, сделал нетерпеливый жест рукой, и обе женщины словно по заблаговременному уговору исчезли с кухни. Как ни странно, Руслану это даже понравилось. Видимо, напомнило чем-то родной дом...

Тесть собственноручно достал из микроволновки шипящее блюдо и поставил перед Русланом. На его ухоженной лысине уютно поблёскивали отсветы горящих на кухне свечей. Он налил водку в пустую рюмку зятя, и, поколебавшись, добавил почти до края в свою собственную.

– У нас не так много возможностей поговорить, – начал тесть, после того как Руслан наконец ковырнул вилкой еду. – Поэтому давай сразу о главном. – Он нетерпеливо поднял рюмку, дождался пока жующий Руслан ткнётся в неё своей, и без промедления опрокинул в приготовленный рот. – Может наконец хватит геройствовать? Мы уже давно внуков ждём, а с твоей работой у вас и времени на это не остаётся.

Руслан, не любивший когда его отрывают в первые секунды еды, не удержавшись, сдержил: – А почему вы думаете, что я на работе был, а не у любовницы?

Тесть снисходительно усмехнулся: – Мне, дорогой мой, о тебе известно больше, чем тебе самому. И где родился, и кем крестился, и зачем обрезался.

Руслан невольно напрягся, но видимо у тестя это было просто присказкой.

– Я знаю – ты прекрасный парень, но только за счёт этого сейчас не прожить. На твоей работе говорят, что ты талантлив – так давай направим твой талант в русло, где за это хотя бы платят нормальные деньги. И при этом не отрывают от семейных дел, – многозначительно добавил он.

Руслан улыбнулся: – А что, у нас ещё есть такие заповедные места?

– Есть, – спокойно подтвердил тесть. – И там сейчас как раз имеется вакансия.

Он встал и торжественно прошёлся вдоль длинного подоконника, привычно оглаживая его рукой. – Это Кремлёвская больница. Туда, как ты сам понимаешь, простые смертные не попадают, но её главврач мне очень многим обязан. А тут ещё и такое удачное совпадение: от них ушёл анестезиолог, вернее, подсел на иглу серьёзно парень, и им надо срочно его заменить.

Вернувшись за стол, он уже без колебаний наполнил обе рюмки. – Платят там почти в два раза больше, чем ты зарабатываешь сейчас, дежурств и внеурочной работы практически нет.

– Так это должность реаниматолога, или чисто анестезиолога – журнальчики во время операций читать?

– О-о!.. Ну эти вопросы ты уже там будешь задавать. Я знаю лишь то, что 99 процентов твоих коллег душу дьяволу бы продали, чтобы заполучить эту работу.

– Дайте мне подумать. Я сейчас не готов принимать такие серьёзные решения.

Тесть довольно крикнул: – Что-ж, и это тоже говорит о тебе как о достойном человеке. Подумай конечно, с Людой обсуди, но только времени у тебя немного – свято место пусто не бывает.

Руслан, сосредоточенно жуя, обдумывал слова тестя. Уж не ловушка ли это? Настолько ли глубоко он законспирирован, чтобы мало-мальски серьёзная проверка не смогла выявить его истинного прошлого? Может быть тесть, уже зная его подноготную, специально предлагает столь заманчивый вариант, чтобы выйти на контакты? Но какие к шайтану контакты?! Столько лет прошло, и никто ни разу даже не позвонил. С другой стороны, они ведь об этом предупреждали... Как же выяснить, забыли ли о нём навсегда, или просто ждут нужного момента? ...

Словно подглядев его мысли, тесть без видимого логического перехода вернулся к предыдущей теме: – А этих ребят мы в конце концов достанем. Им теперь недолго по горам бегать осталось, уж поверь мне!

Руслан положил вилку. – А почему вы мне об этом говорите?

Тесть хитро подмигнул, опрокидывая в рот неизвестно когда снова налитую рюмку: – Хочу знать: можем ли мы рассчитывать на твою помощь, или нет. Я ведь тебя не просто так по благу на это место пристраиваю.

Он думал над этим разговором весь следующий день. Мысли о провокации со стороны тестя Руслан в конце концов отнёс – слишком тонко и сложно построенной была бы эта игра с такой мелкой сошкой как он.

Значит принимать решение надо было с учётом сегодняшних реалий. Ему ужасно не хотелось бросать свою тяжёлую, но приносящую буквально наркотическое удовольствие работу. Каждодневно спасая жизни, он будто по частям искупал свой давний юношеский грех, о котором запретил себе думать, однако ощущение его прочно застряло в подсознании – убийство человека, ни имени, ни преступления которого он даже не знал. Труд реаниматолога словно позволял ему постепенно выплачивать выставленный когда-то счёт за чужую смерть.

Тем не менее, он вполне отдавал себе отчёт в том, что отношения с Людмилой заходят всё дальше в тупик не в последнюю очередь именно из-за его нечеловеческого трудового ритма и перегрузок, и если он

действительно хочет строить семейный очаг, то работу рано или поздно всё равно придётся менять.

Оставался и ещё один фактор, мысли о котором он до поры гнал от себя, хотя тот был способен перевесить любой расклад всех прочих аргументов. Его задание. Являлось ли оно химерическим сном, который давно уж пора забыть, или продолжает нависать над ним неотвратимой данностью?

Уже вечером по дороге домой он не выдержал, и повинуюсь неодолимому импульсу раз и навсегда покончить с мучительным неведением, зашёл в первую попавшуюся на глаза телефонную будку и набрал тот самый номер, накрепко сидевший в голове все эти годы. В трубке бесконечно долго слышались длинные гудки, и, дождавшись седьмого сигнала, Руслан уже хотел с облегчением повесить её на рычаг, как вдруг что-то щёлкнуло и уверенный голос с ясным чеченским акцентом сказал: – Ас-салям алейкум, брат! Говори, какие проблемы?

Он окаменел. Его словно просквозило обжигающим холодом далёкого прошлого, которое уже перестало восприниматься как явь. Втайне он всё же надеялся, что никого из них уже нет, да и никогда не было, и что он – свободный человек, живущей своей собственной, устраивающей его жизнью.

И вот оказалось, что этот незримый мир по-прежнему продолжает существовать совсем рядом с ним. Но почему они никак не напоминают о себе? Может быть это всё таки лишь случайное совпадение?

Однако он уже прекрасно понимал, что оно не случайно.

10 января, 2003 года

Москва, Романов переулок, Кремлёвская больница

– ...А вот здесь, именно на этом стуле, Мао Цзэдун девять часов ждал аудиенции у Сталина.

Главврач сделал паузу, испытующе наблюдая, какое впечатление произведёт данный исторический факт на молодого сотрудника.

– А зачем он это делал? – едва сдерживая зевоту, вежливо осведомился Руслан.

– Ему было необходимо заручиться ядерной поддержкой СССР! – поучительно сообщил главврач. – А сейчас мы пройдем с вами в любимую палату Брежнева, в которой целиком сохранена подлинная обстановка...

– Скажите, а график дежурств утверждается по неделям, или по месяцам? – воспользовавшись паузой, поинтересовался Руслан.

– Ну что вы, – снисходительно усмехнулся главврач. – Дежурств как таковых у нас нет. Могут, конечно, быть и внеплановые операции, и вызовы среди ночи, но они крайне редки... Вы только вникните: чуть ли не вся история 20-го века прошла по этим коридорам, где идём сейчас мы с вами! Эти стены видели сотни выдающихся людей: Жуков, Ким Ир

Сен, Абдель Насер, Андропов, Королёв, Туполев, Келдыш, Шостакович, Шолохов, Симонов, Лемешев – я перечисляю лишь некоторых, первых приходящих на ум. А вот, например, справа – палата Константина Устиновича Черненко, где по его распоряжению был оборудован избирательный участок...

Руслан, уже не в силах сдерживаться, со сладостным хрустом зевнул.

21 марта, 2003 года
Москва, Смоленская набережная

– ...А ты сама не считаешь, что это неприлично: замужней женщине ехать в зарубежную турпоездку одной?!

– Ну Русик, ну дорогой, я же не виновата, что мама заболела! А тебя я сто раз с нами звала – ты сказал, что неудобно брать отпуск, проработав на новом месте всего два месяца...

Людмила сокрушённо села на край огромного кресла, по-детски зажав руки между коленями. – Неужели я так никогда и не побываю в Париже? Уже в третий раз что-то как нарочно мешает. А летом выпуск, потом ординатура... – она безнадёжно махнула рукой и коротко вздохнула. Её поза выражала такое бессильное отчаяние, что Руслан не выдержал.

– Ладно. Поезжай, – недовольно буркнул он. – Будешь мне каждый вечер звонить оттуда...

– Правда?! – вскочила она и в восторге запрыгнула на кресло. – Руська, ты такой у меня классный!!! Я тебе обещаю не только каждый вечер, но и каждый час звонить, начиная прямо с полуночи!

Лёгкость, с которой Руслан пошёл на поводу у Людмилы, объяснялась отнюдь не только сочувствием к ней. Буквально днём ранее случилось событие, тщательное осмысление которого занимало сейчас все его думы – американцы всё-таки вторглись в Ирак. В том, что это приведёт к глобальным последствиям, он уже нисколько не сомневался.

С каким-то богобоязненным содроганием, он наконец оказался вынужден признать, что едва ли не все пророчества грядущих событий в мире, казавшиеся ему в лагере наивным бредом, медленно и неотвратимо сбываются одно за одним. Сквозь эту поступь явлений всё очевиднее проступала несокрушимая воля Аллаха.

Он прекрасно помнил короткий спор, вспыхнувший между ним и Абу-Бакром, когда тот как всегда не подлежащим сомнению тоном рассуждал о близкой победе над Америкой и скором покорении Европы. Руслан, воспринимавший эти идеи как пустое бахвальство, не смог сдержать своего сарказма: – А каким образом мы, сидя здесь в горах, собираемся одолеть такого гиганта как США? Да разве такое вообще возможно?

Абу-Бакр покровительственно взглянул на него: – Для Аллаха нет ничего невозможного, брат. Прежде всего, мы объединим всех правоверных в мире одной общей священной идеей. А для этого надо втянуть Америку и Европу в войну на мусульманской территории.

Он помолчал, как бы оценивая, может ли он посвящать их в такие детали, и в глазах его блеснул дьявольский огонёк: – Наши арабские братья уже трудятся над этим планом: сперва надо крепко позлить американцев, а потом подставить им кого-нибудь поудобнее – Ливию, Ирак, да или тот же Афганистан. Заодно американскими руками от всех тамошних идиотов избавимся. А уж потом, когда они завязнут как в своё время СССР в Афгане – вот тут мы и начнём их долбить с разных сторон, покуда они сами изнутри не развалятся! Попомните: они не то что сдаваться – толпами в нашу веру переходить кинутся: успеть до Судного дня любовь к Аллаху засвидетельствовать!

Он загадочно улыбнулся и неторопливо пошерудил палкой в костре, отсветы которого сделали его похожим на доброго джинна из старинной притчи: – Вы пока ещё многого просто не знаете. У нас против них такие средства уже вот-вот появятся, что всё их прогнившее могущество как карточный домик рассыплется. Что там атомные бомбы – мы одним именем Аллаха ураганы и землетрясения на них насылаем будем! И знайте – истинная вера сильнее любого оружия, любого богатства, любой неправедной власти.

Руслан опустил глаза и лишь усмехнулся про себя, подумав что Абу-Бакр конечно незаурядный человек, но слишком уж уверовал во все эти прекраснотушные арабские сказки.

Сейчас он так уже не считал. По всему выходило, что мировая история неумолимо разыгрывается по подготовленному этими людьми сценарию, в котором где-то чётко определено и его место. Вот только что это за место? И когда ему предстоит его занять?

***29 декабря, 2003 года
Москва, Смоленская набережная***

– Русь, ты не мог бы поставить чайник? Извини, у меня что-то сегодня с утра голова кружится...

Руслан сочувственно погладил жену по макушке и встал из-за стола. Людмила была на восьмом месяце, и он теперь прилежно выполнял по дому всю работу, которой раньше демонстративно чурался как «не мужской».

Известие о беременности жены, о чём она застенчиво сообщила ему во время завтрака солнечным майским воскресеньем, застало его врасплох. Поперхнувшись кофе, он не смог скрыть своего замешательства, и Людмила, прямо глядя ему в глаза заявила

отвердевшим голосом: – Руся, если ты не хочешь ребёнка – я сделаю аборт. Или уйду от тебя – я ещё не решила.

Он посмотрел на любимое, такое серьёзное сейчас лицо и в душе его что-то перевернулось. Не помня себя, он сжимал её в объятиях, покрывал поцелуями, и шептал: – Я хочу, хочу, чтобы ты родила мне сына! Нашего с тобою сына!!!

Мысли, что жена может родить ему не мальчика, Руслан просто не допускал. Когда настало время ультразвукового обследования, он наотрез отказался определять пол ребёнка, мотивируя это нежеланием забегать наперёд в собственной судьбе.

На самом деле, он просто не представлял себе, как отнесётся к тому, если окажется, что в утробе жены растёт и формируется нежеланное для него существо. Для себя он дал негласный обет: если у него появится сын, то это навсегда станет главным фактором в принятии любых решений.

Аллаху он теперь молился каждый день, отчаянно заклиная о ниспослании сына, как знака прощения всех своих прежних грехов. Его отношение к жене трансформировалось причудливым образом. Все эти прежние годы, отказываясь понимать её, а временами даже осознанными вспышками ненависти, он однако испытывал к Людмиле неистребимое вождление, тем более острое, чем возмутительнее чуждой она ему казалась. Теперь же им владела неизъяснимая, всепрощающая нежность, желание заботиться о ней в самых утончённых мелочах.

При этом физическое влечение к ней как к женщине у него исчезло напрочь. Теперь он воспринимал её исключительно как мать своего будущего ребёнка – безупречный святой образ, трудно совместимый с удовлетворением низменных телесных страстей. Возможно, на клеточном уровне, он просто ощущал выполненность совместной биологической задачи, и всякая половая деятельность в прежнем направлении стала теперь казаться организму просто бессмысленной.

Боготворя и почитая её как никогда прежде (помимо, разве что, первых месяцев влюблённости), он неожиданно для себя лавинообразно принялся ей изменять, тем более что окружавшие его молоденькие и чрезвычайно сексапильные медсёстры, давно уже томно поводящие при его взгляде округлыми попками, тут же распознали необъяснимым женским чутьём готовность молодого мужика оторваться по полной программе.

У него появились вдруг «срочные вызовы», потом «ночные дежурства», которые Людмила, мучавшаяся от раннего токсикоза, воспринимала даже с облегчением, но зато через некоторое время к нему прямо в дежурантскую Кремлёвской больницы неожиданно нагрянул торжественно мрачный тесть.

– Я, конечно, и сам мужик, – бегло взглянув на часы, сразу начал он, – И, представь себе, понимаю, что тебе сейчас тяжело. Но нужно и честь знать!

Для разговора он завёл Руслана в палату, где Леонид Ильич проводил большую часть своих последних лет. Видимо, в знак уважения

к этому факту, там не стояло никакой прослушки. – Здесь у вас девушки весьма непростые – конъюнктуру отслеживать всё же надо.

Он пытливо посмотрел на Руслана, словно уличая его в государственной измене: – Внучку Привалова зачем трахал? Она вообще девица сумасбродная – теперь уже самому Президенту известно, что ты на ней жениться обещал. Ну а поскольку (хотя это только по её словам, хе-хе) ей это самое кто только не обещал, ты теперь с половиной Администрации, как это лучше выразиться, брат по оружию!

Тесть то ли закашлялся, то ли изобразил приступ взрывного веселья. Лысина его, однако, блестела вполне серьёзно. Руслан виновато молчал.

– Ну да ладно, шутки в сторону. Надо всем этим можно было бы вместе посмеяться за бутылкой, но ты для меня – прежде всего муж моей дочери. А она любит тебя, засранца. Так что бросай это блядство, тем более такое, от которого круги по всей Москве. А если засвербит так что не вмоготу – позвони мне, я тебя к таким девчушкам направлю – весь майонез из яиц высосут на месяц вперёд. Но это только до января – покуда Людка не родит, – спохватываясь, предупредил он. – После этого – своими руками яйца откручу!

Несмотря на солдафонскую прямолинейность, этот разговор отрезвил Руслана, который и действительно всерьёз повёлся было на детские, в обхват ладонью ягодички Ксюши Приваловой. Сразу неприятно стало думать, что то же самое восторженное «ай, ну какой ты большой!» она вопит наверняка всем подряд...

За спиной он вдруг услышал отрывистый вздох и затем мягкий стук. Резко оборачиваясь, он застал лишь последний момент соприкосновения головы Людмилы с линолеумным полом кухни, успев мысленно поблагодарить Бога за то что они ещё так и не настелили тут натуральный дубовый паркет.

В следующую секунду он уже стоял на коленях, прижимая голову жены к своей груди и пытаясь остановить конвульсивные судороги, сделавшие в один момент невообразимо жутким столь любимое, красивое лицо. Он первым делом ловко вытащил из её гортани вмиг посиневший язык с ярко-красным пунктирным следом не успевших намертво сомкнуться на нём зубов, и с трудом протискивая в каменеющий рот твёрдый палец, принялся вычищать розоватую пену, моментально подсыхающую на губах.

Ещё не до конца веря тому, что это происходит с ним и его Людмилой, он левой рукой изловчился вытянуть из заднего кармана джинсов мобильный телефон и отыскал так до сих пор и не стёртый оттуда дежурный номер реанимационной бригады Боткинской.

– Это Дунаев, – коротко сказал он, не тратя время на расшаркивания, хотя его кольнуло ощущение восторга при звуках как всегда слегка нетрезвого, но доброго голоса Кости Шимановича, с которым за прошлый год он провёл бок о бок наверное больше времени, чем с Людмилкой. – Костя, нужна помощь. У жены эклампсия, 8-й месяц, судя по всему токсикоз последней стадии. Я её держу пока, но дыхание

нарушено, клонические судороги, в сознание не приходит, практически уже в коме...

– Адрес, Руся, – спокойно перебил его Костя, хотя Руслан знал, что сейчас вокруг него уже пчелиным роем взвилась вся моментально подскочившая на ноги бригада.

Он назвал адрес, не забыв предупредить, что швейцара нужно без рассуждений посылать на хер, и, с треском распахнув створки окна, припал к посиневшим губам жены, мощно вдувая в них всё возможное количество кислорода, которые были способны перекачивать его лёгкие...

– Ты едешь с нами, Руся? – вернулся на кухню Шиманович, когда носилки с Людмилой, тщательно увитой трубками капельниц и проводами мониторов наконец-то затолкнули в лифт.

– Нет, – безучастно отозвался Руслан, сидя на полу.

Костя внимательно посмотрел на него. – Придешь в себя – приезжай. Она будет в родильном – там у них своя реанимация, кадры ещё те – гроссмейстеры! Но я на всякий случай и сам проконтролирую.

Он на мгновение приостановился у выхода: – Молодец что нам позвонил. В Москве сейчас никто лучше не сработает, а тем более в твоей Кремлёвке, – слегка насмешливо добавил он и исчез, твёрдо захлопывая дверь.

В квартире наступила полная тишина. Руслан отстранённо подумал о том, что каким бы хорошим парнем ни был Костя, ему не объяснишь непреложного закона: мужчина не должен принимать никакого участия в родах своего ребёнка – это всё чисто женские дела. В Чечне муж никогда не провожает жену в больницу и не встречает из роддома...

К тому же, теперь он был практически уверен, что Людмилу спасти не удастся, и его неродившийся сын погибнет вместе с ней.

...Телефонный звонок словно ужалил его в мозг.

– Руська! Ну поздравляю! Обеих вытащили – и Людмилу, и дочь! Да-да, дочь у тебя родилась! Ха! Совершенно здоровая, крепышка! ... – кричал в ухо голос Шимановича, а Руслан продолжал всё так же тупо сидеть на полу кухни.

Морально он уже подготовил себя к совершенно другому исходу: ни сына, ни жены у него теперь не будет, и это станет закономерной карой за его неисповедимые грехи... и вдруг – обеих спасли! Но что значит: обеих?!

Он тяжело поднялся. О таком исходе он с Аллахом не договаривался. В его голове просто не укладывалось, как у него, Руслана Дудаева, мог родиться не сын!? О том, что сам был единственным сыном после четырёх девочек, появившихся на свет в его семье, он забыл и думать. С раннего детства он привык ощущать к себе особое отношение и нескрываемо подчёркнутую любовь отца, который не то что бы стыдился дочерей, но просто не считал их достойными своего внимания.

Наверное, с того самого времени Руслан неосознанно решил, что у него будут только сыновья. И вот такой неожиданный удар... Это совершенно определённо являлось знаком, который необходимо было правильно истолковать.

Пошатываясь словно пьяный, он подошёл к столу и как всегда большим пальцем ноги нажал на кнопку стоявшего на полу компьютера.

Хранить дома Коран было рискованно, зато теперь (хвала Аллаху!) существовал Интернет, к которому он обращался всё чаще за информацией о происходящем в Чечне, а иногда и за теоретическими советами на всевозможных исламских форумах.

Первый же результат поиска по ключевой фразе «рождение девочки» дал обескураживающий результат: «При рождении мальчика в жертву приносится две овцы, а в случае рождения девочки – одна. Такова позиция большинства учёных».

Руслан наклонил голову к клавиатуре и хрипло рассмеялся. Вот ведь ирония: буквально только что он наконец решил, что будет строить свою собственную жизнь, своё семейное счастье, невзирая ни на какие обстоятельства. Но к таким обстоятельствам он почему-то готов не был...

Снова запиликал мобильник. Он взглянул на экран и досадливо поморщился – это был всё тот же Шиманович. «Вот чего уже душу-то беречь? – мелькнула раздражённая мысль. – Ну спас – ну спасибо тебе за это, ну и всё...». Трубку, однако, сразу снял.

– Руся, я через полчаса сменяюсь, поэтому отчитываюсь, – усталым голосом сообщил ему Костя. – С дочерью всё нормально, а вот Люда по-прежнему в реанимации – осложнения с почками, пробудет на гемодиализе³⁸ ещё пару дней. Короче, подъезжай когда сможешь – тебя пропустят по-любому, я там предупредил.

– Спасибо, Костя, – выдавил из себя Руслан. – Я – твой должник.

– Да пошёл ты! – возмущённо буркнул Шиманович. – Главное дело ты сам сделал – не дал ей в кому впасть. Эх, блин, я уже не раз думал: насколько бы на Земле всё по другому стало, если б все люди были такими как ты! ...

Гнусавым смешком он попытался снизить пафосный накал своего высказывания. – Извини, что момент выбрал такой неподходящий тебе об этом сказать. Но когда ещё о таком говорить, как не на фоне смерти или рождения?! – На этот раз его смех был уже совершенно естественным. – Короче, Руська, я пошёл отсыпаться – ещё часов шесть у меня есть, а ты подумай: может сто́ит вернуться туда, где все тебя любят и помнят. Пока.

Это был ещё один удар под дых. Руслан давно уже безумно тосковал о работе в настоящей реанимации, наполненной не только стрессами, но и захлёстывающими живыми эмоциями, проклиная себя порой за малодушное согласие променять её на полусонное, починовничьи аккуратное отбывание времени на комфортном рабочем месте. Даже во время нечастых там операций его роль ограничивалась в основном лишь установкой капельницы, а то и вовсе обеспечением какой-нибудь местной анестезии.

Жизнь, словно дразня, время от времени напоминала ему о его настоящем призвании, находя для этого порою весьма затейливые способы.

³⁸ Гемодиализ – очищение крови от продуктов обмена с помощью аппарата «искусственная почка».

Пару недель тому назад, когда дочитав от корки до корки скучный журнал во время ещё более скучной плановой операции, он позёвывая вошёл в ординаторскую, медсестра у телефона тут же кокетливо замахала ему рукой: – Руслан Борисович! Вам тут какой-то мужчина уже в третий раз звонит.

Руслан взял трубку. Обрадованный мужской голос торопливо проговорил: – Доктор Дудаев? Ну наконец-то! Здравствуйте...

– Это ошибка. Я – доктор Дунаев, – стараясь казаться спокойным перебил сразу напрягшийся Руслан. – Кто вы? – Необходимо было выяснить, кто этот человек и откуда он знает его настоящую фамилию.

– Ах, Дунаев! Извините, ради Бога, доктор, я со слов матери так записал, извините. И ещё думаю: как же так? Такой замечательный доктор с фамилией этакого негодяя... Я что звоню: вы ведь раньше работали в онкологическом на Каширке?

– Когда-то проходил практику, – холодно подтвердил Руслан. – А в чём дело?

– Давно хотел сказать вам спасибо, доктор. Вы ж моей маме столько лет жизни подарили!

Руслан с трудом извлёк из памяти иссушенную раком и безнадёжностью бабульку. – А что, она ещё жива?!

– Да нет, полгода как похоронили. Но до последнего дня вас вспоминала, всё говорила: эх, где же тот молодой доктор, который меня тогда вылечил... А я вас вот только сейчас разыскал.

– Ну что вы, я ничем помочь ей уже не смог бы. У неё ещё тогда был рак в очень тяжёлой стадии. Я, если честно, ей неправду сказал. Уж больно у неё вид убитый был. Удивительно, что...

– Вот-вот! Она тогда уже к смерти готовилась: сидела как тень в углу, ни с кем не разговаривала, только на стену смотрела, не ела вообще ничего. Мы думали: ну, всё, не сегодня – завтра... А когда от вас пришла – не узнали её: глаза блестят, румянец откуда-то появился. А ну дайте-ка, говорит, борща сварю – больно есть хочется! И будто подменили человека – пробегала как заведённая ещё считай семь лет, ни разу не пожаловалась ни на что. Всё говорила: вот какой доктор теперь у меня – за один сеанс рак излечил... А к вам на приём как можно записаться?

– Но я... Видите ли, я сейчас не работаю по этому профилю, – огорчённо произнёс Руслан.

– Ох как жаль! – с чувством сказал мужчина. – А то знаете, у меня сестра желудком давно мучается, а к врачам идти не хочет. К вам бы пошла. Таких врачей от Бога как вы – раз-два и обчёлся. Дай, Господи, вам здоровья и долгих лет!

– Это вы напрасно, – с досадой ответил Руслан. – Врачей хороших у нас много. Вот запишите телефон, пусть сходит на обследование, и обязательно передайте доктору от меня привет.

Он продиктовал телефон Миши Лазуткина, погружённого теперь, как всегда фанатично, в эндоскопическую диагностику, и торопливо повесил трубку. У него было ощущение, будто он упустил что-то по-настоящему важное в собственной судьбе. По чьей прихоти он должен

находиться не на своём месте, жить какую-то не свою жизнь? И почему он вынужден испуганно вздрагивать, услышав данную ему при рождении фамилию?!

2 января 2004 года
Москва, Смоленская набережная

...Удары в дверь разносились так громко, будто в неё колотили ногой. Руслан отсоединил тяжёлую голову от диванной подушки, рельефное тиснение которой глубоко впечаталось в правую щёку, и, пошатываясь, поплёлся в коридор. Кого это там могло принести?

Он на несколько дней практически выпал из реальности, войдя едва ли не в самый настоящий ступор. Жена и дочь по-прежнему находились в отделении интенсивной терапии Боткинской, однако Руслан до сих пор даже не предпринял попытки попасть туда, хотя вполне мог бы это сделать. Но он совершенно не представлял себе, о чём будет говорить с женой и с каким лицом возьмёт на руки дочь. Просто сказал Людмиле, что его к ним не пропускают.

По телефону он общался с ней всего два, а вернее сказать, один раз. На следующий день после родов она была ещё слишком слаба, чтобы что-то говорить, и лишь тихо и счастливо то ли смеялась, то ли всхлипывала в трубку, а у Руслана от этих звуков ходили ходуном желваки.

Мобильные телефоны в отделении были категорически запрещены, поэтому побеседовать удалось только перед самым Новым годом, когда занимавшиеся Людмилой дежурные врачи уже достаточно поддали и сами позвонили Руслану: – Поздравь жену, папаша! Только скоренько, а то у нас главврач как Дед Мороз по отделениям ещё шастает – по второму кругу пошёл всем подарки раздавать...

Они обменялись несколькими тихими сдержанными фразами «как ты там?», «а как ты?», но ничего значимого сказать друг другу так и не успели. Взявший после Людмилы телефон ещё более повеселевший доктор что-то с аппетитом дожёвывал. Руслан чуть ли не физически ощутил исходящий от трубки спиртовой выхлоп. – Не волнуйся, папаша, встречай себе спокойно Новый год! Мы о твоих тут позаботимся. Всё будет в порядке!

Руслан сдержанно поблагодарил, пожелал счастливого Нового года и со стоном повесил трубку. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Больше он в Боткинскую не звонил. О состоянии Людмилы ему регулярно докладывал Шиманович, чутко не касаясь не деликатных тем.

Только что введённые в России рождественские каникулы оказались как нельзя более кстати. К тому же главврач Кремлёвки, уже извещённый о событиях в его семье, лично позвонил Руслану, сказав, что

он может взять дополнительный отпуск до конца месяца: – Не переживай, у нас ничего горящего не предвидится, а тебе надо жену с дочкой выхаживать.

Но вместо этого Руслан сидел один дома и в левитационном трансе почти непрерывно молился. В первый раз за три дня взглянув на себя в зеркало, он от неожиданности отпрянул: щёки обросли бородой, которая клочками оказалась совсем седой.

По странным, но удачным для него обстоятельствам, родителей жены в Москве не было. Тесть ещё с месяц назад убыл в важную командировку куда-то в район Персидского залива и выходил на связь очень редко. Уже много позже, сопоставляя обрывки известных ему фактов, Руслан понял, что именно он готовил тогда в Катаре покушение на Яндарбиева.³⁹

Тёща торчала с туристической группой где-то в Таиланде, откуда должна была вернуться чартером лишь седьмого января. Вылететь в Москву самостоятельно она никак не могла, поскольку виза оказалась групповой.

Сходя с ума, она звонила по несколько раз в день, всякий раз первым делом принимаясь клясть подругу, подбившую её встретить Новый год в тропиках. «...Говорит мне: как встретишь Новый год, так его и проведёшь. Вот значит я теперь и буду весь год среди обезьян, сама старая из ума выжившая обезьяна! Дочь рожает, а я попёрлась не в ближний свет! ...»

Руслан, совершая над собой усилие, успокаивал её, говоря, что преждевременных родов и эклампсии не мог предвидеть никто, тем более что прекрасное самочувствие Людмилы в последний триместр беременности усыпило бдительность всех, включая и его самого...

– Ты мне лучше честно скажи, – перебивала его она. – Людочке уже действительно ничего не угрожает? А внучка моя точно жива? Почему вы её не назвали никак до сих пор?! Я ведь ещё даже по телефону голоса её не слышала! ...

Устав от бесконечных вопросов тёщи, Руслан перестал отвечать на звонки, едва заведя на экране длинный международный код Таиланда.

...Помотав головой, чтобы кое-как собраться, он наконец открыл дверь. На пороге взбудоражено топтались Нохрин с Родюшкиным.

– Ну слава Богу, а то уже собирались дверь ломать! – проревел Нохрин, грозной тучей вваливаясь в квартиру. – Хоть какая-то польза от твоего привратника: побожился нам, что ты дома, – уже добродушнее добавил он. – Три дня, говорит, из квартиры никуда не выходил.

– Руська, что с тобой происходит? – проникновенно заговорил Сенька, с подозрением оглядывая и даже обнюхивая Руслана. – Ты что

³⁹ Зелимхан Яндарбиев – экс-президент непризнанной республики Ичкерия. Религиозный лидер фундаментального, ваххабитского толка. Причастен ко многим терактам, включая захват заложников в театре на Дубровке. Был взорван российскими спецслужбами в машине вместе с двумя телохранителями и 13-летним сыном в столице Катара городе Доха 13 февраля 2004 года.

здесь так и сидишь один, бухаешь? Бородой оброс – смотреть страшно – я тебя на роль абрека без грима возьму!

Щетина действительно ярко оттенила кавказские черты внешности Руслана, но к счастью друзья были озабочены сейчас совсем другим, чтобы заострять на этом внимание.

– Короче, расслабился, стресс снял – теперь пора действовать. Людку вытаскивать надо, – снова взял инициативу в свои хирургические руки Нохрин. – Почему даже не позвонил нам до сих пор? Мы случайно через наших ребят обо всём узнали.

Он остановился в середине коридора во властной, хотя и несколько театральной позе. Всегда дородный Валерка, несмотря на беспокойную жизнь врача, за последнее время ещё больше раздобрел. – Ну, мы уже сделали кое-что. Я отчима потрянул – лучших спецов подключили консультировать, ещё кое-кого из наших для подстраховки – помереть уже точно не дадут, но с почками может быть засада. Ты же знаешь, что эклампсическая уремия – это не шутка. Я даже не говорю о прочих прелестях, но вообрази себе только бессолевую диету на всю жизнь – на пресном курином бульончике и рисовом отваре!

Лицо Нохрина исказилось, словно от невыносимого физического страдания. «Да уж! – неуместно весело подумалось Руслану, – для такого чревоугодника как Валерка это и впрямь самое страшное наказание!»

Нохрин наконец справился с собой: – Чтобы её почки в норму привести нужно срочно одно лекарство. Дорогущее, но это полбеды – во всей Москве его просто нет. Слава богу, Сенька нашёл канал, должны вот-вот прислать.

– У меня школьный друг в Штатах, – пояснил Родюшкин. – Но там тоже просто так его в аптеке не купишь – рецепт нужен. Пришлось ему к врачу бежать, врать чёрт-те чего, его на учёт специальный поставили, страховые взносы подняли – в общем целая история, но я сказал, что другу помочь надо!

Он стащил перчатки: – Лекарство уже у него, несколько коробок, он сейчас в аэропорту, ищет с кем передать в Москву – теперь же знаешь из-за этих долбанных террористов народ от незнакомых людей передач не берёт, но я думаю, он уговорит. Сегодня от него из Сиэтла московский рейс – должен вот-вот позвонить с кем отправил – а завтра утром поеду встречать в Шереметьево.

– А теперь давай собирайся – поедем к Людке, – вернул беседу в практическую плоскость Нохрин. – Ей сейчас знаешь, как поддержка нужна, особенно от тебя. Да и дочку свою ты ещё даже не видел.

– Дочка... – мечтательно жмурясь, протянул Сеня. – Повезло! Это ж такое небесное существо теперь здесь у вас поселится...

Руслан с сомнением взглянул на него, ожидая подвоха, но вид у Родюшкина был непритворно блаженным.

– Да, я тоже хочу, чтобы первой у меня дочь была, – сурово подтвердил Нохрин. – Не нашёл вот только пока от кого завести...

Переводя недоверчивый взгляд с одного лица на другое, Руслан, словно перед ним сдёрнули затемнение с окна, за которым безмятежно

сияло солнце, вдруг остро ощутил невероятную убогость своих страданий и надуманных проблем. Он будто разом проснулся, ужасаясь своему бездействию и зачерствелости.

– Ребят, – растерянно проговорил он, – пройдите хоть на кухню что ли. Давай по рюмке дёрнем за моих, а пока вы закусите чем-нибудь, я быстро в порядок себя приведу – и полетим!

25 января 2005 года
Москва, переулок Сивцев Вражек

– Нет, ну ты посмотри, какая она уже у нас взрослая! – с восторженным придыханием произнесла Людмила, бережно выводя из спальни за руку дочь, наряженную в расшитое шёлковое платье и крохотные красные башмачки по случаю выхода в гости. Та, крепко вцепившись в маму, сосредоточенно переступала почти на месте неверными ещё ногами, освещая при этом комнату лучезарнейшей улыбкой.

– Вот знаешь, я гляжу на неё, сравниваю с другими детками – наша самая красивая, – продолжила жена. – И по-моему, это объективно!

Руслан, добродушно посмеиваясь, не стал возражать очевидному логическому противоречию, наверное оттого, что и сам не мог оставаться объективным при виде светящихся счастьем глаз своей девочки. У него плавилось сердце от взгляда на это «небесное существо», которое так уверенно заняло первостепенное место в их жизни, сразу же сделав её по-настоящему важной и наполненной смыслом. Ему теперь казалось невероятным, что чуть больше года назад он не только не желал появления дочери, но и едва не воспринял это словно какую-то трагедию.

Ещё в первые дни после её рождения, когда он брал на руки почти невесомый комочек тепла с умопомрачительно пахнущим светлым пухом на голове, а она уютно размягчаясь, доверчиво приникала к нему всем крошечным телом, в эти моменты им овладевала уверенность, будто она была частью его жизни всегда, просто до поры у него отсутствовал орган чувств, способный это воспринять.

Они назвали дочь Катериной в честь любимой бабушки Людмилы.

Руслан обожал целовать её босые, совсем ещё нехоженые розовые пятки, и она, хохоча, отдёргивала их, а потом шаловливо подставляла для новых поцелуев. Иногда он с сожалением заставлял себя прерывать эту игру, стесняясь даже перед женой своей вырывающейся из под контроля нежности.

Так получилось, что её первая улыбка была адресована ему, а первым словом, которое она произнесла, было «папа», но Людмила, ничуть не ревнуя, ликовала вместе с ним. Это оставалось любимым хитом дочери ещё много месяцев, и даже когда её просили: – Скажи «мама»! – она, хитренько щурясь, невинно переспрашивала: – А папа?

Он испытывал невероятное счастье, чуть ли не бегом возвращаясь после работы домой, где зеленоокая и белокурая, точно новенькая немецкая кукла Катя, изумлённо округляя глаза, протяжно вопила: – Па-апа!!! – будто не видела его много дней, хотя расстались они лишь несколько часов назад.

Когда бывала обижена, она плакала плотно зажмуривая глаза, словно не желая больше смотреть на этот неприветливый мир, и крупные как бусины слёзы выкатывались откуда-то из-под слипшихся ресниц. Руслан в такие секунды вполне серьёзно готов был сделать что угодно, лишь бы увидеть её глаза, снова искрящиеся озорным весельем.

Отношения с Людмилой после рождения дочери вдруг сделались совершенно ненапряженными и какими-то совсем несложными – их двоих теперь накрепко объединяло нечто, куда более важное, чем надуманные мелочные условности. Они оба сразу почувствовали это, и как никогда прежде упивались вновь открывшейся им любовью, перемешанной с благодарностью то ли к дочери, подарившей им этот новый уровень взаимоотношений, то ли друг к другу за такое одновременное открытие.

С родителями жены тоже всё стало до елейности сахарным. Тёща так вообще теперь демонстративно боготворила Руслана, почитая его спасителем своей Людмилы, а вернувшийся в феврале из командировки тесть с коричневой от аравийского солнца лысиной, крепко пожал руку и сдержанно похвалил, проявляя всегдашнюю осведомлённость: – Молодец, и друзья у тебя хорошие. Значит действительно многого стоишь.

Руслан и сам с небывалой яркостью осознал, как на самом деле ему дорого всё то, что он столь упорно стремился не впускать в своё мироздание. Теперь он с давно утраченной было искренностью благодарил Аллаха за посланную дочь, и прежде всего – за новое понимание самого себя, открывшее столько глубоко таившейся в душе любви. Впервые за все эти бесприютные годы у него появилось чувство, будто теперь в жизни по большому счёту наконец-то всё правильно.

В этот вечер они шли всей семьёй в гости к родителям Людмилы: в их элитном доме на Сивцевом Вражке собиралась тусовка однокашников по университетскому юрфаку, и те желали с гордостью продемонстрировать не только вполне успешных детей, но и гламурную внучку.

Вечер не обещал стать очень интересным, однако у Руслана в последнее время развился вкус к посещению людных сборищ, где все непременно восхищались его замечательной дочерью, а она, словно благовоспитанная принцесса, со снисходительным удовольствием принимала эти знаки внимания.

Общий разговор, как обычно в таких компаниях, начался с рассказов о поездках на отдых за границу. Тёща всё ещё припоминала свою прошлогоднюю встречу Нового года в Таиланде, но уже в ином, нежели прежде ракурсе: – ...Ну этих тайцев наши совершенно

развратили. Столько чаевых им никакие немцы или американцы никогда в жизни не давали. А те всё так же им кланяются, а русских презирают.

– Ну а в Европе? – вторила какая-то меховая дама. – Они на наших деньгах, можно сказать, свою туристическую индустрию раскормили. И всё равно русских как считали европейскими неграми, так и продолжают считать. А у самих-то манеры! Только что называется – европейская культура...

Руслана уже начали утомлять эти тщеславные рассуждения, тем более что после первых восклицаний и сюсюканий, интерес компании быстро переместился от их Кати в направлении пышно заставленного стола. Он уже начал обдумывать, как поделикатней избавить Людмилу от общества меховой дамы и её не менее занудного мужа, как вдруг какой-то небритый толстяк, который уже давно внимательно на него поглядывал, после второй рюмки неожиданно спросил:

– Скажите, а в вашем роду чеченцев не было? У вас френотип настоящего кавказца: брови, форма ушей. К тому же имя Руслан. Оно от тюркского корня «арслан», что значит лев. Я, видите ли, вырос на Кавказе...

От неожиданности Руслан едва не подавился минералкой. Было необходимо немедленно пресечь опасные расспросы, уже начавшие привлекать внимание окружающих. Руслан исподлобья посмотрел на говорящего и подчёркнуто строго ответил: – У меня с этими чудовищами ничего общего нет. А Русланом в честь Пушкина назвали. Так же, как и жену – Людмилу.

Все рассмеялись, а «френолог» даже растерялся: – Ну почему же сразу «чудовищами»? Это богатейшая самобытная культура...

Однако за столом тут же шумно поддержали Руслана: – Да конечно чудовища они! Это ж не люди, а зверьё какое-то! Что они с невинными детьми в Беслане вытворили!... А Дубровка?!... И ведь братьями их всю жизнь считали, твари подколодные!

Чеченская тема равнодушным никого оставить не могла. Заполыхал спор. У каждого на этот счёт было своё мнение, но почти все сходились в одном: чеченцам верить нельзя, и они себя ещё покажут.

Руслан, стараясь взять в себя в руки, неспешно вышел на пустую кухню и, нервно открыв форточку, закурил, хотя бросил это дело уже несколько лет назад. До него доносились обрывки разгорячённой полемики:

– ... А вот на кой мы туда вообще полезли?! Только растормошили это осиное гнездо...

– Ну а как же? Где нефть – там и драка...

– Да там нефти с гулькин хрен! Это всё легенды, чтобы сказку о независимости поддержать. Там её даже своим нефтяным князькам не хватает, всё грызутся между собой, а московским вообще «распиливать» нечего...

– Ну а если бы тогда не полезли – сейчас бы уже весь Кавказ арабским был.

– Ну и что нам арабы – с ними пусть Америка разбирается, а мы с ними всегда друзьями были.

– Были, пока оружие им давали! Я в Ливии работал ещё в начале 80-х, так Каддафи не стеснясь заявлял, что Советский Союз для мусульман враг номер 3, и «временным другом» стал только пока помогает воевать с врагами номер 1 и 2, то бишь с Израилем и Америкой. Вот такие у нас были друзья...

– Тем более лезть в Чечню не так надо было, а с умом, с пониманием. Ведь ещё красноармеец Сухов предупреждал: «Восток – дело тонкое!» ... А армия только и умеет – дубинкой по башке...

– А кому там наверху было думать-то? ЕБН квасил, Хасбулатов своё кроил, только идиот Руцкой один раз в Грозный слетал, с Дудаевым пообнимался, а вернулся в Москву – тут же бандитом его назвал. Конечно, после такого оскорбления ты – враг навеки, их психологию понимать надо.

– Кого понимать? Зверей? Выселить всех снова как Сталин в 44-м на «чёрные» земли, в пустыню, да только пустынь у нас не осталось, жалко...

– Вот-вот, оттуда эта ненависть к русским и пошла! И сейчас все их дети на кровной мести воспитываются после наших ковровых бомбёжек.

– Да-а... Сколько мирного населения там погибло...

– Ну уж извольте – откуда там «мирное» население?! Все они волки – волками всегда были, волками навсегда и останутся! Чечня ещё рванёт – вот попомните моё слово!

Руслан, непроизвольно сжимая кулаки, стоял возле открытой форточки, пытаясь успокоиться. Он не мог понять от чего так пылает его лицо: от стыда за свой народ, от боли или гордости за него.

На кухню выскользнула Людмила и, тихо подойдя, прижалась к нему: – Ну, Русик, не переживай ты так! Этот Беслан... Я тоже не представляю, что со мной было бы, случись что-нибудь такое с нашей дочерью...

Руслан с грустью посмотрел на жену. Ей так и не дано понять, что на самом деле творится в его душе. Но разве она в этом виновата?

8 ноября 2006 года

Москва, Малый Новопесковский переулок

Было уже около 10 вечера, когда Руслан торопливо шагал тёмным переулком в сторону дома, кляня себя за то, что повёлся на поводу у коллег, оставшись отметить на работе этот сомнительный революционный праздник.

Некоторым извинением могло, конечно, служить то, что у него была своя собственная причина помнить этот день – ведь ровно 15 лет назад он независимо от себя стал «воином Аллаха», но сейчас это виделось простодушным ребяческим недоразумением.

Тем не менее он наверняка продолжал бы ещё поднимать стакан за всё менее и менее понятные ему тосты, но полчаса тому назад Людмила, что было для неё совсем нехарактерно, позвонила на его мобильник, и по её обрывистой интонации Руслан почувствовал, что с дочерью не всё ладно. Поэтому он, наспех распрощавшись с только-только разогревшейся и полюбившей друг друга компанией, поспешил домой, с досадой стряхивая с себя осадок пустых разговоров, льстивых комплиментов, а пуще всего – романтизированных алкоголем обиженно-призывных взглядов женской половины коллектива, с большинством из коих он за чем-то успел побывать в кратких интимных отношениях за время беременности жены.

Как ему казалось, своим корректным поведением он давно уже дал им всем чётко понять, что в его жизни других женщин более не существует, но теперь выяснялось, что почти каждая из них до сих пор пребывала в уверенности, будто стоит лишь томно похлопать густо накрашенными ресницами, и он неминуемо предпочтёт игриво пламящее, и вроде бы ни к чему не обязывающее лёгкое приключение рутинно наскучившей супруге, по их неколебимому убеждению, давно принёсшей свою внешность в жертву семейным заботам, не говоря уж о высасывающей всё её свободное время ординатуре.

Для него же, напротив, домашние хлопоты делали Людмилу более и более привлекательной. Благодаря каким-то внешне нераспознаваемым врождённым качествам, она оказалась невероятно мудрой и ответственной матерью, что ещё более приблизило её к идеалу образа жены, который исподволь был заложен в его представлении. Он всё больше хотел, чтобы дочь стала похожей на неё, и восторгался, замечая как в ней начинают проявляться не только внешние черты, но и схожесть характера – мягкого, но непреклонно-настойчивого.

Людмила, из обаятельно робкой прозрачно-пушистой девушки незаметно перевоплотилась в молодую уверенную леди, знающую себе цену, и при этом (что было невероятной редкостью для московских дам) без малейшего налёта снобизма. Их отношения безусловно лишились того первозданного ореола, ослеплявшего разум в первые бездумные месяцы знакомства, но тем рельефнее высвечивалась теперь для него глубина её внутреннего содержания, переплавлявшая в высокопробную любовь самые простые и повседневные слова и поступки.

Дочь стремительно выросла и при этом утрачивала для него младенческое очарование, тот неизъяснимый «лялечный» запах, который крепко привязал его к ней с первых же секунд, и он с грустью подумывал о том, что так быстро и почти незаметно улетел, наверное, самый счастливый период его жизни. Катя делалась всё более забавной и интересной, самостоятельной личностью, но ему сложнее становилось отвечать на её вопросы, ибо он не имел ни малейшего представления каким образом должны воспитываться правильные девочки.

О своей подноготной он пытался теперь бесповоротно забыть. Все предпосылки к этому, казалось, уже были. В Чечне установился какой-никакой порядок, и он старательно дистанцировал себя от любых

кавказских новостей, игнорируя лезущие со всех сторон в уши официальные источники информации, тем более что все они теперь надувались благодушным оптимизмом.

Временами его одолевали мечты о том, чтобы поехать в Грозный и найти там родителей, если, конечно, они остались живы в этой заварухе. Однако обдумывая конкретные детали предприятия, он понимал, что это неосуществимые фантазии. Его появление в Чечне не сможет остаться незамеченным, и к чему всё это приведёт – догадаться было несложно. Да и что он сможет сказать родителям о том, как провёл эти годы?

Когда прошлым летом ФСБ от имени правительства России сообщила о ликвидации Шамиля Басаева, он некоторое время напряжённо ждал очередного опровержения, в который уже раз с насмешкой приходящего от этого неуловимого беса.

Однако вскоре, когда гибель Шамиля окончательно подтвердилась, Руслан, содрогнувшись до ногтей, внезапно испытал чувство освобождения от чего невероятно гнетущего. Ему почему-то казалось, что именно Шамиль оставался главным генератором всей этой воинственной активности, которая после его смерти должна будет неминуемо сойти на нет. По крайней мере остальные, кого он знал, уже многие годы не подавали никаких признаков существования.

Вскоре выяснилось, что в убийстве Басаева принимал участие и тещь: он сам с гордостью рассказал Руслану, как они внедряли агентов в зарубежную организацию, поставлявшую боевикам вооружение, и те отправили Шамилю грузовик со взрывчаткой, где находилась и дистанционно управляемая бомба...

Именно в тот миг, когда Руслан перешагивал лужу, подёрнутую блестящей лунной рябью, блаженно думая, что вот теперь с прошлой жизнью можно наконец и расстаться, от стены дома напротив внезапно отшатнулась тёмно-серая тень и шагнула ему навстречу:

– Ну что, Руслан Бекмуратыч, поговорим?

Много лет Руслан внутренне ждал этого момента, но в первую секунду все его чувства словно обожгло. Тренированное подсознание наэлектризовало мышцы, готовые отшвырнуть всех, кто должен был сейчас схватить его сзади. Он инстинктивно крутнул головой влево и вправо.

Вокруг никого не было – его вмиг пробудившееся звериное чутьё с уверенностью подсказывало ему это.

Только тогда он внимательнее всмотрелся вперёд. Держась в тени дерева, в пяти шагах от него стоял невысокий человечек в задрипанной куртке, поёживаясь от холода. Обе руки с оттопыренными локтями он держал в карманах: – Ну-ну, не дёргайся, я один. Но вооружён, предупреждаю. Глупостей не делай. Ишь напружинился, горный барс!

Говоривший наслаждался произведённым эффектом, но при этом заметно побаивался своей собственной решительности.

Сознание Руслана вновь заработало на полную мощность. Он уже видел, что ничего катастрофического не происходит – человек явно

действует кустарно, только теперь необходимо выяснить, кто он такой и что ему известно.

– Ну давай, братан, поговорим, – нарочито фамильярно заговорил Руслан.

Тот довольно рассмеялся. – Так и знал, что ты из умных – глупостей делать не станешь. Короче, будем сразу в открытую: я – начальник паспортного стола, что тебе паспорт выписывал. Пора взносы платить.

Он наконец выступил из полной тени на относительный свет, явив щедушное тело с большой головой и неприятным бугристым лицом. – Значит слушай внимательно: если задумаешь меня кинуть, или глупости какие затеешь – тебе сразу конец. Вы – народ безбашенный, да только я думаю доктору Дунаеву теперь есть что терять! – он пьяненько хохотнул.

Лишь сейчас Руслан учуял, что шантажист весьма сильно поддат. Он развёл руками, пытаясь изобразить своей позой покорность судьбе, что заметно приободрило собеседника.

– И не вздумай никого из своих о помощи просить. Вас тут по Москве сейчас шастает, как собак нерезаных. Да только вы у меня все вот где! – сделав ещё один шаг вперёд, он покрутил перед лицом Руслана красным безволосым кулаком.

– Хорошо, начальник, сдаюсь! – шутливо поднял руки Руслан, прикидывая как сподручнее будет открутить голову непрошенному гостю, но не прежде чем удастся выведать, что именно тот знает. – Сколько с меня?

– Ишь ты! – изумился сморчок. – И точно – понятливый... Короче, мне топить тебя ни к чему. Заплати бабки и живи себе. Только знай: все бумаги на тебя – в надёжном месте, у надёжных людей. Если со мной что случится – тебя тут же на чистую воду под белые ручки и выведут!

Он шмыгнул носом. – Три штуки с тебя. Зелёных, естественно. Срок – ровно неделя. В следующую среду на этом же месте, в тот же час. И не вздумай шутить – себе дороже обойдётся. Ну, по рукам?

– Многовато, но достанем, начальник! – как можно дружелюбнее подтвердил Руслан, про себя несусветно чертыхаясь. Он уже решил, что именно сейчас придётся предельно аккуратно последовать за сморчком куда бы тот не пошёл, чтобы выяснить место его обитания, пока тот опьянён успехом переговоров и скорее всего пренебрежёт предосторожностями. После следующей встречи, особенно когда он окажется при деньгах, то наверняка станет во сто крат бдительнее.

– И ещё, – напоследок предупредил гоблин. – В милицию, в кабинет ко мне не вздумай зайти. Там сейчас всех пасут – засекут в момент!

– Понял, не дурак, – послушно кивнул Руслан. – Значит, через неделю увидимся.

Не заметив протягиваемой руки, он обошёл лужу и, ускоряя шаг, направился к дому. Он знал, что сморчок непременно проводит его до самого подъезда. Главное – не упустить этого гоблина потом. Мысленно каясь перед Людмилой и дочерью, он отключил в кармане мобильный телефон.

... – Руся, ну что это такое! – Людмила с воспалёнными глазами словно тень покачивалась в дверном проёме. – У Катьки температура под сорок, а у тебя пол-ночи телефон не отвечает! Ты же 4 часа назад сказал, что уже идёшь домой...

Он, молча погладив её по щеке, быстро прошёл по тёмному коридору в ванную. Она встревоженно вошла туда вслед за ним. – Где ты был? И почему ты такой грязный? Ты что, пьян?

– Люда, выйди, пожалуйста, отсюда! – совершенно трезвым голосом, не оборачиваясь, зло сказал Руслан. – Сейчас я приму душ и займусь Катей.

16 декабря 2006 года
Москва, микрорайон Черёмушки

– Папочка, а куда мы идём? Мы здесь никогда не были! – закутанная в шубу Катя снизу пытливо заглядывала ему в глаза.

– Идём искать одного нехорошего дядю, – рассеянно ответил Руслан, пытаясь разобраться в подзабытой им системе выходов из станции метро «Нахимовский проспект».

– Бармалея?

– Совершенно верно.

– А зачем?

– Чтобы он не мешал доктору Айболиту.

– Доктор Айболит – это папа. Мамочка так говорила. А Бармалей тебе не даёт лечить зверушек? Расскажи мне эту сказку!

– Ладно, слушай. Добрый доктор Айболит, он на дереве сидит...

– Под деревом!

– Ну вот, ты лучше меня всё знаешь – зачем тебе моя сказка?

– Хочу-хочу! Хочу, чтобы Айболит всех Бармалеев победил!

Они наконец вышли на правильную сторону Азовской улицы и, поскальзываясь, медленно побрели по ещё не очищенному от падающего снега тротуару. Нужный ему дом находился в пяти минутах быстрой ходьбы, но сегодня Руслан никуда не торопился.

Теперь, когда он наконец выяснил, где проживает единственный сообщник гоблина, действовать необходимо было крайне осмотрительно. Именно тут должны находиться все оригиналы компрометирующих документов на Руслана, да и, судя по всему, не на него одного.

Месяц назад отдавая гоблину три чинно толстенькие пачки 100-долларовых банкнот, от вида которых у того сразу же задрожали руки, Руслан получил взамен пакет из замасленной обёрточной бумаги, внутри которого оказались его старое фото, какая-то малоразборчивая копия акта о выдаче паспорта взамен утерянного, фотокопия старого паспорта, что в общем-то было полной ерундой, однако если сморчок всё же решит анонимно вывести на него ФСБ, то, учитывая место работы Руслана, это

может инициировать серьёзную проверку, и тогда рухнет всё, что есть у него теперь в жизни.

Из этого с неумолимой логикой следовало то, что пока этот гоблин топчет землю, спокойно жить у Руслана больше не получится.

К этому времени он уже знал многое о своём шантажисте, начиная с точного адреса, выясненного в самую первую ночь их встречи. Он успел разузнать, что тот в прошлом году был со скандалом изгнан со своего хлебного поста за взятки, а это в условиях почти узаконенного в России мздоимства означало крайнюю степень алчности.

Молодая неказистая паспортистка, которой Руслан, заговорщически улыбнувшись одной из своих самых обворожительных улыбок, представил себя потерпевшим от невыполненных обещаний её бывшего начальника, тут же с удовольствием поведала ему, что после увольнения сморчка, его сразу бросила жена, обобрав при этом до нитки, так что он теперь чуть ли не бомжует, всюю предавшись одному из двух своих необоримых грехов – безудержному пьянству.

Второй грех – протвиеостественная блудливость – теперь враз оказался ему недоступен по причине банального отрешения от власти и денег, которые прежде вполне успешно компенсировали его паскудную внешность и запах изо рта. При этих словах девицу передёрнуло так, что сразу стало понятно: жертвой «греха № 2» пришлось побывать и ей.

После этой доверительной, почти что интимной беседы Руслан сделал весьма важный вывод: исчезновение сморчка явно никого не огорчит и на уши не поставит.

Однако, проникнув уже на следующий день в его пустую жалкую квартирку, он не обнаружил там ничего кроме усеянных неаппетитными пятнами стен, покрывшейся плесенью посуды в ржавой раковине, нескольких десятков пустых бутылок и короткой милицейской шинели на полуразваленной кушетке с кирпичами вместо одной из ножек.

Ещё почти три недели ушло на вычисление, в каком из пунктов петляющих по всей Москве маршрутов сморчка располагается его явка, и кто помогает ему в его мутных делах.

...Ждать в замусоренном, провонявшем мочой подъезде им, к счастью, пришлось недолго. Руслана уже много лет не переставала интриговать загадка: почему русские не считают подъезд частью своего дома? И если в здании проживают сплошь культурные и респектабельные на вид люди, то кто же тогда регулярно загаживает им лестничные площадки и лифты?

Катю он взял с собой для маскировки. Одинокий молодой мужчина спортивного вида, наводящий о ком-либо справки, уже сам по себе сразу вызывает подозрения. Вдобавок, к ребёнку в любой момент можно с естественным видом наклониться, скрывая от сторонних взглядов своё лицо.

Они поднялись повыше, где было светлее и немного чище, и встали у пыльной батареи между пролётами.

– Папа, а почему мы здесь стоим? Мы лечить больных зверей сюда пришли?

– Зверей, зверей... – вздохнул Руслан и продолжил: – Вдруг откуда-то шакал...

Едва Руслан успел дойти до любимого Катиного места про слонов и носорогов, как внизу заскрипела, потом хлопнула входная дверь, и кто-то, кряхтя, стал подниматься по лестнице.

Руслан сжал Катину руку и тихо подвёл её к одной из дверей: – ...И говорят сердито: что-ж нету Айболита?

Снизу по лестнице медленно поднимался обшарпанный, словно мимикрировавший под свой подъезд старичок, подозрительно оглядывая их морщинистыми глазами.

– Здравствуй, отец! – приветливо обратился к нему Руслан. – Помоги человека отыскать – Фролов, Серёга – где-то здесь живёт.

Старичок, с громкой одышкой добрался до пролёта и остановился: – Такие здесь не проживают. Кхе-кхе... А зачем он вам нужен?

– Да приятель он мой, служили вместе под Читой, встретились вот недавно в метро...

– Под Читой... под Читой, – забормотал старик, будто перебирая в запылённой картотеке памяти всех тех, кто мог когда-либо служить под Читой.

Руслан протянул ему предусмотрительно заготовленную бумажку: – Вот он тут адрес мне написал: Азовская 10, корпус то ли 2, то ли 8, а квартиру вообще не разберу. Теперь ходим по домам стучим-стучим...

– Ну так а это Азовская 8-10! – зловредно перебил его старик. – Хóдите тут, стучите! ... Если просто Азовская 10 – это вон, через дорогу дом. Тут у нас такая нумерация – чёрт ногу сломит, даже таксисты вечно ошибаются...

– А точно Серёга Фролов в этом подъезде не живёт? Может вы не всех знаете? Он моего возраста, рыжий такой...

– Я же вам говорю, молодой человек, – перебил его дед, – Никаких Фроловых здесь нету. Я здесь почитай 20 лет как проживаю. В этой квартире – бабушка одинокая: Маргулис, Нина Трофимовна...

– А ниже этажом? Да, да, он вроде говорил второй этаж у него...

– А я вам говорю нет, и не стучите даже. Ниже этажом, в 5-й – Анцыферов, алкаш из бывших ментов, говно а не человек. Поганой метлой из органов за пьянку вымели, так он теперь вдвоём со своим дружком бухает, от людей прячется. А раньше ходил с портфелём, важный такой... В 6-й – Кандыбко Пётр Васильевич с супругой, бугалтэр, он вообще в Чите не бывал никогда, в отцы вам годится. В 7-й – пара молодая с ребёночком: он – Иван, она – Ольга, а ребятёнка Арнольдом назвали, антихристы...

Дед с неторопливой дотошностью принялся перечислять по порядку всех жильцов, но Руслан уже утратил интерес к остающимся подробностям.

– Спасибо, отец! Пойду в следующем доме поищу. Вот тебе за беспокойство. – Он сунул в сухую руку старика хрустнувшую купюру и потянул Катю за рукав: – Пойдём, доченька. И бродят по дороге слоны и носороги...

Старик закланялся, одобрительно потрепав Катю по волосам, золотом отблёскивающим в пыльном полумраке подъезда: – Вот настоящая русская красавица растёт! Побольше бы таких рожали. А то понаехало тут черножопых со всего Кавказа – ещё и плодятся, как тараканы...

Он зашаркал вверх по лестнице, продолжая чего-то сварливо бормотать.

– Это Бармалей был? – замороженно спросила Катя.

– Нет, доченька, всего-навсего попугай.

– Попугай... – недоверчиво повторила дочь. – У попугая яркие пёрышки, а этот серый как зайчик.

15 января, 2007 года
Москва, ул. Азовская 8-10

По этому обрыдшему адресу Руслан исправно побывал уже не один раз. Выследив, что именно тут сморчок встречается со своим приятелем, он принялся методично разузнавать как можно больше подробностей об этих личностях, чтобы выработать безошибочный план действий.

Главным источником информации оказался мусор, выносимый приятелем на помойку, как правило поздно ночью, перед тем, как они с гоблином начинали с унылым однообразием квасить. Преодолевая тошноту, Руслан рылся в смердящем помойном баке, выискивая хоть что-нибудь, дающее понятие об их характерах и образе жизни.

Отходы в основном представляли собой пустые бутылки от дешёвого вина и банки от ещё более дешёвых консервов, однако в новогоднюю ночь удача наконец подмигнула ему: из кучи вонючих бумажек он выудил несколько разорванных в клочья черновики письма майора в отставке Анцыферова своему бывшему начальнику отделения милиции подполковнику Дуденкову с попытками оправдать своё лихоимство, нещадно вкладывая при этом прежних коллег.

Повеселев, Руслан быстро стащил с себя перепачканные перчатки и хирургическую робу, брезгливо засунул всё в герметичный пакет и поспешил домой, чтобы успеть ко встрече Нового года в кругу семьи, где уже наверняка о нём не раз с недоумением справлялись пришедшие с кучей подарков для Кати тесть с тещей. Он и так в последнее время слишком часто отсутствовал дома в вечернее и ночное время, объясняя это сверхурочной работой, благо в стационаре Кремлёвки действительно находились сейчас сразу несколько важных зарубежных пациентов.

Зато теперь он знал, как проникнуть в злосчастную квартиру, и именно это являлось по-настоящему важным. Оставалось лишь дожидаться окончания вяло тянущихся Рождественских каникул.

Утро пятнадцатого января выдалось опять снежным. Следов на ведущей к двери дома дорожке было немного. Стараясь попасть в

отпечатки чьих-то огромных валенок, Руслан вошёл в пустой подъезд и, прислушавшись, поднялся на второй этаж.

Кнопку неприятно дребезжащего звонка пришлось настойчиво нажимать несколько раз, пока наконец из-за двери не послышался недовольный заспанный голос: – Кто?

– Евгений Палыч, здравия желаю! – бодро прокричал Руслан. – Это капитан Колобов. Вам привет от Дуденкова. Хочет видеть вас, да что-то дозвониться никак не можем!

– А зачем я ему понадобился? – после паузы уже более заинтересованно осведомился отставной мент.

– Ну как же?! Не справляемся без вас. Людей с таким опытом работы – ещё поискать! ...

Послышался надсадный кашель, приоткрылась дверь на цепочке, но справиться с ней для Руслана было делом секунды.

Медленно закрывая за собою дверь ногой, стараясь при этом чтобы она не слишком громко хлопнула, он с болезненным удовольствием ощущал, как послушно вздуваются под кончиками твёрдых пальцев шейные артерии, которые нельзя было ни упустить, ни передавить чересчур сильно, отчего на горле могли остаться следы.

Когда через несколько секунд с трудом удерживаемое тело разом безвольно обмякло, он аккуратно опустил его на пол и огляделся. Анцыферов проживал явно комфортнее своего приятеля, но всё равно повсюду сквозило запустение, выдававшее неприятный быт одинокого алкоголика.

Искать пришлось на удивление недолго. В потёртом чемодане, задвинутом под кровать в спальне, Руслан обнаружил множество папок с бумагами. Стремительно пролистав некоторые из них, он тут же убедился, что это и было досье ментов на пристроенных ими в столице нелегалов. Он задержался было на папке с мелькнувшим именем и фамилией своего старинного знакомого Ильяса Хабиева, но решил не отвлекаться и изучить всё остальное уже после завершения операции.

Свой найденный файл он, правда, просмотрел более тщательно, удостоверившись, что там было именно то, чего он и ожидал увидеть.

Разыскивать деньги показалось ему рискованным. Ещё раз внимательно осмотрев квартиру, он заключил, что в ней наверняка есть какой-то тайник, но поиски неминуемо приведут к оставлению следов. Пора было заняться Анцыферовым, который мог очухаться с минуты на минуту. Руслан намеренно оставил его живым на случай, если бы пришлось задавать вопросы, однако теперь от него надлежало поскорее избавиться.

Протащив небольшую, но тяжёлую тушку из прихожей в кухню, он уложил его на угловую кушетку и, прошептав «бисмиллах!», с лёгким хрустом точным движением провернул шею. После этой процедуры тот сразу не умрёт, но и встать уже никогда не сможет. Экспертиза, если её и будут проводить, с уверенностью не станет утверждать, что смерть была насильственной.

Теперь оставалось терпеливо дожидаться сморчка. Руслан разложил на нечистом полу специально прихваченный пластиковый пакет и, бормоча слова молитвы, смиренно преклонил колени.

Гоблин явился когда за окном уже темнело. Снег на улице всё ещё валил, и за то краткое время пока Руслан, рывком открыв дверь на условный стук, втащил сморчка за кадык в прихожую и держал прижатым к вешалке, одежда успела намочнуть от тесного соприкосновения с осыпанным порошей ментом, покуда его наполненный смертельным ужасом взгляд медленно угасал, уставившись прямо в зрачки Руслану.

Сворачивать шею гоблину он не стал. Двух трупов с одинаковыми, даже косвенными признаками умерщвления быть не должно. Вместо этого он тонкой иглой сделал укол ботулотоксина в фиолетовый то ли от придушения, то ли от дешёвого вина язык. Обнаружить следы этого сильнейшего нейро-паралитика в организме сможет лишь очень специфический тест. Ну а если гоблин всё-таки останется в живых, вспомнить, а уж тем более рассказать что-либо связное он теперь не сумеет.

Брезгливо морщась, он раздел обоих гнусов догола и уложил в похабной позе на кухонную кушетку. Расчёт был на то, что расследовать бытовую смерть изгнанных ментов, да ещё и гомиков – дело не престижное. Вряд ли кто возьмётся за это серьёзно.

В кармане курточки гоблина действительно оказался заряженный пистолет Макарова. Руслан покачал головой и выложил оружие на середину кухонного стола.

Для дополнительной страховки он залил обоим в рот водки, хотя особой необходимости в этом не было – от них и без того изрядно несло уже невыветривающимся алкоголем. Стоящие рядом в углу кухни бутылки Руслан разбросал по всему полу, усиливая впечатление разнузданной оргии.

Бросив взгляд на созданный им отвратительный натюрморт, он не смог удержаться от мысли, что ведь когда-то кто-то радовался рождению этих человеков, пел песни над их колыбельками, за что-то любил, чем-то гордился... Зачем были даны эти бесславные жизни, заслужившие лишь такой жалкий конец?

В последний раз обойдя квартиру, Руслан вернулся на кухню, открыл одну из конфорок газовой плиты и поставил на неё пустой чайник. Затем достал из кармана самоуничтожающийся запал и установил воспламенение на 20 минут. За это время ещё не успеет набраться слишком много газа для сильного взрыва. Вполне достаточно просто небольшого пожара. Поколебавшись, он на всякий случай чуть приоткрыл форточку. Не нужно, чтобы при этом пострадал кто-то ещё.

Через 15 минут он набирал 04 из промёрзлого телефона-автомата, одиноко стоящего на другой стороне улицы: – Алё, это из дома 8-10 по Азовской звонят. 8-10 я говорю! Тут у нас запах газа в первом подъезде. Сильный.

Он вышел из будки и взгляделся в циферблат часов. Было уже совсем темно. Ещё через 5 минут послышался гулкий хлопок и звон вылетевшего стекла. Из окна на втором этаже вырвался сполох голубоватого пламени. Вскоре вокруг дома истерично вопили сирены, а в дымящее окно квартиры по выдвижной лестнице, цепляясь за неё огромными сапогами, лезли пожарники.

Он буквально рухнул на освободившееся сиденье в метро, застыв от не отпускающей усталости, и никак не мог заставить себя встать, хотя прямо перед ним неуклюже раскачивалась пожилая женщина, время от времени вместо поручней панически хватавшаяся за стоящие на полу большие сумки. Виновато улыбнувшись ей, он поднялся лишь за одну остановку до пересадки.

Уже в подземном переходе на Арбатско-Покровскую линию в него вдруг ворвалась мысль, что он только что хладнокровно убил двух людей. Это осознание настолько поразило его, что он невольно остановился, опуская на пол увесистый потёртый чемодан. Однако тут же кто-то с руганью налетел на его спину, и он, очнувшись, продолжил свой путь, решительно отмахиваясь от ненужных эмоций.

Да и люди ли это были? Разве можно сравнить их ничтожные жизни с теми, чьё драгоценное благополучие он сейчас беззаветно оберегал: Кати и Людмилы? Вряд ли Аллах сильно укорит его за избавление мира от этого генетического недоразумения.

22 ноября, 2008 года
Москва, Преображенское кладбище

– Какой Валера? Наш Валера?! Нохрин?! – Руслан не веря посмотрел на трубку, несущую какую-то чушь голосом Лазуткина. – Да подожди, как такое могло случиться? Остановка сердца? Этого не может быть! Ему же только исполнилось 35 – всего месяц назад отметили!

Мишка продолжал тараторить что-то о коварстве обструктивной кардиомиопатии, но Руслан уже не слышал его. Как такое могло случиться?! Да, он прекрасно помнил слова Нохрина, о том что его отец умер в 42 года от сердечного приступа, но ведь Валерка, зная о своей опасной наследственности, должен был принимать какие-то меры...

– ...Он то ли сам не желал знать, то ли не хотел никому говорить, – донеслись до него из трубки слова Лазуткина, совпавшие с его собственными мыслями. – Жил как истинный эпикуреец – ни от каких удовольствий не отказывался, ну и в работе себя не щадил... Да ты не хуже меня знаешь его привычки. Короче, похороны 22-го, в субботу на Преображенском кладбище, а я сейчас еду к его матери. Заехать за тобой?

– Конечно, – коротко ответил Руслан, снова окунаясь в мельтешащие мысли.

Сжимая в ладони замолкший наконец телефон, он подошёл к окну, за которым лил промозглый дождь. Услышанное никак не укладывалось в голову: искромётного жизнелюба Валерки, этого интеллигентного пошляка, Гаргантюа и Пантагрюэля в одном лице, его неугомонного, шумного друга больше... нет?!

Он попытался вспомнить, когда видел его в последний раз. Ну да – ровно месяц назад. А до этого? Если не считать Валеркиного юбилея, то в этом году они встречались лишь однажды, да и то где-то в метро, на бегу... А до этого? М-да-а...

Теперь-то он припомнил, как на дне рождения обратил внимание, что Нохрин заметно располнел и даже обзавёлся лёгкой одышкой, но не придал большого значения. Это даже приносило в артистический нохринский стиль дополнительный шарм. А ведь мог бы повнимательнее приглядеться к слегка одутловатому лицу друга, задать несколько вопросов невзначай, сопоставить ещё кое-какие симптомы... Впрочем, что бы это изменило? На такой стадии лечения от кардиомиопатии уже нет. Да и вряд ли Валерка стал бы слушать какие-то предостережения. Наплевательское отношение к собственному здоровью традиционно было у русских врачей чуть ли не показным.

– Это судьба, – вслух сказал Руслан и подумал, что Валерка заранее знал свою судьбу и поэтому жил вовсе, нараспашку, для других. А он?

И чего же стоит тогда его дружба, если в самый критический момент он оказался бессилён помочь, ибо ослеплённый собственными заботами, был даже не способен вовремя заметить беду и отвести её от друга?

Его сознание, натренированное мгновенно искать выходы из любой критической ситуации, сейчас постоянно утыкалось в тупик, поскольку из этой ситуации никакого выхода уже не было. Всё, что он мог сделать теперь – это достойно проститься с Валеркой и помочь чем возможно его матери.

Решительно заперев кабинет ординаторской, он поискал глазами что-нибудь, что можно использовать в качестве моельного коврика, и опустившись на колени у окна, от искреннего сердца зашептал Всевышнему горячие слова ходатайства за своего грешного, неправового друга: – Аллахумма-гфир ля-ху, ва-рхам-ху... О Аллах, прости его, и помилуй его, и избавь его от мучений могилы и от мук огня, и окажи ему милость, и сделай его удел в раю хорошим, и сделай могилу его просторной, и омой его водой, снегом и градом, и очисти его от прегрешений, как очищаешь Ты белую одежду от грязи... Амин!⁴⁰

Телефон запиликал снова – это был тот же Лазуткин. Поднявшись с колен, Руслан разглядел в окно его заплюханную грязью «Тойоту», уже стоявшую внизу. Стремительный стиль вождения Мишки был таким же, как и манера вытираться после бани... Руслан снял белый халат, натянул ещё мокрый плащ и, отперев дверь, сосредоточенно потопал по ступенькам вниз, на ходу набирая номер главного врача.

⁴⁰ Слово “амин” у мусульман означает: “о Аллах, ответь на мою молитву”, а также “да будет так”.

– Ну всё, ребята, поехали! – поторопил их распорядитель похорон.
– Автобус ждёт.

Они втроём оставались стоять последними у свежей могилы, теряющей свои чёткие очертания из-за размывающего рыхлый холмик мелкого, но настойчивого дождя.

– Поехали, – со вздохом произнёс Лазуткин. – Помянем Валеру, это уже последнее, что мы можем для него сделать.

Родюшкин поднял на него свои прозрачные глаза: – Мишка, оставь нас с Русей вдвоём – мне поговорить с ним надо. Я-то сам на поминки не пойду, а его подвезу. Какое, говоришь, кафе? «Посторонним В»? Хорошо хоть не «в Ж»...

– Ну... ладно, поговорите, – растерялся Лазуткин. – А что за срочность такая?

– Настроение такое, – ответил Сеня. – Поезжай, люди ждут.

Дождавшись, пока последние чёрные зонты исчезнут за витиеватыми оградками, Родюшкин извлёк из кармана плоскую бутылку «Смирновской». Руслан удивлённо взглянул на него: – Ты же бросил!

Сеня молча махнул рукой и с хрустом скрутив флакону горлышко, сунул его Руслану, а сам достал из того же бездонного кармана два пластиковых стаканчика и какой-то деформированный сырок.

– Как в далёкой молодости, – грустно усмехнулся он. – Давай, Руся, помянем нашего лучшего друга и пусть эта земля будет ему пухом.

Не обращая внимания на дождь, они молча приподняли стаканчики. Ещё продолжая жевать, Родюшкин налил сразу по второй. Руслан выжидательно посмотрел на него.

– Так вот, Руся, что я хочу, вернее должен тебе сказать, – с нехарактерным для него трудом подбирая слова, начал Сенька. – Я уезжаю.

– Куда? – безразлично поинтересовался Руслан, принимая стакан.

– Уезжаю насовсем, – словно не расслышав вопроса, продолжил Родюшкин. – Задолбало меня здесь всё окончательно. Видеть ничего этого больше не могу...

– Подожди, как это – насовсем?! – очнулся вдруг Руслан. – И... куда?!

– В Америку, – вздохнул Сеня, – как это ни пошло звучит. Знаешь, побывал там в гостях у своего друга, и будто пробило: пока мы тут какую-то особую духовность, усираясь, тщимся выродить, они там просто живут по-человечески, легко и правильно. У меня здесь уже давно даже песни не пишутся, а уж как фильмы снимать в этой заднице – вообще не знаю. Вор на воре! Вроде и цензуры официально нет, но столько корпоративных законов неписаных – собой быть перестаёшь. А если ни к какой стае не примкнул, над тобой вообще все только потешаться будут, да подставлять раз за разом.

– Меньше всего этого от тебя ожидал, – сокрушённо качнув головой, пробормотал Руслан и, снова не чокнувшись, осушил свой стакан.

– Да я сам от себя этого не ожидал. Пока вдруг не понял, что уже не молод, а делать чего хочу мне как не давали, так и не дадут. Или придётся всю жизнь за принципы положить, а я воевать не люблю, ты же знаешь...

– Но что ты там-то будешь делать? Ты же русский насквозь – визу ставить негде...

– Видишь ли, я убеждён, что если человек талантлив – то ему границы-заграницы не помеха, особенно сейчас. Искусство, если оно настоящее, не может быть в пределах какой-то одной нации: я хочу творить для всех людей, ведь мы же одной крови.

Он запнулся. – Возьми хотя бы Бродского, Набокова, да того же Дассена. А теперь вообще время другое настало. Вот друг мой школьный живёт себе на островке под Сиэтлом и в своё удовольствие пишет сценарии для самых элитных режиссёров. Он и в создании «Шрека», «Ледникового периода» поучаствовал; ты если не видел – многое упустил! Для компьютерных игр такие сценарии придумывает, что в словно детство попадаешь...

Сеня наконец удивлённо посмотрел на свой стаканчик, будто только что заметив его, и бережно вылил в рот. – Сидели с ним и с пивом на берегу океана, он стал мне про американскую жизнь рассказывать – так у нас с ходу за один вечер столько постановочных идей родилось – жизни не хватит всё снять. Но там, если идею схавали – под неё такие бабки и такую команду профессионалов сразу подкатывают – только впрягайся и гони! Система отработана, чтобы интеллект не простаивал. А здесь один проект пробить – годы уйдут, пока все заранее между собой ещё незаработанное бабло не поделят.

Руслан молча покрутил головой и потянулся за пустым стаканчиком.

– Да не огорчайся ты так! – хлопнул его Сеня по плечу. – Я приезжать буду, может чаще видаться станем...

Это вполне могло оказаться правдой. Виделся с Сенькой он в последние годы ещё реже, чем с Нохриным. Впрочем, этому было вполне рациональное объяснение.

Сеня относился к тому типу эксплозивно интересных людей, общение с которыми доставляло огромное удовольствие в течение первого часа. Потом у Руслана резко наступала утомляемость от непредсказуемых и неуправляемых Родюшкинских выходов и его расслабленного стиля рассуждений, со свистом поглощающего время словно чёрная дыра. Ну а поскольку расстаться с Сенькой не удавалось порой по два-три дня кряду, интервал до желания снова увидеть его увеличивался с каждым разом.

– Нормальные люди здесь не выживают, вон и Валерка – прекрасный тому пример, – подытоживая, связал воедино обе темы Родюшкин, кивнув на могилу словно на доказательство.

– А я по-твоему ненормальный? – провокационно спросил зачем-то Руслан уже слегка заплетающимся языком.

Родюшкин насмешливо посмотрел на него и прокашлялся. – Ты вообще особый случай, Руся. То есть, не такой как все. Я в жизни не встречал настолько свободолобивого человека, который добровольно ставил бы себя в такие рамки зависимости.

Руслан настороженно умолк. Он и не подозревал, что своим художественным чутьём Родюшкин способен столь тонко унюхать главное, что есть в человеке.

– Ты, Руська, всегда оставался вещью в себе. Если б я был психоаналитиком, то подумал бы, что скрываешь нечто ужасное из своего прошлого, а поскольку я – всего-навсего поэт, вижу лишь, что ты отбрасываешь тень не похожую на тебя самого.

– Ладно, давай разливай по последней, предатель Родины, – примирительно произнёс Руслан, меняя тему. – Там ещё осталось по пять капель.

В кафе на поминки Руслан решил не ехать. Он и без того чувствовал себя совершенно опустошённым после варварских русских похорон, словно специально придуманных дабы по-садистски разорвать душу, да ещё и беседа с Родюшкиным добавила сумбура в голове, и он попросту опасался какого-нибудь нервного срыва.

Неловко пожав руку Сеньке, он бросил последний взгляд на могилу Нохрина, и не оглядываясь побрёл по кладбищу в направлении метро. Шагов через 50 что-то заставило его остановиться. Он поднял глаза на невысокий чёрный обелиск с портретом человека в форме: Шпигун, Геннадий Николаевич. «Надо же, – невольно отвлёкся Руслан от своих мыслей, – Он, оказывается, тоже здесь похоронен». Генерал Шпигун⁴¹, погибший в Чечне, был близким другом тестя, и тот до сих пор изводился по поводу смерти своего давнего товарища.

«Кругом смерть, – мрачно звенело у него в голове. – И чего же мы так цепляемся за эту свою коротюсенькую жизнь?»

Задумчиво выходя через кладбищенские ворота на улицу, Руслан пришёл к не совсем трезвому заключению, что на этом кладбище он практически в один день потерял двух своих самых близких друзей. Земля без них представилась ему вдруг какой-то очень неуютной. Среди живущих оставалось всё меньше любимых людей. По сути дела – лишь дочь и жена. С тревожной нежностью вспомнив о них, он поднял воротник плаща и ускорил шаг.

⁴¹ Г.Н. Шпигун – генерал-майор МВД, полномочный представитель в Чеченской республике, был похищен в марте 1999 года в Грозном прямо из самолёта, уже стоявшего на взлётной полосе перед вылетом в Москву. Тело его нашли спустя год в районе села Итум-Кале. Предполагалось, что захват Шпигуна был организован братьями Басаевыми.

15 октября, 2009 года
Москва, Романов переулок, Кремлёвская больница

Они столкнулись лицом к лицу в коридоре приёмного отделения «Кремлёвки» и моментально узнали один другого, несмотря на пролёгшие между ними 18 лет.

– Руслан! – не сдерживая радости, завопил Волхонцев. – Вот это встреча... – уже справляясь с собой, проговорил он, не делая движения навстречу, видимо не будучи уверенным в том, какой будет реакция старинного приятеля.

– Серёга! – восторженно прошептал Руслан и раскинул руки. – Брат, дорогой мой!

Они крепко обхватили друг друга.

– Ну ты вообще не изменился! – оглядывая Руслана, смеялся Сергей. – Разве что посуровел, больше на отца стал похож.

– Да ты тоже, – неловко отстраняясь, соврал Руслан, хотя роскошную шатеновую шевелюру Волхонцева, предмет зависти многих однокурсниц, сменил колюче-стальной ёжик. Неизменными остались лишь добрые глаза, окружённые теперь изорванной поволокой грустных морщин.

– А ты знаешь, я почему-то так и думал, что тебя встречу, – оживлённо продолжал Сергей. – Представь себе – вот ведь тесен мир! – совсем недавно тут в Москве Ильяса видел. Он уже давно не в медицине, большой человек, важный – представитель президента Чечни. Я ему руку протянул, а он отвернулся, как будто не узнал. Ну да ладно, его проблемы. Давай-ка, рассказывай, как ты?

Руслан прокашлялся: – Ну, воды много утекло. Вот работаю, жена, дочь...

– Руслан Борисович! – окликнула его вынырнувшая откуда-то медсестра. – Хорошо что вы ещё здесь – зайдите к главному, когда освободитесь.

– Борисович? – недоумённо переспросил Волхонцев. Улыбка исчезла с его лица. Он кашлянул в кулак, потом вновь вскинул на Руслана свои умные глаза. – Извини, Руся, я всё понял. Ну а если не понял – так это и не моё собачье дело. Главное – ты жив, и у тебя всё в порядке.

Руслан лихорадочно соображал, что же теперь делать. Сергей, даже если и не побежит в ФСБ, может просто по неведению выдать его с головой. Да и неизвестно вообще: кто он сейчас, чем занимается, чем дышит. В любом случае необходимо сначала побольше разузнать о нём. И делать это лучше не здесь.

– Серёга, извини, я ужасно рад, но главный ждёт – работа... – извиняющимся тоном заговорил он. – Давай вечером ко мне в гости! С женой моей познакомишься, с дочерью. Или в ресторан?

– Да нет, в другой раз. Я в Москве всего на один день: губернатора нашего к вам доставил, а вечерним поездом домой уезжаю, обратно в Белгород. Слышал про город такой? Это на полпути отсюда до нашего Грозного...

Руслан непроизвольно оглянулся.

– Ах, прости Руська, я опять что-то не то сморозил, – Сергей виновато развёл руками и понизил голос. – Не хочешь, чтобы тебя чеченцем считали – это и понятно. К вам тут сейчас отношение не самое лучшее. Хотя лично для меня ты навсегда прежде всего другом останешься – какая к бесу разница: русский, чеченец, еврей? У любой нации есть свои подонки. А нормальные люди всегда будут людьми.

Кровь стучала в висках у Руслана. Да, перед ним друг – но он может ненамеренно разрушить всё, что выстроено с таким невероятным трудом. Ему ведь просто невдомёк, насколько всё это сложно, и что это теперь означает для Руслана...

Так, к дьяволу эмоции – необходима информация!

– А как ты в Белгороде оказался? И чего там делаешь?

– Ничего особо выдающегося – на скорой помощи санитаром работаю, иногда докторам помогаю, когда они сильно напиваются. Без медицины не могу как-то.

– А почему на врача не учился?

Волхонцев криво усмехнулся: – Да где мне было учиться? Я-ж, когда меня из института выперли, под призыв загредел, на Дальневосточном флоте три года отслужил. А потом домой в Грозный только вернулся – там как раз всё это и началось... В подвале разбомблённого дома с родителями месяц жили, сначала кошек ели, потом их кашки, потом пешком, ползком выбирались в Россию. Чеченцы, кстати, по-разному относились: кто жалел, поесть давал, на ночлег оставлял, а были кто и прирезать хотел, злорадствовал...

Он помолчал. – А в России – родственников близких нет, никому мы нигде не нужны, отовсюду гнали как чумных. Под Ростовом жили в лагере, потом скитались всё дальше, дальше – так в Белгороде и зацепились... Ну, это для тебя неинтересная история.

– Что ты, брат! – с чувством положил руку ему на плечо Руслан. – Мне всё интересно. Таких людей как ты – поискать... Ладно, здорово, что нашёлся – теперь давай не теряться. Запиши мне тут свой телефон, адрес – все координаты.

До вечера Руслан ходил в тягостных раздумьях. По логике безжалостной жизни, не говоря уж о впечатавшейся словно рефлекс пресловутой инструкции, любого, кто знал о его реальном прошлом было необходимо уничтожить. Иначе всё нынешнее и будущее могло пойти прахом.

Но как возможно «уничтожить» старого друга? Он был почти уверен, что Сергей не станет ничего докладывать в ФСБ. Да и что ему известно, в конце концов, кроме ненастоящего отчества Руслана? И тем не менее, его характер не позволял оставить эту проблему подвешенной в воздухе.

Надо было что-то срочно решать, но... но сначала позвонить по экстренному номеру и убедиться, что его больше не существует.

Как и в прошлый раз, он зашёл в первую попавшуюся на глаза телефонную будку и автоматически набрал навсегда засевший в памяти

номер. Трубку сняли почти мгновенно – тот же самый уверенный голос произнёс: – Аллаху акбар! Тебя слушают, брат, говори.

Руслан застыл от неожиданности, не зная что сказать. Всё-таки он был почти уверен, что теперь-то их уже нет! Он почувствовал вдруг наполняющую его пустоту.

– Ибрагим, – помолчав сказал телефон. – Мы слушаем тебя, Ибрагим, говори.

Он словно окаменел, отказываясь верить своим ушам, и медленно опустил трубку на рычаг. Как такое может быть? Почему неотвязное прошлое никуда его не отпускает?! На каком свете всё это вообще происходит?!!

Через несколько дней он позвонил на домашний номер Волхонцева в Белгород. Снявшая трубку женщина совершенно серым голосом сообщила ему, что Сергей пропал.

– Что значит – пропал? – с недоверием переспросил Руслан. – Когда это случилось?

– Он уехал неделю назад на один день в Москву и не вернулся до сих пор, – так же тихо и бесцветно ответила женщина. – Никто не может сказать, где он, и что с ним. Мобильный все эти дни не отвечает... А вы кто? Может быть вы что-нибудь знаете о Сергее? – со встрепенувшейся вдруг в голосе надеждой спросила она, но Руслан, промямлив что-то, торопливо повесил трубку.

Этот разговор совершенно надломил рванувшуюся было на свободу волю Руслана. Он осознал себя окончательно и безнадежно затянутым в фатальный круговорот событий и теперь покорно ждал уготовленного ему и удобного для Аллаха поворота судьбы.

ЧАСТЬ 4

22 июня, 20... года

Москва, ул. Тверская-Ямская

Он определённо знал, что рано или поздно это произойдёт. Но тем неожиданнее оказался момент, когда на Тверской, заложив вольготный вираж перед клаксонящими и визжащими тормозами машинами, прямо на тротуар, перекрывая ему путь, выехал огромный чёрный «Мерседес».

К автомобилю тут же бросился залиvisto засвистевший словно Соловей-разбойник постовой, однако не успев даже заглянуть внутрь, он вдруг испуганно распрямылся, отдал честь и бодро поспешил обратно на разборку образовавшегося затора.

Руслан хмыкнул и, обойдя машину, направился было дальше, но тут его окликнули по имени. Он оглянулся. Одно из воронёных стёкол машины медленно приопустилось, однако сидящего там было всё равно не разглядеть. Руслан пожал плечами, решив, что ослышался и пошёл было дальше. Знакомых с такими гламурными автомобилями у него не было. Даже тестя возили на скромном сереньком «Гелендсвагене».

– Ибрагим, брат мой! – услышал он ещё раз уже совершенно отчётливо и резко повернулся. Не веря своим глазам, он увидел, как из «Мерседеса» вылезает Абу-Бакр, кажущийся чересчур большим даже для столь грандиозной машины, а тем более для шикарного костюма, в который он был облачён, и прежней своей медвежьей походкой вразвалку направляется к нему, широко раскинув руки.

– Ну наконец-то, брат! Встретились! – хохотал тот, стискивая Руслана волосатыми ручищами. – Садись-ка в машину, поболтаем. Время искупления пришло! – многозначительно прибавил он.

Через окутывающий его тонкий аромат дорогого одеколona бесцеремонно вторгался прежний резкий и тяжёлый запах сырой козьей шерсти, и именно от этого прорывавшегося сквозь пиджак словно через толщу времени запаха Руслану стало невыносимо тревожно и тоскливо.

За прошедшие годы Бык почти не изменился, только борода его сделалась наполовину седой, что даже придавало ему благообразия. Он продолжал с чувством хлопать Руслана по плечам, будто выколачивая из него ненужную память всех этих пролетевших лет, и надо сказать, это ему неплохо удавалось – Руслан вдруг действительно вновь ощутил себя незрелым юнцом, ждущим указаний как жить дальше.

– На это тряпье не обращай внимания, – Абу-Бакр с отвращением стянул с плеч плотный шёлковый пиджак и презрительно швырнул его на переднее сиденье. – Тут сейчас такой цирк – во что только не приходится наряжаться – чисто клоуны, спаси Аллах!

Водитель в камуфляжке бросил на них взгляд через плечо и весело осклабился.

– Ну да ладно, теперь давай всерьёз поговорим, – продолжал хищно скалить жёлтые, крепкие зубы Абу-Бакр. – Настало наше время, брат! Останови-ка здесь, – приказал он водителю, завидев с правой стороны кафе. Машина послушно взвизгнула тормозами.

Они вдвоём вылезли из «Мерседеса» на слепящий солнечный свет, а водитель, снова заехав обоими колёсами на тротуар, включил аварийки и застыл за рулём словно сфинкс.

Сюрреализм происходящего не выветривался из сознания Руслана. Войдя в кафе, он быстро огляделся по сторонам, ожидая что они сейчас углубятся в укромный полумрак зала, однако Абу-Бакр, продолжая громко хохотать, между делом небрежно указал официантке пальцем на только что освободившийся столик снаружи, который она кинулась протирать с преувеличенным старанием.

Они уселись под нарядным зонтиком, ярко освещённым солнцем. В двух шагах от них проплывали в разные стороны оживлённые оравы прохожих, не проявляя никакого интереса к громыхающему во весь голос

по-чеченски Абу-Бакру. Руслан почувствовал себя экзотической рыбкой, вдруг выдернутой из уютного тёмного аквариума прямо на разделочную доску.

Прохаживающийся неподалёку милиционер несколько раз покосился было на громогласного Абу-Бакра, но так ничего и не сказав, отвернулся, зевнул, потом встрепенувшись, выхватил из толпы какого-то плохонько одетого мужичонку с пыльным рюкзаком, долго изучал у того документы, затем заставил снять рюкзак. Мужик суетился, возмущался: – Вы бы лучше настоящих бандитов ловили!

Напыжившийся от важности мент в конце концов куда-то повёл мужичка.

Руслан невольно поёжился. Их витринный эксгибиционизм совершенно не вязался с теми строжайшими правилами конспирации, которым учили в лагере, и он не смог удержаться от осторожного замечания: – Может нам лучше по-русски разговаривать, потихоньку?

– Мне уже сложно замаскироваться! – хвастливо загоготал Абу-Бакр. – Меня тут все знают как облупленного. Да и ни к чему это теперь – у меня, брат, такая должность: я сам любого мента арестовать могу! С оружием запросто в Кремль захожу.

Неуловимым движением он расстегнул пару пуговиц на свободно облегающей мощный торс рубашке, из-под которой буйно выбивалось по-прежнему густое, хотя и почти уже белоснежное курчавое одеяло. У Руслана мелькнула неприязненное объяснение неуязвимости Абу-Бакра: в такой шерсти могла легко запутаться любая пуля... Среди опоясывающей волосатую грудь амуниции он успел заметить два аккуратно прилаженных пистолета и ещё какое-то снаряжение.

– Да, брат, времена изменились, – довольно осклабился тот, так же ловко застёгивая сорочку. – Наши за эти годы хорошо тут поработали. – Он удовлетворённо крякнул: – Да чего говорить! В Москве теперь серьёзные вопросы без нас не решаются, мы о-очень многим нужны.

Пошумят-пошумят: выгнать черножопых из столицы! А чуть что – сами тут же бегут к нашим ребятам. И бизнесмены, и депутаты, и правительство. Мы, брат, сейчас везде. Для меня эта Москва как дом родной уже, будь она проклята! Город-геморрой...

Заметив так и не ушедшую настороженную скованность Руслана, он сокрушительно хлопнул его по плечу: – Да не подставим мы тебя, расслабься! К тому же – времени у них не много осталось. Даже если и возьмутся тебя проверять – с их бюрократией это на месяцы затянется, а ты за это время своё дело уже сделаешь.

– А что я должен сделать, и когда? – спросил Руслан будто чужим голосом, ещё не веря, что это происходит не во сне. В ушах у него что-то неприятно тонко зазвенело.

– Потерпи ещё немного, брат, скоро всё узнаешь. Сейчас такое согласование действий идёт, ты не представляешь – тысячи человек одной паутиной связаны! – Он зачем-то указал на свой мобильный телефон. – Все уже на местах – скоро разом и бабахнем. 9-11 после этого доброй шуткой покажется!

Он действительно по-доброму широко улыбнулся. – И самое умное в этой схеме – даже если со мной, с тобой, с кем угодно из нас что-то случится – в целом это уже ничего не изменит! Центра нет, но зато всё многослойно подстраховано и продублировано.

Официантка поставила перед ними по огромному бокалу пива. Бык с наслаждением сделал большой глоток. – Проводим уже последние тренировки, – он наконец понизил голос: – Для репетиции Саяно-Шушку слегка подзавалили, на «Невском экспрессе» попрактиковались, тут вот в метро недавно... На себя, как сам понимаешь, не берём – нам реклама ни к чему, особенно сейчас. Зато скоро о нас весь мир узнает, да позволит Аллах! – зловеще захихикал он.

– А в «Норд-Весте» не наши ребята работали? – глуповато спросил Руслан, у которого голова шла кругом.

– Скажешь тоже! – даже обиделся Абу-Бакр. – Ты что, по почерку не видел, что дилетанты – только шума ненужного наделали, а толку никакого. Сидели, сопли жевали – пока их как тараканов не потравили... Ну ничего, пусть все думают, что мы только на такие глупости способны.

– А почему вы так долго на контакт со мной не выходили? – задал наконец Руслан давно мучающий его вопрос.

– Зачем? Пока нужды в этом не было, – строго пояснил Абу-Бакр. – За тобой Аллах смотрел: он-то всё видит! – Он хитро улыбнулся: – Ну и мы, конечно, тоже присматривали, однако глядим: всё у тебя правильно идёт. После выпуска хотели с распределением подмочь, да ты и сам подсуетился, молодец. Устроил всё лучше некуда. Мы и не стали вмешиваться, чтобы лишний раз не светить без надобности, к тому же в то время у нас там в руководстве такой бардак творился, ты не поверишь... То арабы всё к рукам прибрать пытались, то даже какие-то ГРУ-шники бывшие.

Он махнул рукой: – Ну да тебе это ни к чему. Просто бывали времена, когда и мне ложиться на дно приходилось.

В глазах его зажгся профессиональный блеск: – А ментов ты грамотно замочил. Как учили! Кстати, взять с собой дочь – была очень умная идея – это надо будет ещё использовать... Мы, если честно, и сами давно собирались этих козляков прихлопнуть, да всё руки не доходили.

Он приумолк, пока официантка расставляла на столе принесённый заказ. Видимо, хорошо зная его привычки, та первым делом поставила перед ним большую чашу для омовения рук. Поколебавшись, она опустила такую же и перед Русланом.

– Почему только взрыв такой маленький сделал? – продолжил Абу-Бакр, едва официантка отошла от столика. – Всё шито-крыто было. Заодно бы и дом в Москве завалил, а мы бы уж перевели стрёлки на кого-нибудь, кто нам сейчас мешает. Уже не раз так делали... Ну да ладно, ты ситуации не знал. Меньше шума – меньше риска, всё верно.

Внезапно посуровев, Абу-Бакр строго взглянул на Руслана: – А вот в Горгаз зачем звонил? Всё ещё жалеешь этих русских?

Он брезгливо поморщился. – Ты разве до сих пор не убедился, что это за нация? О быдле спившемся даже и не говорю, я сейчас в основном со сливками дела имею: политиками да бизнесменами. – Абу-Бакр

произнёс слово «политики» с невыразимым презрением. – Прости Аллах, но они же тут все бляди бесстыжие – за серебряник собственную задницу продадут, не то что Россию! Пыжятся, будто и власть, и деньги у них, а мы вроде как им уважение показываем, но сами-то смеёмся чуть ли не вслух. Уж нам-то прекрасно известно по каким правилам с ними играть, кого за какие верёвочки дёргать.

Он опустил голову и сосредоточенно прошептал: – Бисмиллахи рахмани рахим! ⁴² О Аллах, сделай эту еду благословенной для нас и накорми нас тем, что лучше этого!

Сделав ещё один исполинский глоток пива, он вернулся к прерванной теме: – Так вот пока они каждый на себя одеяло тянули, мы постепенно все силы в один кулак собрали. Они и первую-то войну нам просрали, а уж теперь с нами справиться им и вовсе не по зубам, потому как у всех настоящих мусульман ныне одна общая идея, да ещё какая! Прошли те времена, когда мы воевали за свободу, за это языческое понятие. Мы сейчас воюем за Аллаха, чтобы закон Всевышнего установить во всем мире.

Абу-Бакр решительно рубанул ладонью воздух. – А эти – каждый себе что-нибудь выкраивает: кто – погоны, кто – домик на Рублёвке, кто – мешок в банке за границей, – он презрительно скривился. – Но зато поговорить о России они умеют... Даже порой обидно за державу, вот клянусь Аллахом!

Он задумчиво покачал головой: – И вот ведь загадка: каждый прекрасно понимает, что мы их заклятые враги и никогда не простим России, того что она с нашим народом сделала, но всё равно – якшаются с нами, как ни в чём не бывало! Заискивают, умоляют, когда наша грязная помощь нужна.

Им кажется, они всё знают, всё у них под контролем. Да они дальше носа не видят ничего! Всё ведь от головы идёт, а там – как он был майор КГБ, так с майорскими пуговицами вместо глаз и остался. А в уши ему столько уже напели за эти годы, что он поверил будто и взаправду – царь. А какой из него к Иблису⁴³ царь? Царей за шкуру на трон не сажают. Царём надо либо родиться, либо своими клыками путь к трону прогрызть!

Абу-Бакр по-звериному ощерился. – Они ещё не подозревают, какая там на Кавказе у нас смена подросла – настоящие волчата! Те с колыбели запахом крови живут, а некоторые уже и насосаться успели вдоволь. А тот, кто крови хоть раз лизнул, уже никогда ею не насытится. У них ни жалости, ни прощения ни к кому не будет. Всё на место поставим в один миг – вот только нужного момента дожидаться надо.

Он осушил бокал. – Ну да ладно, что-то я разговорился не по делу. У тебя, наверное, вопросов уйма. Только о задании пока ничего не спрашивай, – предупреждаяще поднял он руку. – Обо всём скоро узнаешь. Давай, что тебя интересует?

⁴² Во имя Аллаха милостивого, милосердного (араб.)

⁴³ Иблис – шайтан, дьявол

– Что с моими родными? – быстро спросил Руслан. – Они живы?

Абу-Бакр сочувственно взглянул ему в глаза. – Отца больше нет, брат, – тихо ответил он. – Мать, сёстры – те живы. Трудно им сейчас, но скоро всё переменится, будут в почёте ходить... А Бекмурат – погиб как чеченец, настоящий кьонах.⁴⁴ Даже под пытками ни слова не сказал.

– Под какими пытками? – вырвалось у Руслана. – Его что, пытали? Кто?!

Абу-Бакр мрачно усмехнулся. – Пытали... Да на нём места живого не оставили, били как собаку, всё пытались выяснить куда ты делся. Он у них давно на прицеле был, потому что честный человек, думал о судьбе своего народа. Ни слова не сказал им, умер как истинный шахид.⁴⁵

Он посидел молча, наклонив голову.

– Спрашиваешь кто? Да наши же шакалы, из тех кто на сторону русских переметнулся. Ну, мы с ними за тебя уже хорошо посчитались. Но и тебе кое-кого оставили за отца отомстить. Потом назову, сейчас не время. Он тоже тут, кстати, в Москве ошивается. Важный человек стал...

– Это Ильяс?!

– А ты откуда знаешь?!

– Да встретил его в клинике как-то случайно. Он меня не узнал – я в маске хирургической был. Дай мне с ним рассчитаться!

Абу-Бакр сплюнул. – Всему своё время. Всех их кара Аллаха настигнет. За этим он нас на Земле держит и силы даёт. Позволит Аллах – Ильяса лично тебе в руки передам!

С сожалением взглянув на пустую кружку, он проницательно посмотрел Руслану в глаза: – Скажу честно, у меня одно время сомнения насчёт тебя появились, но отпали, когда ты нам после встречи с приятелем своим, Сергеем, позвонил. Ребята сразу во всём разобрались и проблему эту устранили. Умница что своевременно дал знать.

– А как вы поняли, что это я звонил? – обескураженно спросил Руслан.

Абу-Бакр хрипло расхохотался: – Я же тебе говорю: нам ангелы всё в реальном времени докладывают! – Он снова посерьёзней: – Да это элементарно – в Москве ты самый последний из всех оставался. Остальные уже в полной готовности, на своих местах, ждут сигнала.

Руслан поднял печальные глаза: – От кого? От кого мы ждём сигнала?

– От Аллаха! – жёстко отрезал Абу-Бакр. – А тебе его передам я. Потерпи – теперь уже совсем немного ждать осталось.

Он встал и небрежно бросил на стол несколько бумажек. – Маасальяма!⁴⁶ Мне пора. Скоро увидимся, брат! – Взгляд его упал на нетронутую Русланом еду. – Поешь, что ты сидишь перед полной тарелкой? – Он низко наклонился над Русланом и строго поднял палец: – Не забыл поди: того, что Аллах посылает, не отвергай!

⁴⁴ Кьонах – чеченский рыцарь, буквально – «достойный муж» (см. примечание 19)

⁴⁵ Шахид – мученик, принявший смерть за веру

⁴⁶ Маасальяма – до свидания (араб.)

– Руся, что случилось?! – с ужасом прошептала Людмила, вглядываясь в его лицо. – Ты на себя не похож!

– Нет, ничего, – пробормотал Руслан, беря себя в руки и пытаясь изобразить беззаботную улыбку. – О Валерке что-то задумался.

– Фу, как ты меня напугал, Руська! – с облегчением заговорила жена, обвивая его шею руками и заглядывая в глаза. – Я уж подумала: опять что-нибудь...

Она разняла запястья и сделала перед ним торжественный танцевальный пируэт. – А у меня для тебя новость, правда не знаю, как ты к этому отнесёшься... Вот, слушай: я опять беременна! Мне кажется, что на этот раз будет мальчик... Руся!!! Да что с тобой сегодня?! – вскрикнула вдруг она. – Я никогда ещё не видела у тебя такого страшного лица!

15 июля, 20... года
Москва, ресторан «Марракеш»

Абу-Бакр объявился меньше чем через месяц и по телефону был краток: – В 7 вечера, «Марракеш» на Страстном бульваре, знаешь?

– Найду, – так же коротко ответил Руслан.

Первые несколько дней после их прошлой встречи он провёл в какой-то лихорадке. Полностью отдавая себе отчёт, что теперешнюю его жизнь удержать уже никак не возможно, он бесконечно обдумывал все возможные варианты, чтобы найти из них самый достойный.

От совершенно сумасбродных проектов типа бегства с семьёй куда-нибудь за границу или явки с повинной в ФСБ он отказался сразу. Зная возможности Абу-Бакра и компании, он нисколько не сомневался, что это его не спасёт, и лишь в самом удачном случае вынудит всю оставшуюся жизнь прятаться по каким-нибудь норам, постоянно озираясь, но такого его гордость допустить не могла.

Главное заключалось в том, что сама мысль о себе как о предателе или отступнике являлась для него непереносимой. Это было гораздо хуже смерти. В его сознание оказались накрепко вбиты железобетонные сваи долга перед своим народом и его верой. Даже категорически не соглашаясь с методами и целями их борьбы, оставить строй своих соплеменников он не мог. Слова погибшего отца «Сделай всё, что от тебя потребуется для своего народа – не опозорь нашу семью» – яркими факелами затмевали все прочие рациональные доводы.

После череды бессонных ночей и бесконечных молитв в нём выкристаллизовалось чёткое решение, внесшее наконец какой-то комфорт в его скомканную душу: он сделает всё, что ему будет приказано, пусть даже ценой жизни, но взамен добьётся гарантий полной

защиты для его жены, дочери и неродившегося пока ребёнка. Слова Абу-Бакра ему будет достаточно.

Этот вариант показался настолько разумным и естественным, что Руслан даже подивился, почему над ним пришлось так долго раздумывать. Он умиротворённо помолился и, сев на полу кухни у открытого окна, с наслаждением закурил, вслушиваясь в мягко порхающие по полутёмной комнате ночные звуки засыпающего города. Всё решено. Обольщать себя миражами несбыточных надежд больше нет необходимости.

Он глубоко затянулся как никогда ароматным дымом. Что-ж, спасибо Аллаху и за эту жизнь, которой столь великодушно ему было разрешено попользоваться. Она была хорошей, приятной и лёгкой, вот только оказалась не его жизнью. В ней Руслану достались интересные друзья, любимая работа, прекрасная семья – но это, как выяснилось, принадлежало не ему. Просто всё теперь необходимо вернуть на свои места. И самому вернуться на своё место...

Ярко вспыхнувший свет заставил его от неожиданности метнуться в сторону. На пороге кухни, завернувшись в тонкий халатик, стояла, растерянно моргая, Людмила. – Боже мой, Руся, что происходит? – усталым голосом спросила она.

Выключив лампу, жена тихонько подошла и опустилась на пол рядом с ним. – Что с тобой, дорогой мой? Я же вижу: ты сам не свой уже несколько дней, – помолчав, едва слышно проговорила она. – Опять из-за моей беременности переживаешь? Всё на этот раз будет нормально, я чувствую... И чего ты так испугался? Что я буду тебя ругать за сигарету? – Она погладила его по затылку и оставила лёгкую руку лежать на плече.

Руслан молчал. Ему было неловко оттого, что укоренившиеся намертво рефлексy играют с ним порой столь нелепые шутки. Хорошо хоть пистолет он при себе не держит...

Он вздохнул, но это был скорее вздох облегчения.

– Знаешь, милая, мне требовалось принять одно очень важное решение, – тщательно подбирая слова, заговорил он. – И я его принял. Так что всё в порядке. Теперь всё будет в полном порядке, не волнуйся.

Людмила тоже облегчённо вздохнула и прижалась к нему. Сквозь невесомую ткань он ощущал мягкое тепло её тела. – Я почему-то очень переживала. У меня было такое чувство, будто случилось что-то ужасное... Тебе же не пришлось себя предавать, нет?

– Нет, – твёрдо ответил он. – И что бы ни произошло, знай, что я люблю вас с Катей больше жизни.

– Зачем ты пугаешь меня, Руся? – жалобно прошептала Людмила. – Что должно произойти?

Не отвечая, Руслан поцеловал её и, отвернувшись в сторону, зажёл новую сигарету.

В ресторане было многолюдно. Однако не успел Руслан оглядеть зал, как откуда-то из-за пурпурной боковой портьеры вынырнул смуглый официант и, почтительно поклонившись, сделал едва заметный жест

рукой, приглашая за собой. Последовав вслед за ним вдоль стены, увешанной коврами и имитацией старинного оружия, Руслан оказался перед тяжёлой резной дверью с табличкой «Кабинет VIP», в которую официант коротко постучал прежде чем исчезнуть.

Доносившийся из комнаты оживлённый чеченский говор смолк. Дверь распахнул Абу-Бакр с небритыми по самые глаза щеками, облачённый в пропахший потом, местами дырявый камуфляжный костюм, из-под которого выглядывала тельняшка, похоже всё та же, с лагерных времён. Вид у него был такой, будто он очутился в ресторане, прямиком спустившись с гор.

Он трижды уколол Руслана проволочной щетиной энергичного объятия и повёл к столу, заметно прихрамывая.

– Что с ногой?

– А-а...! – пренебрежительно отмахнулся тот. – Знаешь ведь как у нас говорят: бродячий пёс без удара палки не останется. Вот познакомься: амир⁴⁷ Асланбек, уважаемый человек, учёный. Слушайся его как меня, если что.

С подушек, которыми был обложен полукруглый диван, приподнялся небольшой мужчина в вайнахской тюбетейке и белой рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Взгляд его казался на редкость неприятным: колючим и недобрым, словно заранее подозревающим собеседника в каком-то прегрешении. Пробормотав «Ас-салямю аллеюкум», он уселся обратно на подушки.

– А это – Ибрагим, один из лучших наших джигитов, – подтолкнул Абу-Бакр своей чугунной рукой Руслана к столу. – У нас на него особые надежды – внедрился, можно сказать, в самую вену! – он захохотал над своей шуткой. – Да, брат, это твоё умение Аллаху сегодня как никогда пригодится!

Он уселся за стол и широким жестом пригласил присоединиться к угощению, которое, как успел заметить Руслан, было весьма скромным. Спиртного на столе тоже не было.

Асланбек сложил ладони перед собой и сосредоточенно прочёл молитву. Абу-Бакр, а следом и Руслан негромко вторили ему. В наступившей тишине они неторопливо принялись за еду.

– Ну, брат, приближается час, которого мы все так долго ждали! – торжественно заговорил Абу-Бакр, проглатывая первый кусок. – Ты хотел знать, чего от тебя потребует Аллах? Так вот, от имени Аллаха, велик он и славен, сообщаю тебе твоё задание.

Руслан положил вилку, так и не успев ничего съесть. В душе его всё напряглось.

– По нашим данным, в середине сентября у вас в «Кремлёвке» будут делать операцию Премьеру, – заговорил Абу-Бакр после короткой паузы. – Операция пустяковая, но местная анестезия потребуется. Вколешь что нужно. И сразу уходи. Ты нам ещё очень нужен. У больницы тебя заберут наши, в тот же день окажешься в горах, затем переправим

⁴⁷ Амир (тж. арабск. эмир) – предводитель, вождь, лидер

за границу, поживёшь на священной земле. Ну а потом – снова в бой с неверными. На тебя их ещё довольно останется! – он расхохотался.

Руслан ошеломлённо молчал. Задание показалось ему до неправдоподобия лёгким. В своих долгих тягостных размышлениях и молитвах он пытался подготовить себя к некоему неизъяснимому злодейству, которое ему предстоит взять на себя во имя Аллаха и своего народа, и утешением его всякий раз являлась мысль, что хотя бы частичным искуплением станет его собственная отданная за это жизнь.

Теперь же оказывалось, что никакого особенного злодейства от него и не требуется – всего-навсего избавить мир от единственного человечка, к которому он и так испытывал лёгкую брезгливость, и при этом, став героем нации, с большой вероятностью остаться в живых...

Он не выдержал и широко улыбнулся.

– Ха! – воскликнул Абу-Бакр, хлопая себя по ляжке. – Ты видишь, амир? Ну какой джигит, а?! И кто бы теперь сомневался, что он всё сделает в самом лучшем виде!

Опрокинув стул, он резко поднялся и протянул через стол руки Руслану: – Иди сюда, брат мой! Дай я тебя обниму!

Стоически перенеся ещё одно чудовищное объятие, Руслан сел и наконец заговорил: – Да, я готов сделать это во славу Аллаха. Но мне нужно быть уверенным, что моя семья будет в полной безопасности.

Оба, и Абу-Бакр, и Асланбек, с изумлением устремили взгляды на Руслана. Он почувствовал, будто комнату мгновенно наполнила густая предгрозовая духота.

– Какая семья, брат? – тихо спросил Абу-Бакр. – Твоя семья – это твой род, а не эта бледноволосая блядь и её дочь!

Ослепительная молния ожгла глаза Руслана. Не помня себя, он вскочил из-за стола, хватая лежащий перед ним ресторанный нож. Но ещё прежде чем рука успела сжать рукоятку, он почувствовал, как нож выскальзывает из вдруг онемевших пальцев. Только потом он ощутил тонкую боль в плече, за которое его цепко держал неожиданно очутившийся сзади Асланбек.

– Ты не должен поднимать нож на старшего, Ибрагим, – внятно произнёс тот ласковым голосом, совершенно не вяжущимся с его жестоким взглядом. – Тот, кто поднимает клинок, несёт ответственность за такое оскорбление. Хорошо, что я не дал тебе этого сделать.

Руслан стряхнул руку со своего плеча: – Он оскорбил мою жену!

Сидящий неподвижно Абу-Бакр мрачно хмыкнул.

– По закону Шариата, она тебе не жена, – терпеливо продолжил Асланбек. – Ты жил с ней во грехе все эти годы, и Аллах даёт тебе возможность теперь искупить это. На тебе много греха. Ты был вынужден грешить, живя с кяфирами по их законам, взяв в жёны неверную, не посещая храм, не посвящая достаточного времени молитвам. Но ведь это не твой очаг! Это не та жена, которая дана Аллахом! ...

Абу-Бакр грозно кашлянул и поднялся: – Ладно, покончим с этой темой! – Он обошёл стол и протянул Руслану обе руки: – Мир, брат? Я согласен с твоим условием, если это для тебя так важно. – Руслан в

который уже раз оказался стиснут каменными ручищами. – Я был не прав, обидев тебя, извини. Но в том, что она блядь – я прав, и могу тебе легко это доказать. Хочешь?

– Нет! – оттолкнул от себя великана Руслан. – Я не желаю больше ничего слышать об этом!

– Дикду!⁴⁸ – решительно отрезал Бык. – Не желаешь – значит я молчу.

Он на мгновение задумался. – Что я могу тебе пообещать? На всё воля Аллаха, но то что зависит от меня – я сделаю. При любом раскладе приложу все силы, чтобы они не пострадали ни от наших, ни от своих. Скорее всего понадобится вывезти в безопасное место. Приставлю позаботиться о них надёжного человека. Но большего обещать не могу – ни встреч, ни даже контактов. Забудешь о них. Идёт?

– Идёт, – сдавленно выговорил Руслан. – Твоего слова мне достаточно.

На большее он и не рассчитывал. Иллюзию, будто после всего этого он сможет что-то объяснить Людмиле, питать было наивно. Но где-то внутри всё же защекотала душу какая-то затаённая надежда. «Воля Аллаха неисповедима, – промелькнула мысль. – Может быть он всё же внял мне, когда я, с ним в сердце, давал клятву верности Людмиле, и на небесах она считается моей законной женой...» Про её беременность он решил пока ничего не говорить.

– Ну, значит этот вопрос мы решили, – вернул его к реальности бас Абу-Бакра. – Но сейчас меня больше беспокоит другое, – он насупился. – Я недаром тебя обхлопывал да обтискивал, а тут и Асланбек кстати проверить помог – в скверной ты форме, брат. Мышцы вялые, реакция почти на нуле... Я же предупреждал: занятий не прекращать ни на один день!

Он внезапно изогнулся вокруг своей оси, и в следующий миг его каблук оказался у виска Руслана, больно чиркнув по уху. – Вот видишь, – укоризненно выдохнул он, продолжая покачивать тяжёлым ботинком над плечом Руслана. – Ты даже среагировать не успел, а уже – труп...

Болезненно поморщившись, он плавно отвёл ногу. – Мы уповаем на то, что всё пройдёт гладко, но ведь Аллах может послать и непредвиденные сложности. А ты к ним не готов!

Руслан униженно молчал. Ему казалось, что он в совсем неплохом состоянии; не таком, конечно, как когда-то в лагере, но всё же вполне боевом, тем более, что за последние годы он сильно ограничил себя в алкоголе и возобновил довольно регулярные упражнения. Людмила, наблюдая за его изнурительными комплексами, делающими всё более рельефной и без того безупречную мускулатуру, однажды восхищённо заметила: – Ты прямо Джеймс Бонд у меня! Признавайся, на какую разведку работаешь?

Застигнутый врасплох этой нечаянной пронизательностью, Руслан сгрёб её в охапку и, повалив на диван, прошептал на ухо: – Я работаю на тебя! Ты – моё самое главное разведывательное управление...

⁴⁸ Дикду – хорошо (чеченск.)

Горестно покачивая головой, Абу-Бакр вернулся к столу. – Ну да ладно, – уже добродушнее проворчал он. – Время ещё есть, займусь тобой лично. Не так уж всё и запущено, честно говоря... Теперь давай вопросы, если есть.

Руслан некоторое время колебался. – Почему вы так долго ждали, чтобы удар нанести? И почему именно Премьер – главная цель?

Абу-Бакр понимающе кивнул. – Причин много. Поначалу попросту сил было недостаточно. Ведь задача была – не просто отомстить, а унижить их так, чтобы они сами себя уважать перестали. Потом момент не позволял – у них из-за нефтяных цен такой подъём пошёл, что они себя вставшими с колен возомнили. Хоть это и смешно, но с национальным самосознанием шутить нельзя – об этом уж нам как никому прекрасно известно. Ну а теперь вот – подходящее время: экономика ни к бесу, правительство не в почёте, силовики кроме как о своих карманах ни о чём больше не беспокоятся...

Он сверкнул глазами: – Ты ведь ничего не знаешь обо всей операции. Твоя часть – только начало, можно сказать сигнал для остальных. А потом такое начнётся... Мы, брат, не даром столько лет всё это так тщательно готовили.

Благолепно подняв перед собой руки, он поцокал языком. – Никогда не перестану удивляться: насколько всё же дальновидный и мудрый человек был Джохар Дудаев, да будет доволен им Аллах! Видел, что империя эта огромная, но гнилая. И разрушить её можно кропотливой работой изнутри... Ну а с Премьером у нас особые счёты. Мы не забыли, как он нас в сортире мочить обещал. А потом мирные селенья в горах бомбить приказывал.

– Но сейчас-то к нему в Чечне отношение неплохое, – с сомнением произнёс Руслан. – Не отвратит ли наша акция народ? Передают вон, что там восстановили всё, понастроили нового жилья, мечетей, компенсации людям выплачивают. Столько денег из бюджета выделяется...

– А ты знаешь, какие «откаты» люди платили, чтобы компенсацию за разбомблённый дом получить? – тихо, но веско вмешался молчаливый Асланбек. – Иначе – вообще шиш! Из денег, что выделялись, первым делом здесь в Москве сами выделяющие половину по карманам растащили. Из оставшихся разрешили своим прихлебателям в Грозном разворовать процентов 40. До людей только десятая часть и дошла.

– Ничего, – зловеще процедил Абу-Бакр, – Мы всё знаем, всё помним, кто сколько берёт, кто беспредел творит со своим народом. Это лишь отбросы, мелкая кучка уродов. Правильные люди есть, которые скоро всё в свои руки возьмут. Мы там уже порядок потихоньку наводим, подчищаем, людей готовим. И не только в Чечне. По сигналу на Кавказе сразу всё на свои места встанет.

– А народ, – со значением добавил амир, – Народ Шамиля ждёт...

– Что значит – Шамиля? Нового Шамиля?

– Да нет, брат, всё того же, старого! – захохотал Абу-Бакр. – Ты тоже в эти сказки поверил, будто им убить его удалось? Куда там! Жив Шамильчик, мы его просто из под прицела вывели, когда ГРУ его

окончательно решило сдать ФСБ-шникам. Твои друзья по лагерю, кстати, вовремя сообщили.

– Огромного мужества джигит, – уважительно произнёс Асланбек. – Знаешь, что он сказал, когда после операции очнулся и узнал, что ногу пришлось отрезать? «Ну что-ж, говорит, по крайней мере одна моя нога уже в раю!» Он в Эмиратах сил набирается, новую ногу там ему сделали. Аллах даст – скоро свидитесь.

Абу-Бакр кивнув, поискал на столе, чего бы положить в рот. – Но если совсем по правде, его пока от руководства подальше отодвинули, – жуя, прибавил он. – Тут сейчас не такие люди нужны. А у него башка от крови поехала, настоящим людоедом стал – только бы стрелять да взрывать... Зато представляешь, что на Кавказе начнётся, когда люди узнают, что он воскрес!!! Он же и без того – легенда! У половины чеченцев его портреты дома висят.

– Да, – вкрадчиво посмеиваясь, добавил Асланбек, – А некоторых из Чечни вмиг ветром сдует, когда они только имя его услышат! – Его голос звучал почти ласково, но глаза оставались ледяными и колючими. Руслан почему-то больше доверял глазам, чем добродушной интонации.

– А, ты про пацана? – пренебрежительно бросил Абу-Бакр. – Это же мы всё организовали, чтобы его на престол посадить, – пояснил он для Руслана, – Ну, и подмогли тогда кое-чем... А он хоть и раскуражился сейчас, но по любому от него пользы пока всё больше, чем вреда – бдительность их усыпляет, вроде как «навели порядок».

– Да он не так уж прост, – прищурившись, промурлыкал Асланбек. – Тихой сапой столько независимости под Чечню подгрёб, сколько Дудаев никогда и не требовал.

– Всё равно не великого полёта он птица! – решительно отрезал Абу-Бакр. – Зарываться начинает: думает он всё сам может, а если что – Москва защитит. Не знает, маленький, что у нас всё и тут под контролем давно: захотим – окажется никем в две секунды. Забыл, наверное, как в народе говорят: станешь гордой овцой, а волки тут как тут.

Он почесал затылок. – А может и пора уже. Таких сильных ребят почикал за последнее время... но ладно, пусть их! – Абу-Бакр махнул рукой. – Главное – наших пока не трогает, играет по правилам. Помешать нам он никак не сможет.

Асланбек встал с подушек и поклонился. – Мне пора. Рад был познакомиться со славным джигитом, – вновь оцарапал он Руслана своим проволочным взглядом. – Да будет доволен тобой Аллах!

Абу-Бакра он трижды обнял, утопая щекой в его бороде. – Скоро увидимся, брат. И хвала Аллаху, господу миров!

Перед тем как открыть дверь он снял тубетейку и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Очень грамотный человек, – с уважением произнёс Абу-Бакр, когда они остались вдвоём. – В Египте учился, в Саудовской Аравии, в Пакистане. Шейх бин Ладен, да продлит Аллах его годы, ценит его чрезвычайно – Асланбек ему в о-очень важных делах помогал. Недавно такой план стратегический для него разработал: скоро услышишь –

закачаешься. Да весь мир закачается! А пока на Кавказе людей просвещает: правду постичь, к истинной вере вернуться...

Он встал и потянулся. – Ну да ладно! О делах довольно – теперь надо о душе позаботиться. Выпьешь что-нибудь? – спросил он, нажимая какую-то кнопку на боковине дивана.

– Давай, – сразу согласился удивлённый этим логическим переходом Руслан, у которого от напряжения уже гудела голова. – А ты что будешь?

Абу-Бакр загадочно ухмыльнулся: – Я сегодня по другой теме – мне к вечеру мозги ясные нужны.

Послышался тихий стук. Бык впустил смуглого официанта и обернулся к Руслану: – Тебе водки?

Руслан молча кивнул.

Через несколько минут раздался такой же стук. Парень, с поклоном поставив перед ними поднос с небольшим графином и красным сафьяновым футлярчиком, бесшумно вышел.

– Ну, что, – потёр мохнатые руки Абу-Бакр. – Давай я с тобой одну выпью за успех нашей затеи, а остальное – без меня. Только смотри не увлекайся сейчас этим делом, – хмуро предупредил он, разливая водку по рюмкам.

Они молча чокнулись и, одновременно выпив, синхронно поставили рюмки на стол. Абу-Бакр широко улыбнулся и раскрыл футляр. Там лежал небольшой шприц и совершенно невзрачная ампулка.

– Слушай, ты у нас по этому делу большой специалист, – обратился он к Руслану. – Вколи мне это куда следует, чтоб душа у Аллаха за пазухой враз очутилась. Только не всю – мне надолго отлучаться нельзя, вечером дела серьёзные. А часок оттянуться можно – душе дать полетать...

Поймав изумлённый взгляд Руслана, он спокойно пояснил: – На разведку. Душе ведь интересно, куда её не ровен час отправят. Я, брат, привык всё заранее знать. Недаром ведь говорится: то, что тебе понадобится завтра, нужно знать уже сегодня...

– Так ведь это же – харам!⁴⁹ – непроизвольно вырвалось у Руслана.

Абу-Бакр махнул рукой: – Э-э, брат! К моим грехам это много не добавит. Зато сколько я для Аллаха сделал – ты себе не представишь. Думаю, что на Суде перевесит.

Он удобно устроился на подушках и засучил рукав.

7 сентября, 20... года

Москва, Борисоглебский переулок, женская консультация № 7

– У вас будет... – врач-гинеколог с отработанной торжественностью замерла перед ультразвуковым аппаратом: – Мальчик!

⁴⁹ Харам – в шариате запретные действия, грех.

Руслан уже и без неё давно видел на чёрно-белом экране неоспоримые признаки принадлежности плода к мужскому сословию. Восторг, охвативший его от этого невероятного осознания был перемешан с горечью смирения с тем, что взять сына на руки ему скорее всего так никогда и не доведётся.

И всё равно это ощущение было прекрасным! Каким бы образом всё не сложилось, на Земле теперь останется его потомок, который даст продление славному дудаевскому роду. И пусть даже он ничего не узнает о Руслане, в его генах неминуемо запечатлеется верность отца своему долгу, своей клятве и своему народу. А значит и качества настоящего мужчины.

Ребёнок на экране повернулся в профиль и принялся сосредоточенно ковырять пальцем в носу. Руслан засмеялся и благодарно улыбнулся Людмиле. Вот ведь как: седьмое сентября, консультация номер семь... Недаром всё-таки цифра «семь» считается у чеченцев счастливым числом!

В кармане запиликал мобильник. Он взглянул на дисплей, ярко светящийся в полутёмной комнате – это был Абу-Бакр. Руслан прикоснулся губами к щеке жены и торопливо вышел в коридор.

– Дело откладывается, – раздражённо прохрипел тот. – Как минимум на пару недель!

– А что случилось? – с радостно застучавшим сердцем спросил Руслан.

– Да этот дзюдоист грёбанный перенёс свою операцию. Делá, видите-ли важные, шайтан его побери! У него дела, а у нас что, шутки что ли? Ну, ладно, на тренировке сегодня поговорим, – ворчливо прибавил он.

Этим вечером они должны были снова встретиться в небольшом частном спортзале в районе Парка Культуры, где три раза в неделю Абу-Бакр истязал Руслана убийственными спаррингами. В последнее время, правда, стало полегче, зато первый месяц, когда они занимались почти ежедневно, Руслан с трудом добредал до дома, морщась потирая новые синяки и ссадины.

«Да, вечером он задаст мне перцу!» – весело подумал Руслан, почесав затылок, но эта мысль настроения не испортила. Отсрочка означала ещё несколько дней, проведённых с семьёй, а может и становилась знаком чего-то большего...

Хотя он был почти уверен, что эта грандиозная, нависшая над Россией грозовая туча никуда деться уже не может, и рано или поздно разразится чем-то ужасающим, однако в далёком закутке души всё же мерцала порой какая-то отчаянная искра надежды, будто весь этот уродливый кошмарный сон по неисповедимой воле Всевышнего вдруг сменится невесомым пробуждением, в котором останутся лишь залитый солнцем кухонный стол, воскресный завтрак всей семьёй, счастливая улыбка жены, беззаботное щебетание Кати... И крошечный, но уже такой похожий на него сын.

Но едва эта картина возникала перед глазами, Руслан решительно задёргивал её плотной чёрной шторой. Единственно правильное решение им уже принято. И нельзя позволить себе быть слабым. А всё остальное – в руке Аллаха.

Из шаткого эмоционального равновесия, сохраняемого с таким трудом, его в тот же вечер едва не выбил тесть.

Заявившись неожиданно на ночь глядя, когда они, уложив Катю, в тихом сумраке кухни пили чай, тот дождался, пока Людмила отправится спать, и испытующе заглянув Руслану в глаза, спросил:

– Ну что, может быть поговорим?

– О чём? – меланхолично отозвался Руслан, поглаживая ушибленное на тренировке колено.

– Тебе нечего мне рассказать? – со значением поинтересовался тесть.

Руслан выдержал паузу. Его чувства моментально напряглись, пытаюсь вычислить, куда клонится разговор. Он нарочито зевнул: – Устал я что-то. Язык едва шевелится.

– Да уж, – усмехнулся тесть. – Так себя тренировками изводить, будто к Олимпийским играм готовишься... – Он не мигая продолжал смотреть на Руслана. – К чему готовишься?

– Готовлюсь стать отцом, – попытался отшутиться Руслан, с трудом изображая беззаботную улыбку.

– Помнится, в прошлую беременность ты другим спортом стресс снимал, – усмехнулся тесть. – Ну да ладно, кто старое помянет... Хотя, я ведь как раз и хотел напомнить об одном нашем давнем разговоре. Я же тебе до сих пор просьбами не надоедал? А теперь пришло время, – внушительно произнёс он.

Руслан невольно вздрогнул. С этой фразы у него совсем недавно уже начался один важный разговор... Он прямо взглянул тестю в глаза: – Время... чего?

Тесть встал и, открыв холодильник, зазвенел там чем-то стеклянным. В искусстве держать паузы он был куда искущённее. Руслан терпеливо ждал.

Вернувшись за стол с бутылкой водки и двумя запотевшими рюмками, тесть забавно прищурился, словно прицеливаясь. – Это очень важно, – неожиданно серьёзно заговорил он. – По нашим данным, у вас в «Кремлёвке» завелась одна гнида. Мы не знаем, кто это и на кого работает, но намерения самые решительные. Очень возможен теракт.

Он указал на налитые рюмки, приглашая выпить. Руслан медленно поднёс водку ко рту, но пить не стал. Его сердце колотилось как бешеное.

Выпив, тесть крякнул. – Так вот. Что-то очень нехорошее там у вас затевается. Мы, конечно, ориентировку дали всем руководителям государства: воздержаться от посещения клиники, но долго так продолжаться не может, ты же сам понимаешь.

Он взглянул на Руслана едва ли не жалобно. – Нужна твоя помощь. Мы по круплицам данные добываем, но время не терпит. Мне важен взгляд изнутри. Присмотришься внимательно к каждому, повторяю: к каж-

до-му! От главврача до уборщика. Меня интересуют любые детали, которые не вписываются в обычный ход вещей.

Руслан с запозданием осушил рюмку. Дрожь уходила из пальцев. Они что-то знают, но ни общей картины, ни существенных её деталей у них нет.

– Да без проблем, – пожал он плечами. – Присмотрюсь. Если что замечу – позвоню.

– Только на рожон не лезь. Сам никаких разговоров, тем более действий не предпринимай. – В голосе тестя появилась какая-то родительская интонация: – Главное при этом – береги себя. Произойти может что угодно, а моим внукам нужен отец.

Как всегда, не канителясь, он тут же налил по второй. – Ну что, теперь за вашего будущего сына! В сложные времена ему жить – пусть будет счастлив.

Руслан охотно потянулся к нему рюмкой. В этой фразе он был готов подписаться под каждым словом.

– Я в своих заботах времени вам почти не уделяю, – жуя, посетовал тесть. – Может какие проблемы у вас, о которых мне неизвестно? Ты что-то в последнее время такой насупленный ходишь. Знай: если нужна помощь, любая – тебе далеко ходить не надо. Я ведь многое могу.

Он с усилием поднялся, протягивая на прощание руку. – Что угодно. Вдруг денег не хватает, или задолжал кому – не стесняйся, – добавил он, идя по коридору. – Мы – одна семья!

Руслан улыбнулся. По какому-то мистическому совпадению, как раз накануне у него состоялся разговор на финансовую тему с Абу-Бакром. Когда Руслан с гордостью сообщил ему, что может вернуть едва ли не половину полученных когда-то денег, тот пренебрежительно махнул рукой: – Держи несколько тысяч при себе на всякий случай, а остальное можешь оставить жене на потом. Тебе эта мелочь здесь больше не понадобится. Нам – тем более.

– А откуда у вас вдруг такие средства? – удивился Руслан. Он хорошо помнил, как остро стоял вопрос с финансами накануне первой войны.

Абу-Бакр оскалился: – Братья-мусульмане помогают! Мечети по всему свету клич кинули – сбор пожертвований для тех, кто на переднем крае Джихада. Которые в Америке, в Европе живут – вообще мешками денежки потащили. Пытаются перед Аллахом оправдаться за свою гнилость, конечно, но пока и денег с них достаточно. А со временем для каждого придёт черёд доказать на деле свою веру...

Он подмигнул: – Ну, а мы-то и сами на месте не сидим – уже давно на самокупаемости! Такие услуги людям оказываем, а они, сам понимаешь, недёшево стоят. Нам ведь всё равно: кого шлёпнуть, кого припугнуть, с кем договориться – лишь бы платили за это, хоть кто, пусть хоть даже и американцы. Догадайся, к примеру, сколько денег нам «Боинг» отвалил, чтобы мы в России производство Ил-96 и Ту-204 свернули? О, брат! Билл Гейтс столько за год не зарабатывает, сколько

мы за пару недель без особого напряжения сделали! Так что деньги, по милости Аллаха, для нас теперь так, пыль...

Протягивая тестю в коридоре кожаный картуз, Руслан ещё раз усмехнулся.

– Да нет, спасибо, с деньгами у нас всё в порядке, – заверил он.

– Ну, смотри. А к Людке всё же повнимательней будь. Она очень переживает, что ты снова будто отдалился от неё, – совсем по-человечески добавил тесть, натягивая плащ. – Оно понятно, конечно: при беременной жене некоторые мужики сами не свои становятся, но ты уж её пожалей...

Когда за тестем захлопнулась дверь, стиснутые эмоции вновь вихрем взметнулись в душе Руслана. Он вернулся на кухню, открыл форточку и, нервно вытеребив из пачки сигарету, закурил.

А что, если это и есть предоставляемый ему шанс спасти мир – как минимум, свой собственный мир? Это была крамольная мысль, которую он до сих пор так упорно гнал из головы, но теперь вновь потребовалось как следует её обдумать.

Тесть ведь действительно может очень многое. Если рассказать ему всё, что он знает, добавив к этому информацию из папок в потёртом ментовском чемодане, который так и пролежал все эти годы задвинутым далеко на антресоли – это скорее всего позволит сорвать операцию Абу-Бакра. И тем самым обеспечить безопасность себе и своим любимым...

На улице лил занудный дождь. Руслан тяжело вздохнул и щелчком отправил окурок в форточку. Нет. Аллах не мог подсунуть ему такой недостойный способ спасения. Среди настоящих чеченцев предателей не бывает. Значит, это всего лишь искушение дьявола.

Сделав такой вывод, теперь оставалось принять решение: рассказать ли об этом разговоре Абу-Бакру? Он, судя по всему, не знает, чем на самом деле вызван перенос хирургической процедуры Премьера. Но рассказать – означало неминуемо подставить тестя под смертельную опасность. А он – когда Руслану придётся исчезнуть – важный элемент защиты и благополучия семьи, что было главным из оговорённых Русланом условий.

А что произойдёт, если не рассказывать? По большому счёту, ничего в общем плане операции это не изменит. ФСБ что-то пронюхало, но напасть на реальный след и что-либо предотвратить явно не успевает. А Быку всё равно придётся менять замысел начала акции и задание для Руслана. И чем чёрт не шутит – может быть ему будет отведена менее зловещая роль. Да и потом, вдруг благодаря этим задержкам Аллах даст ему возможность подержать на руках своего сына...

Он задумчиво закурил ещё одну сигарету. Что-ж, придётся доигрывать эту игру с тестем самому, аккуратно водя того за нос, но не говоря при этом ни слова Абу-Бакру. Предателем он не хотел становиться ни перед кем.

25 октября, 20... года
Москва, Страстной бульвар, ресторан «Марракеш»

Хотя он ожидал этой минуты постоянно, резкая трель телефона заставила его вздрогнуть. На дисплее горел номер Абу-Бакра, и это означало, что случилось что-то неординарное. Сегодня вечером они без звонка должны были встретиться в спортзале.

– Жду тебя в «Марракеше»! – голос Абу-Бакра казался наэлектризованным. Впрочем, он давно пребывал в нехарактерном для него нервном напряжении. Операция откладывалась уже в третий раз, после того как Премьер вновь перенёс на неопределённый срок своё посещение клиники.

Руслан испытывал при этом опустошающую релаксацию, зато Бык становился ещё более взвинченным. Его столь тщательно подготовленный и скоординированный план начинал трещать по швам – из него один за одним стали выпадать отдельные звенья.

Последним серьёзным ударом оказался случайный арест кого-то из ребят, ставшего по нелепому стечению обстоятельств подозреваемым в каком-то громком заказном убийстве. Абу-Бакр выходил из себя: – Ну да, да! Наши этого журналюгу наглого мочканули чтоб не лез куда не следует... но это дело совсем другая команда отработала! А я же не приду к ним: «Возьмите Ахмета, отдайте Умара»! И как на грех у нас на Умаре очень много завязано – просто свет клином сошёлся! (Руслан лишь позже понял, какой смысл он вкладывал в эти слова).

– Ладно, Умара отмажем, – успокаиваясь, уверенно заявлял Абу-Бакр и тут же взрывался снова: – Но нам важно успеть до того, когда этот чёртов чёрный пояс к вам на операцию пожалует!...

О разговоре с тестем Руслан рассказывать Абу-Бакру так и не стал. Он видел, что ФСБ до сих пор не вышло на их операцию, и происходящие неурядицы оказывались просто случайными совпадениями.

Тестю Руслан звонил с тех пор два раза. Он хорошо понимал, что с ним очень важно не переиграть: с одной стороны демонстрируя свою готовность помочь, а с другой – представляясь наивным простаком, от которого в таких делах мало проку.

Его первой «жертвой» стал давно досаждавший ему своей навязчивой болтливостью ухо-горло-нос (на двери кабинета которого красовалась добытая где-то в провинции табличка «Доктор Отто Ларинголог»). Вся клиника знала, что его жена – грузинка, но Руслан значительным шёпотом сообщая об этом факте тестю, добавил, что по мнению некоторых, она приходится дальней родственницей Саакашвили.

Тесть молча выслушал доклад, задал несколько общих вопросов, из которых Руслан с облегчением сделал вывод, что несимпатичного ему Отто сразу не заберут, однако понервничать заставят.

Осмелев, в следующий раз он преподнёс на суд тестя целую конспиративную теорию, представив ругливого начмеда Кацапенко ярким украинским националистом, связанным с прибалтийскими спецслужбами,

совместно мечтающим отомстить за коварное отравление Ющенко. Главной уликой в этой спорной версии стало литовское слово «гондонаускас», употреблённое Кацапенко при появлении на телеэкране любимого всеми премьер-министра.

Раздосадованный тесть вообще молча повесил трубку, едва дослушав до конца эту бредовую тему. Руслан, давась от смеха, удовлетворённо подвёл итог, что в ближайшее время тот вряд ли станет приставать к нему со своими шпионскими заданиями...

Едва перед Русланом распахнулась массивная резная дверь знакомого «кабинета VIP», он понял, что услышит сейчас нечто очень важное. Таким возбуждённым он Абу-Бакра ещё не видел – кружащий по комнате словно гигантская шаровая молния, тот излучал ореол непреодолимого магнетизма.

Поневоле заряжаясь ощущением исключительности момента, Руслан хриплым шёпотом спросил: – Что, пора?

– Да, брат! – жутко сверкнув глазами, подтвердил Абу-Бакр. – Час пробил. А теперь слушай меня внимательно: план операции поменялся!

Он вплотную приблизился к Руслану и, обдавая его запахом маринованной черемши, торжественно заговорил: – Хвала Аллаху, господу миров! 30 декабря на Ёлке в Кремлёвском дворце будут вместе и Президент, и Премьер. Случай уникальный – они редко появляются вдвоём, а тут, только представь! с ними будет почти вся свора: директор ФСБ, министр обороны...

Руслан в напряжении слушал, пока ещё не понимая, к чему это всё клонится.

Абу-Бакр опять взбудоражено заскользил по комнате и наконец остановился у стола, словно удерживая себя с его помощью: – На такой подарок мы и не рассчитывали! Долго их, блядей, Аллах вместе собирал!

Потирая руки, он демонически захихикал. – Собираются там на всю страну за деторождаемость агитировать: дети мол – будущее России... Нет у России никакого будущего, и мы им это покажем! – он шарахнул кулаком по столу так, что с него на пол посыпались бокалы.

В том, что сумбурно говорил Абу-Бакр, Руслан пока так и не проследивал особого смысла. – Мне сложно будет попасть на Ёлку, – осторожно начал он. – Бригада обслуживания там маленькая, и анестезиолог обычно не требуется. Только если придётся кого-то подменить...

– Не о тебе речь! – оборвал его Абу-Бакр. – Ты там не нужен – всё равно обшманают так, что ничего с собой не пронесёшь. – Он приблизил заросшее щетиной лицо, впиваясь пылающими зрачками прямо в мозг Руслана: – Попроси тестя достать приглашение на Ёлку для Кати!

Пол поплыл под ногами Руслана. Ему показалось, что он ослышался. – Нет! ... – почти беззвучно прошептал он.

– Да! – резко подтвердил Абу-Бакр, тяжелою опускаясь на стул.
– Именно для этого ты и находился здесь столько лет.

Всё это казалось настолько нереально-чудовищным, что на язык Руслану не приходили никакие связные доводы. – Но она же... моя дочь!

– Ну так и что – дочь? – пренебрежительно отмахнулся Абу-Бакр. – А ты своего отца вспомни! Ему ведь тогда сказали, что тебя на смерть посылаем. Он и бровью не повёл, ответил: «Да будет на то воля Аллаха!» Единственного сына на гибель благословил!

Руслан облизал ставшие сухими губы. – Ведь... там будет много других детей!?

– Э-э! – Абу-Бакр неопределённо повёл плечом. – Это же кяфирские дети, их всё равно ничего хорошего не ждёт. А так хоть появится шанс, что Аллах сразу в рай отправит, как невинно пострадавших...

Он насупил брови: – Да, размяк ты здесь душою, брат. Надо было тебя хотя бы на годик в горы повоевать отправить, чтобы ты сам посмотрел на чеченских детей убитых, на девушек изнасилованных, на то как целые семьи пьяная солдатня вырезает на «зачистках» ...

Молча, словно парализованный внимая этим потусторонним рассуждениям, Руслан тупо пытался сообразить, кто здесь сошёл с ума: он или Абу-Бакр? На какое-то время он вообще утратил способность размышлять. «Нет! Нет!! – лишь гулко саднило у него в голове. – Нет!!! Лучше – смерть!»

– ...Туда подбирают детей не простых родителей, но твой тесть сможет устроить... – пробивался к нему сквозь мерцающий туман неотступный голос Абу-Бахра.

Руслан наконец собрался с духом и уже открыл было рот, однако Абу-Бакр опередил его. Приблизив свои горящие глаза к лицу Руслана, он тихо, но внятно заговорил:

– Я ведь тебя даже не спрашиваю: «да» или «нет». Я не хочу твоего ответа слышать, потому что по глазам вижу, как тебя цепляет вся эта шелуха, которая на тебе за эти годы выросла. А сейчас ты малодушно хватаешься за мысль: лучше умру, но делать этого не буду!

Он презрительно хмыкнул: – Давай-ка, ты лучше сядешь и помолчишь пока, а я тебе просто так расскажу, как один из ваших (всего один из всех 77-ми, заметь!) шайтаном обуянный, мне такое вслух заявил. Я, говорит, готов от вас смерть принять.

Абу-Бакр злое усмехнулся и в глазах его вспыхнул знакомый дьявольский огонь. – Да ребята об него даже руки марать не стали! Просто в Чечню отвезли, а там в газетах кое-какие фото и статьи о нём появились. Мол, сын такого-то сбежал от войны, на неверных работал, а отца и друзей ФСБ-шникам продал.

Можешь себе представить, во что его жизнь после этого превратилась! По улицам водили на верёвке как ишака, и каждый прохожий честью считал в глаза ему плюнуть. А потом всех сестёр его собрали, родных и двоюродных, и при нём насиловали. Вся родня его

крови просила, чтобы с семьи позор смыть. Он умолял: я всё понял, отправьте обратно, всё искуплю, всё сделаю – да поздно уже! Слово сказано – ты его раб. А достойную смерть, мой дорогой, не просто заслужить!

Абу-Бакр наконец замолчал.

– А как быть с моим сыном? – тихо спросил Руслан.

– Каким ещё сыном? – удивлённо поднял бородач всклокоченные брови.

– Через несколько месяцев у меня будет сын.

– Вот это интересно! – хлопнул себя ладонями по коленям Абу-

Бакр. – А откуда тебе известно, что сын? Это может знать только Аллах!

– Аллах и ультразвук. Я своими глазами видел у него то, что бывает только у мужчин.

– Это – грех, – нравоучительно заметил Абу-Бакр. – Человек не должен знать того, что ждёт его за поворотом.

– А ты сам? – не без ехидства поинтересовался Руслан.

Абу-Бакр ожёг его пронзительным пламенем огромных чёрных зрачков и снисходительно усмехнулся: – Так я для того и хожу туда-сюда, чтобы при случае вам, молодым дуракам, одну очень важную вещь сказать: лучше не знайте о том, что обещает Аллах. Он ведь может и передумать. Сегодня пообещал, а завтра забрал...

Руслан вздрогнул, и это не укрылось от Абу-Бакра.

– Я всегда знал, что не хватает в тебе настоящей мужской стойкости, – с сожалением заметил тот. – Так давай же хоть теперь поговорим по-мужски – обещаю, что кроме тебя и меня об этом разговоре никто не узнает.

Бык встал и уже медленнее прошёлся по комнате. У валявшегося в углу портфеля он остановился и достал оттуда какой-то пакет.

– Кое-что хочу тебе сообщить, – произнёс он, возвращаясь к столу и швыряя пакет на стол. – В прошлый раз ты говорить об этом не захотел, но теперь изволь выслушать. Так вот, знай: Катя не твоя дочь. И ни причём тут все эти шариатские дела – просто ты не её отец!

Оторопев от неожиданности Руслан, непонимающе уставился на Абу-Бакра. Тот ухмыльнулся: – Я ведь не напрасно языком молот, когда говорил, что жена твоя – блядь. Вот посмотри-ка на эти фотографии: она с этим красавцем-художником – помнишь его? – как раз мартом 2003-го, в Париже. А теперь посчитай – дочь твоя когда родилась? Никогда не задумывался, как так получилось, что вроде бы раньше срока, а по весу нормальная?

Он с отвращением бросил на стол ещё несколько снимков: – Ты смотри, смотри как она к нему льнёт. А вот здесь: глазки-то ишь блестят! Париж на баб действует как молодое вино – не представляю ни одной русской девки, которая отказалась бы романтично трахнуть в весеннем Париже...

Руслан уже ничего не слышал. Все давние, забытые подозрения и сомнения мучительно засвербили в мозгу, помимо его воли выстраиваясь

в стройную и логичную картину. Он с ужасом осознал, что это действительно слишком похоже на правду.

В глазах его замельтешили огненные пятна. Он вскочил на ноги. – Я убью её, суку! – прошептал он, бросаясь к двери.

Абу-Бакр был явно готов к такой реакции. Схватив Руслана сзади, он почти без усилия швырнул его на диванные подушки: – Держи себя в руках! – прорычал он. – С ней ты потом разберёшься, сейчас главное – это дело! Да и ещё надо подумать, как с сыном быть...

Он удивлённо крутнул головой. – Мне странно, что это для тебя сюрприз. Напрасно что ли мы вас в лагере учили кто такие русские женщины? И ты сам-то за все эти годы не разобрался? – Абу-Бакр укоризненно хмыкнул. – Да, вконец обрусел ты, брат. Вот ведь русские мужики прекрасно знают, что все их бабы – бляди, но каждый почему-то уверен, что именно ему жена досталась совсем другая! ...

Он захохотал, но, сразу оборвав себя, вернулся к главной теме: – Давай-ка лучше обдумаем, что ты скажешь тестю, чтобы он ничего не заподозрил.

– Да что тут обдумывать! – словно произнёс кто-то за Руслана его голосом. – Катя давно уже этой Ёлкой бредит. Она сама его и попросит.

Он поднялся с дивана, разминая сдавленное Абу-Бакром предплечье. – А что она сможет там сделать? Перед входом ведь всех обыскивать будут, даже детей.

– Не забегай вперёд, – отрезал Абу-Бакр. – Есть у нас кое-что на уме... Короче, сегодня же поговори с тестем, а вечером, как обычно – встречаемся в спортзале. Там и побеседуем. И смотри – чтобы жена ничего странного в твоём поведении не заметила. А наказать её, как и полагается мужчине, ты ещё успеешь, клянусь Аллахом.

Когда Руслан оказался на улице, там светило необычайно яркое для запоздалого бабьего лета солнце, однако ему казалось, будто он шагает в кромешной тьме. Полыхающие в его душе языки эмоций словно ослепляли его изнутри.

Выходит, он все эти годы жил унижительной жизнью обманутого мужа и даже не догадывался о том! И всё это время над ним потешались его собственная жена и какой-то пижон, на которого Руслан даже взглянуть считал ниже своего достоинства. А ведь может быть и ещё кто-то об этом знал!? А может быть и не только знал!?!...

Он казался себе самым опозоренным человеком на свете. Так вот что значит попытаться стать своим в мире, которому не принадлежишь!

Домой в таком состоянии возвращаться было невозможно. Да и какой это для него к шайтану дом после всего этого?! Как он сможет вообще разговаривать с женой, а тем более чтобы она не заметила, что с ним творится?

Он решил немного походить по улицам и остудить kloкочущие огнём мозги. Остановившись у парапета набережной, долго глядел на

свинцовую воду Москвы-реки. Невыносимо хотелось курить, но под давлением Абу-Бакра он был вынужден совсем бросить это дело.

Постепенно всё начинало возвращаться на свои обычные места. Осенний ветер словно выдувал из него гипнотическое наваждение. Да, Людмила заслуживает наказания, и наказать её обязан именно он, Руслан. Но ведь она носит во чреве его сына – а в том, что это именно его сын, он нисколько не сомневался. В последние годы Людмила была настолько посвящена лишь семье и работе, что даже с ближайшими подругами по сути дела не общалась.

Насколько ли непростительна её вина? Сейчас он попытался взглянуть на их прошлые отношения не глазами юнца, воспитанного на суровых канонах горского представления о женщине, а под углом зрения «цивилизованного» человека, допускающего право женщины на свою неприкосновенную территорию. Станным образом, хотя понять поступок Людмилы он не мог, принять это он был в состоянии.

И самое главное тут – в чём виновата Катя?

В его душе жили свои собственные, глубоко проросшие чувства к ней, которые оказалось не в состоянии заглушить даже омерзительное открытие того, что она – не его родное чадо. Да и правда ли это? Катя ведь настолько походила на него: в ней ещё в младенчестве мелькало порой нечто кавказское, возрождавшее в памяти Руслана столь милые бабушкины или материнские черты...

Тут Руслан вдруг припомнил, что этот проклятый художник был ещё больше похож на южанина, чем он сам – видимо, проявились отголоски семитских кровей – и опять заскрежетал зубами от нового приступа боли и ненависти.

Ему нестерпимо хотелось немедленно найти этого живописца и заставить его самому отрезать себе яйца. Ах, какой же он был осёл, что не сделал этого превентивно, сразу после того как узнал о его одержимости Людмилой!

Остыть никак не получалось. Уже не первый раз в жизни он пожалел о том, что не наделён европейским темпераментом, позволяющим бесстрастно взвешивать самые различные обстоятельства, вместо того, чтобы импульсивно реагировать по наитию. Его наитие слышало сейчас лишь гневный хор голосов предков, категорично заглушающий все остальные голоса и требующий одного – отмщения, в то время как сдержав лавину эмоций, он мог бы рационально проанализировать всё разнообразие оттенков ситуации.

Опыт врача настойчиво пытался напомнить Руслану, что самый очевидный диагноз зачастую может оказаться ошибочным именно из-за того, что не приняты во внимание несущественные, на первый взгляд мелкие детали. Но то была медицина, а здесь – его личное, оскорблённое «я».

...Он вдруг осознал, что со стороны напоминает, верно, безумного маньяка, бродящего неровными кругами перед подъездом дома на набережной, в то время как за ним с любопытством наблюдал выглянувший вдохнуть свежего вечернего воздуха несменяемый вахтёр.

– Что не отдыхается, Руслан Борисович? – подобострастно поинтересовался тот, не только впервые за много лет признав его, но и с неуловимой церемониальностью открывая дверь перед ним словно перед действительным статским советником, или кем-то в этом роде, в чём Руслан не очень разбирался.

Войдя в подъезд, Руслан приостановился. Разговор с почти незнакомым человеком из народа наверняка поможет успокоить кипение мыслей. Он уже давно испытывал некоторое угрызение совести за своё демонстративно неприязненное отношение к этому привратнику, не отдавая себе отчёта за что именно. Дед честно делал своё незатейливое дело как минимум лет тридцать, упрямо оставаясь самим собой уже не одну эпоху, и кто знает – может быть, именно благодаря таким дубоватым, но добросовестным трудягам и удерживался на своей оси мир, с опасным скрипом заносимый то в одну, то в другую сторону крутыми изгибами истории...

Он обернулся и внимательно посмотрел на вахтёра. – Вы ведь настоящий русский человек – скажите, какое время было для России самым правильным?

Тот не удивился вопросу, а напротив заговорщически улыбнулся, будто Руслан явил свою принадлежность к их общей тайной партии. – Тут двух мнений быть не может, – обстоятельно начал он, поправляя древние, оплетённые синей изолентой очки. – Такого порядка как при Иосифе Виссарионовиче никогда не было: возьми хучь подъезд, хучь всё государство. И то посмотреть, кто в этом доме жил? Тогда – генералы одне, артисты заслуженные... А сейчас? Жулики-хапуги, да чурки с деньгами понаехавшие! Ваша теперь семья из самых приличных, можно сказать...

Руслану внезапно стало тошно от этого сермяжного откровения. Не дослушав, он круто развернулся и быстро пошёл к лифту. Неприязнь по наитию в этом случае себя полностью оправдала.

Старик зло усмехнулся ему в спину, будто навечно вычёркивая из списка союзников. – А Сталин ещё вернётся, – услышал Руслан вслед скрипучее заклинание. – Без хозяина русскому человеку никак нельзя...

Опустив глаза на половичок, он резко позвонил. Дверь почти тут же открыла Людмила, её за ноги обнимала хохочущая Катя, и Руслан не смог не поцеловать как всегда их обеих. Охватившее его было желание ударить жену так, чтобы она, сразу признав свою вину, покорно рухнула перед ним на колени, угасло в нём, едва он увидел их наполненные смехом любящие глаза.

– А ну-ка, иди к папе, – отведя взгляд от жены, невольно смягчаясь, сказал он и бережно поднял Катю. Дочь продолжала хохотать, искры счастья сверкали в малахитовых, по-восточному слегка удлинённых глазах, и привычно сжав её в объятьях, он подумал, что всего того ужасного, едва не разорвавшего душу, просто не существует.

– Русик, ты так рано сегодня, – извиняясь, быстро заговорила Людмила. – У меня ещё ужин не готов. Подожди, пожалуйста полчаса, я...

– Мне на тренировку. Ужинай без меня, – решительно оборвал он её.

– Да, папа звонил, – донёсся уже из кухни голос жены. – Представляешь, он достал для Катки пригласительный на Кремлёвскую Ёлку!

Руслан застыл на месте. Он опустил дочь на пол и внятно сказал: – Катя на эту Ёлку не пойдёт.

– Ну почему, пап?! – сразу заняла Катя, заглядывая снизу ему в глаза. – Дедушка сказал, что там самый настоящий Дед Мороз будет! ...

Людмила, держа в руках тарелки, удивлённо выглянула из-за кухонной двери: – Действительно, почему, Русик? Она уже так давно хочет пойти...

– Потом объясню, – коротко ответил Руслан, снимая с вешалки спортивную сумку, и не обращая внимания на негодующие возгласы жены и дочери захлопнул за собой дверь.

– Приглашение будет, – войдя в спортзал, бросил он вместо приветствия сидящему на татами Абу-Бакру.

Тот по-тигриному мягко вскочил на ноги: – Молодчина, брат! Ну, остаётся лишь кое-какие детали подработать – и ждать, да ниспошлёт нам Аллах терпения... Давай, переодевайся скорее, у меня руки чешутся! – заревел он, подпрыгивая.

7 ноября, 20... года Москва, МКАД

– Так как же всё-таки быть с моим сыном? – вновь упрямо повторил Руслан свой вопрос.

Машина на бешеной скорости неслась в левом ряду кольцевой. Вспышками дальнего света водитель заранее предупреждал идущие впереди автомобили, и те послушно уступали дорогу.

Абу-Бакр покосился на Руслана. – Не беспокойся, это дело мы продумали, – процедил он. – Жену твою придётся в тот же день вывезти в безопасное место, там пусть рожает, кормит – под присмотром, конечно, чтобы глупостей не наделала, а через год-полтора – заберём у неё сына, нашим женщинам на воспитание. А её – тебе выдадим, если захочешь. Сделаешь с ней то, что положено сделать мужчине.

– А как же её отец? – с сомнением покачал головой Руслан. – Он все силовые структуры на уши поставит, чтобы дочь и внука найти.

– Это пусть тебя не волнует! – захохотал Абу-Бакр. – Об этом мы тоже позаботимся. Парня твоего спасти надо – ведь в нём течёт истинная чеченская кровь! Вырастим из него настоящего джигита. Потом, если позволит Аллах, будет при тебе. А чего сможет дать ему эта твоя бледнокожая блядь?

Руслан скрипнул зубами.

– Вот наглец, а! – вмешался в разговор водитель, раздражённо заколотив по клаксону. – Не догоняет что ли, кто за ним едет?

Они почти с километр неслись вплотную за каким-то джипом, упорно не желаям менять полосу, несмотря на то что «Мерседес» в упор светил ему дальними фарами словно рентгеном прямо в заднее стекло и всё рискованнее сокращал дистанцию, уже едва не касаясь заднего бампера.

Джип наконец вильнул на обочину, пропуская «Мерседес» вперёд, и тут же на нём засверкали милицейские мигалки.

– Менты! – воскликнул Руслан.

– Ну так и что – менты? – презрительно бросил Абу-Бакр. – А ну-ка стой! – приказал он водителю. – Пошли, разберёмся с этими невежами.

Чуть помедлив, Руслан выпрыгнул из машины вслед за Абу-Бакром. Тот уже грозно тыкал в нос майору милиции какое-то удостоверение: – Ты что, бля, по номерам не видишь, кто едет, а, майор?! Ты почему наше драгоценное время отнимаешь?

– Так у вас номера грязью забрызганы, – не совсем почтительно огрызнулся милиционер. – Откуда мне было знать, кто вы такие...

– Ты сам, сука, весь в грязи, – с отвращением процедил Абу-Бакр и, поворачиваясь, легко ткнул майора локтем в лицо. Тот ничком рухнул на обочину, схватившись почему-то за шею. Второй милиционер бросился было к Абу-Бакру, уже вразвалку шагающему к «Мерседесу», но водитель остановил его жёстким пинком ноги в грудь, и он точно бревно повалился рядом с первым.

– Совсем обнаглели, – буднично пожаловался Абу-Бакр Руслану, когда «Мерседес», со скрежетом расшвыряв гравий с обочины, прыгнул в свою привычную левую полосу. – У меня уже корочки затрепались – чуть ли не каждый день достаю. Ну ничего, скоро навсегда поймут, кто здесь хозяин...

Недобро усмехнувшись, он порылся в лежащей между ними сумке и бережно извлёк из неё изумительной красоты широкий пояс, расшитый золотыми узорами. – Ты вот лучше взгляни-ка на эту прелесть: последнее достижение взрывной техники – спецы из Пакистана сработали. Поражающие элементы – на основе нанотехнологий... Тьфу! Да какие к шайтану могут быть технологии без воли Аллаха?

С непритворным благоговением Абу-Бакр погладил вязь золотых нитей: – Это же истинное чудо – на него ни один прибор не реагирует, и при этом мощи как в 10 кило тротила. А главное – совершенно безопасен!

Он несколько раз резко изогнул пояс, затем хлестнул им водителя по спине. Тот радостно заржал.

– Сам никогда не взорвётся. Надо только в нужное время три кнопочки нажать. – Он словно восточный фокусник извлёк и поиграл в воздухе своим мобильным телефоном.

Взгляд Руслана словно замороженный следил за страшным предметом. – А как ты будешь знать, когда нажимать на кнопочки?

Абу-Бакр осклабился: – Э, брат. Ты не поверишь: с их камер слежения в Гербовом зале картинка будет передаваться прямо сюда! –

Он ткнул чёрным ногтем в дисплей телефона и назидательно добавил: – Я ведь говорил тебе: наши люди – везде.

Он протянул пояс Руслану: – Тяжеловат немного для ребёнка, но пусть пока дома поносит, привыкнет к нему. Скажи, что без него на Ёлку не возьмут. Да не бойся, мне раньше времени кнопки нажимать ни к чему! – засмеялся он, заметив промельк ужаса в глазах Руслана.

14 ноября, 20.. года
Москва, Смоленская набережная

Это была уже седьмая или восьмая за ночь сигарета. За прошедшую неделю Руслан, пренебрегая недовольным ворчанием Абу-Бакра, курил практически не переставая. Он так и не понял, помогает ли это ему думать, или наоборот лишь задурманивает голову, не позволяя впускать в неё то страшное, чего он не желал туда впускать.

С того самого момента, когда он взял в руки этот проклятый пояс, он ещё ни разу не смог по настоящему уснуть. Надменно великолепный предмет своим презрительным поблескиванием словно живое существо гипнотизировал его, вызывая паралич воли и ощущение невозможности выбора.

Кате его он даже не показывал. Людмила, случайно обнаружив пояс в спортивной сумке Руслана, из которой доставала одежду для стирки, обалдела от восхищения и примчалась к Руслану с поцелуями, но Руслан лишь наорав на неё по какому-то пустяковому поводу, зло вырвал пояс из обиженно опустившихся рук и швырнул в глубину шкафа.

– Ещё не время, – кратко объяснил он свои действия.

Пояс словно стал вещественным олицетворением неотвратимой Силы, которая на своём слепом пути была предназначена уничтожить, превратить в ничто, разметать на нелепые, бессмысленные частицы то живое и тёплое, что он продолжал любить больше всего на свете – его девочку Катю. И главное, что теперь было необходимо понять: действительно ли эта Сила исходила от Бога?

Однако на этот казалось бы простой вопрос он так и не мог отыскать в себе ответа.

Истовые, доходящие чуть ли не до транса молитвы в этом не помогали. Бог словно сурово замолчал, принуждая Руслана самому принять самое важное в его жизни решение.

Заходя в очередной тупик после опустошающе бесплодных размышлений, он опять и опять с содроганием принимался выверять, не суть ли его колебания искушение Сатаны?!

С каждой ночью, проходящей в адски мучительных попытках решить эту дилемму, он всё больше сознавался себе в том, что даже если это и бесовские козни, совладать с ними он не в силах. Убить доверчивое, ни в чём не повинное маленькое существо, пусть даже и во имя великой

цели, пусть даже доказывая свою преданность Господу, заставить себя он не мог.

Но как избавиться от всего этого обволакивающего кошмара?

Сейчас он видел лишь один остающийся выход. Этот выход являлся постыдным и гадким, он низводил Руслана почти до полной потери самоуважения, и во многом был ужаснее смерти, но иного варианта он для себя не видел.

...Дождавшись половины седьмого утра – времени, когда обычно просыпался тесть, Руслан набрал его номер.

Тот снял трубку не сразу, однако голос был уже вполне бодрым.

– Нам надо срочно встретиться, – не расходуя лишних слов, коротко сказал Руслан.

Тесть раздражённо чертыхнулся: – Я через пять минут выезжаю в Шереметьево! Вернусь через пару недель. Что стряслось?

– Мне нужно сообщить нечто очень важное. По телефону не могу.

– Ну ты панику поднял, – в голосе тестя явно слышалось недовольство. – А две недельки это не подождёт?

– Две подождёт, – упавшим голосом согласился Руслан. – Но я вас очень прошу: позвоните мне сразу как только вернётесь. Это очень, очень важно... Это касается Кати! – вдруг почти выкрикнул он.

– Ну конечно, конечно. Мне же тебе надо пригласительный для неё отдать.

Телефон умолк. Руслан с досадой швырнул его в угол и выудил из пачки последнюю сигарету. Что-ж, придётся ждать. А в том, что тесть перестал относиться к его словам всерьёз, он виноват сам – заигрался, выставляя себя в роли клоуна. Не удивительно, что теперь тестю даже поговорить с ним недосуг.

Однако те прежние игры были каким-то фарсом, больше похожими на безобидный розыгрыш. Комбинация, которую он затевал теперь, становилась смертельно опасной для всех, кого он вольно или невольно в неё вовлёк.

3 декабря, 20.. года

Москва, старый Арбат, кафе «Шоколадница»

– Вам ещё кофе? – со слегка издевательской интонацией поинтересовалась официантка.

Руслан рассеянно вскинул на неё глаза. – Нет, спасибо, – вежливо ответил он. – Принесите мне, пожалуйста, какой-нибудь... бутерброд.

Время близилось к обеденному, и намёк официантки был более чем прозрачен: свободных столиков в кафе почти не осталось. Он ещё раз с недоумением взгляделся в часы: тесть, с которым они наконец договорились здесь встретиться, задерживался уже больше чем на сорок минут, а это для него было совсем не свойственно.

Руслан извлёк из кармана телефон и начал было набирать номер тестя, но трубка вдруг запульсировала у него в руке сигналом Людмилы.

Поморщившись, он недовольно нажал на зелёную кнопку: – Да.

– Руслан! – вонзился в него крик жены. – Папу убили!!!

– Не может быть! – у Руслана крупно затряслись руки. – Когда? Как это случилось?

– Час назад!... он выходил из подъезда... кто-то из снайперской винтовки... прямо в сердце! Приезжай скорее, мне очень страшно!!!

– Ты где?

– Я у мамы. Ей совсем плохо, она даже говорить не может...

С гулко бьющимся сердцем Руслан опустил трубку на стол. Так вот что означало «об этом мы позаботимся». Действительно, позаботились! Да так ловко, что и ему последний выход из мышеловки захлопнули.

4 декабря, 20... года

Москва, Парк Культуры, спортзал

– Зачем это было нужно?! – влетел Руслан в полутёмный зал.

– А что ты так разволновался? – с любопытством поднял тяжёлые веки сидящий на полу Абу-Бакр.

– Я-то ничего, – поневоле убавил тон Руслан, – А вот жена на грани психического срыва – ей нельзя нервничать на таком сроке!

– Э-э! – недовольно оборвал его Абу-Бакр. – Мы ещё бабские истерики в свои планы не включали!

Он раздражённо встал. – Когда же ты из этого мальчишеского возраста вырастешь? Ты почему наивный такой? Я всё ждал, что ты сам обо всём догадаешься...

– О чём... догадаюсь? – в растерянности переспросил Руслан.

Абу-Бакр повелительно положил свинцовую руку на его плечо: – Ну тогда садись и слушай. – Он с усмешкой поглядел в глаза Руслану. – Как думаешь откуда мы о тебе и твоей семье всё так хорошо знали? А, вот, вот, вижу – догадался! Всё правильно: он давно уже был у нас на содержании.

– Не может быть! – прошептал поражённый Руслан. – Но он ведь Яндарбиева в Катаре взорвал, охотой на Басаева руководил...

– О-хо-хо! – довольно взревел Абу-Бакр. – Ну, Зелимхана он по нашему приказу убрал – тот очень сильно нам мешал тогда. Заодно и русских на весь мир террористами выставили. А вот Шамиля он мало того, что помог из-под удара вывести, так ещё и результаты опознания подменил – чтобы даже искать его больше не подумали! И за всё это умудрился кроме наших бабок ещё и Героя России получить!

Бык отёр слёзы со смеющихся глаз. – Прыток был мужик, нечего сказать. Но с нами напрасно в игры играть попытался – этого ещё никому не удавалось.

Он стал серьёзным: – Думаешь, мы не знаем, чего он тебе предлагал? Это он кстати, по своей инициативе тебя вербовать пытался. Мы тут все хохотали, когда он возмущался, какой же ты лох. Неплохо ты его провёл! – Абу-Бакр потрепал Руслана по загривку. – Правда, если честно, я думал, что ты мне сам обо всём расскажешь. Ну, не рассказал – и ладно, у тебя личные мотивы. Своих не сдают, а ты же его своим считал, так? В-общем, тут ты как настоящий кьонах поступил, за это уважаю.

– Так... он разве не понимал, что подставляет мужа своей дочери, отца собственных внуков?! – по-прежнему не веря, пробормотал Руслан. – А внучку любимую...

Абу-Бакр прокашлялся: – Ну, насчёт наших истинных планов он, конечно, ничего не знал. Мы его тоже за нос водили – будь здоров! Но в принципе, мужичок гнилой был, тут я согласен. Прекрасный пример тебе ещё раз убедиться, что для этих людей ничего святого нет.

Он и друга своего – генерала Шпигуна, может слышал? – под нас подвёл. Тот тоже верить не хотел, что лучший товарищ его предал: просил перед смертью дать возможность в глаза ему посмотреть. Мы собирались было устроить – интересно в такие моменты за людьми наблюдать, но слишком хлопотно это оказалось...

Руслан помотал головой. Целый мир вокруг него, представлявшийся столь реальным и незыблемым, вероломно рассыпался по частям словно колдовской воздушный замок, не оставляя ни единой точки опоры. Отчаянно пытаясь зацепиться хоть за какую-то тающую надежду, он проговорил:

– А как теперь быть с приглашением на Ёлку? Он... он ведь мне его так и не отдал.

Абу-Бакр, насмешливо поглядывая на него, наклонился над лежащей на татами длинной сумкой и выудил из кармашка небольшую яркую картонку. – Всё у нас в руках, брат, – внушительно проговорил он. – Ты что, до сих пор в этом сомневаешься?

14 декабря, 20... года

Москва, Страстной бульвар, ресторан «Марракеш»

Перед входом в ресторан Руслан замедлил шаг и ещё раз быстро провёл рукой вдоль левого бока. Ножны удобно притаились под мышкой, так что довольно плотно облегающая тело куртка нигде не топорщилась. Главное – плотно прижать к себе клинок во время традиционных объятий с Абу-Бакром, потом – неторопливо до середины расстегнуть замок на груди, потом – при первой же возможности – выхватить нож, ускоряя круговое движение кисти и превращая его в точный, разящий удар!

Всю дорогу от дома до ресторана он методично забивал в подсознание этот нехитрый алгоритм действий, чтобы в нужный момент

всё сработало автоматически, без потерь драгоценных мгновений на обдумывание и колебания.

Несмотря на методично тщательную подготовку, сам он не верил, что ему удастся так просто убить Абу-Бакра – скорее, надеялся достойно умереть в этой безжалостной схватке. Пытаться одолеть этого Джалута⁵⁰ в открытом бою было смешно, к тому же Руслан честно признавался себе, что Абу-Бакр способен парализовать всю его решимость просто грубым окриком.

Оставалось по-предательски дожидаться момента, когда станет возможным нанести коварный удар в уязвимую точку. Это было отвратительно, против этого протестовал каждый импульс его сознания, однако только ценой такой низости было возможно спасти Катю.

Каким странным это ни могло показаться, идея уничтожить Абу-Бакра до недавнего времени даже не возникала в его голове. Он всегда подспудно был уверен, что тот легко читает его мысли и немедленно всё поймёт, стоит лишь Руслану подумать об этом.

Да и возможно ли такое вообще? Этот исполин казался абсолютно неуязвимым. Руслан ничего не мог поделать со встроенным в него чеченским императивом безусловного почитания силы. Преклонение перед чинами, рангами, сословиями, даже перед богатством считалось постыдным у его народа. Однако физическому превосходству, и особенно силе характера беззаветно повиновались всегда. Восстать против этого было равнозначным восстанию против себя.

Но ничего другого просто не оставалось.

Возможность самоубийства как выход из ситуации вообще не принималась им в расчёт. Лишение себя жизни, если только это не происходило на войне, в интересах джихада, всегда относили к наиболее постыдному из мыслимых грехов. Добровольный уход от нерешённых проблем не мог иметь никаких оправданий и был символом позорного, слабодушного отказа от привилегии называться не только мужчиной, но и человеком вообще.

Десять дней назад, когда им было принято решение попытаться покончить с Абу-Бакром, он заточил по-боевому самый подходящий из ножей тестя, найденный среди охотничьего снаряжения. Ножны удобно приладил у себя под мышкой. Несколько дней тренировался мгновенно выхватывать клинок и на этом же молниеносном движении бить.

Никакой ненависти к Абу-Бакру он не испытывал. Он не причислял его к силам Зла, скорее – к слепой, безжалостной стихии, ненароком смявшей его жизнь; случайному ночному кошмару, от которого уже много лет нестерпимо хотелось проснуться. По каким-то извилистым доводам подсознания убить этого человека казалось проще, чем сказать ему «нет».

⁵⁰ Джалут – в мусульманской мифологии – персонаж, соответствующий библейскому гиганту Голиафу. Был побеждён почти безоружным Даудом.

На крыльце Руслан приостановился и поднял глаза к бесстрастно-чёрному декабрьскому небу. Кружащие снежинки заспешили влажными мелкими поцелуями запятнать его пылающее лицо.

– Бисмиллах! – прошептал он, решительно распахивая дверь ресторана. Оливковый официант, не подавая вида, что когда-либо встречал Руслана, молчаливо сопровождал его по привычному маршруту и растаял. Перед дверями в «кабинет» Руслан оцупал себя в последний раз и похолодел: ножны были пусты!

Его рассудок на мгновение помутился. Отказываясь верить происходящему, он яростно рванув куртку, сунул руку за пазуху – ножа не было...

Резная дверь отворилась перед ним. – Входи, чего там чешешься? – благодушно буркнул Абу-Бакр, поворачиваясь к нему могучей спиной. Рука Руслана дёрнулась, рефлекторно исполняя заученный, но теперь уже бессмысленный приказ. Он едва не взвыл от досады и ненависти к себе.

Но как такое могло получиться?! Он готов был поклясться Аллахом, что несколько секунд назад нож был на месте! Неужели он выронил его, уже идя по ресторану?

Абу-Бакр резко обернулся и пытливо взглянул на Руслана. – Что с тобой, брат? Ты какой-то совсем опущенный последнее время.

Руслан медленно дошёл до середины комнаты и опустился на стул. – Людмилу положили на сохранение, – выдал наконец он. – Больша́я вероятность выкидыша. От всей этой нерво́трёпки, да ещё и старая история с эклампсией...

– Вот и прекрасно, это даже к лучшему – чтоб под ногами не путалась, – невозмутимо отреагировал Абу-Бакр. – Видишь, как Аллах её наказывает? А сына твоего Он по любому спасёт за твою перед Ним покорность – Аллах велик и милосерд!

Руслан с огромным трудом поднял глаза и посмотрел в лицо великана. Он всё ещё был оглушён мистическим исчезновением ножа. Вынудить себя вернуться и попытаться его найти казалось выше всяких сил. Из его тела будто в один момент испарилась вся энергия.

– Велик и милосерд... – механически повторил он.

Абу-Бакр фыркнул: – Э, нет – так не пойдёт! Я не хочу брать тебя в бой в таком состоянии. У того, кто идёт на важное дело понурим, через силу – обязательно что-нибудь не получится, сорвётся. А мне надо, чтобы у тебя в глазах звёзды горели!

Словно подавая пример, он энергично потёр могучие руки. – Ну, ничего – мы тебя подлечим! Я тут приготовил два подарка. Итак, слушай: во-первых – там будет Ильяс! Вот и прекрасный шанс у тебя за отца с ним рассчитаться, как я и обещал.

Руслан встрепенулся: – Я хотел сделать это один на один! Чтобы он узнал, за что и от кого умирает.

– Не беспокойся, на небе ему сообщат. За ним грехов столько, что уж кто-кто, а он прямиком на собеседование с Иблисом отправится.

– А второй? – уже заинтересованнее спросил Руслан.

– Что второй?

– Ты сказал: два подарка.

– А-а!.. – интригующе повёл бровями Абу-Бакр. – Имеется и второй. Есть некий человек, которого ты счастлив будешь сейчас увидеть.

Он подчёркнуто неспешно подошёл к двери и торжественным жестом растворил её. За дверью в длинном халате стоял шейх Бамматгирей-хаджи.

Руслан вскочил, опрокидывая стул. Сердце резко забило от охватившего его безотчётного волнения. Он порывисто бросился навстречу старику.

Шейх заметно постарел. Прошедшие годы согнули его спину, но добрые глаза лучились прежней пытливой мудростью. Он с улыбкой протянул Руслану обе руки: – Я рад снова видеть тебя, сын мой! Ты ещё не забыл те строки Священного Корана? «И возьми то...

– ...что Посланник принёс тебе», – благоговейным шёпотом произвольно продолжил Руслан.

Шейх ободряюще улыбнулся и коснулся рукой головы Руслана: – Я помнил о тебе всё это время, сын. Я знал, что на тебе лежит печать того, кто призван спасти этот мир. – Он с трудом сделал небольшой шаг вперёд.

Руслан бережно помог старику дойти до расшитого арабской вязью ковра, постеленного перед массивным, заваленным разнокалиберными подушками угловым диваном, и вслед за муфтием опустился на мягкий ворс. Абу-Бакр с почтительным видом встал на колени поодаль.

На стене, лицом к которой обратился старик, была изображена Кааба – Великая мечеть в Мекке, почитаемая мусульманами как сердце земной цивилизации, и бывшая, как помнилось Руслану, самым первым храмом на Земле, построенным ещё Адамом, разрушенным впоследствии Великим потопом и восстановленным Ибрагимом.

При первых же звуках молитвы, которую шейх начал читать своим негромким, распевным голосом, у Руслана затрепетала в душе целая капелла струн, о существовании которых он давным-давно позабыл. Он обрывисто повторял слова суры, ибо горло его то и дело перехватывали спазмы.

«Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного... Хвала Аллаху, Господу миров... Всемилостив и Милосерден Он один... Дня судного один Он Властелин... Лишь пред Тобой колени преклоняем и лишь к Тебе о помощи взываем: «Направь прямой стезёю нас, что Ты избрал для тех, кто милостью Твоею одарён, но не для тех, на ком Твой гнев и кто в неверии блуждает» ...

Словно луч, прорвавшийся в спрессованную темноту, в него возвращался сокрытый долгие годы свет, наполняя самые потаённые уголки души и делая всё отчётливо различимым и наконец-то понятным.

Когда напевы мелодичного речитатива затихли в полутёмной комнате, Руслан уже не думал ни о чём. Всеми своими силами он сдерживал рвущиеся из него слёзы безудержного покаяния.

– Скажи, сын мой, – немного помолчав начал старик. – Что так мучает тебя? Я вижу глубокую печаль на твоём лице, и сердце моё

исполняется состраданием. Неуверенность в том, что делаешь – есть грех, ибо это говорит о твоём сомнении в милости Аллаха. Никто не спасётся, кроме тех, кто стоял твёрдо.

– Я... я не могу понять, – хрипло заговорил наконец Руслан, справляясь с собой. – Если Аллах своей волей уже оделил меня великой милостью, дав мне ребёнка и открыв мою душу для любви к нему – почему же он требует теперь принести этого ребёнка в жертву? Ведь... – Он снова запнулся. – Ведь это – самое ценное, что у есть у меня в жизни! – едва выговорил он.

Старик внимательно и сочувственно смотрел на него.

– Чем дороже для тебя то, что ты приносишь в жертву Аллаху по его велению, тем угоднее для него ты становишься, – негромко сказал он. – Да, это кажется мучительным, но мученичество Аллах предоставляет из Своей милости – так что не позволяй препятствовать себе от этой награды.

Он помолчал, затем поднял ладони к потолку. – Валлахи! Настоящими избранными назначил Он тех, кому дано преодолеть истинно дьявольское искушение. И ты – один из этих немногих. Только представь себе, сколь угоден станешь ты Аллаху, если принесёшь Ему доказательство того, что любишь Его больше самого дорогого для тебя на свете. Ведь Он и дал тебе всё это чтобы проверить, не прельстишься ли ты земными радостями и утехами, не забудешь ли Его имени, повторяя иные имена.

– А ты ещё вспомни славное имя Ибрагим, которым тебя удостоили, – с жаром вмешался Абу-Бакр. – Это же как знак Аллаха на тебе! И ведь Ибрагим⁵¹ принёс в жертву сына, подумай только – СЫНА! – а это всего-навсего дочь, да и то от блудницы...

У Руслана непроизвольно скрипнули зубы.

Муфтий из под седых бровей посмотрел на Абу-Бакра и смиренно произнёс: – Позволь мне, амир, поговорить с моим учеником наедине. Есть вещи, о которых не должен слышать никто, кроме духовного наставника.

Абу-Бакр покорно, хотя и недовольно повиновался. Тяжёлые створки двери бесшумно затворились за ним. Руслан и шейх остались в сумрачной комнате вдвоём.

Вздыхнув, старик неожиданно тепло обнял его: – Сын мой, как же тебе было тяжело! – сокрушённо покачивая головой, прошептал он. – Ведь ты не по своей вине оказался вынужден взвалить на себя весь этот сонм немыслимых грехов, которые мне даже невозможно себе представить...

Тонкой сухой ладонью он погладил Руслана по голове. – Скажу тебе честно: я опасался встречи с тобой, боясь, что ты окажешься не в

⁵¹ Ибрагим (в Библии – Авраам) – один из пяти крупных пророков Ислама. Предание о нём гласит, что один из двух сыновей Ибрагима – Исхак – является отцом евреев, а другой – Исмаил – отцом арабов. В качестве доказательства преданности, Аллах потребовал у Ибрагима принести Исмаила в жертву, когда тот был ещё его единственным ребёнком. Ибрагим был готов сделать это, но в решающий момент Бог заменил Исмаила агнцем, которого Ибрагим и принёс в жертву.

силах отринуть от себя затянувший тебя дьявольский омут. Но сердце моё возрадовалось, едва я увидел твои глаза: ты – прежний, и ты открыт для истинного света!

Руслан с усилием поднял тяжёлую голову. Ему почудилось, будто из-под приопущенных век старика в него вглядываются бесконечно добрые, всё прощающие глаза Бога.

Внезапно то, что упрямо ещё продолжало сопротивляться в нём этому мощному, всепобеждающе яркому потоку, рухнуло словно долго возводимая, но безыскусная соломенная запруда на пути оттаявшей по весне свободной горной реки.

Сжав узкую руку старика, он попытался что-то сказать, но вместо этого, вдруг по-ребячески всхлипнув, зарыдал в голос, подвывая и задыхаясь от стыда и одновременно с ним очищающего до самого дна счастливого облегчения...

Он плакал, судорожно содрогаясь на коленях своего учителя, будто в попытках оправдания за невыполненную домашнюю работу, но старческая рука, невесомо теребящая его затылок, точно избавляла его не только от этого ощущения вины, но и легко даруя прощение всех других, самых невысказуемых грехов.

В доверчивом порыве убедиться во всесии этого помилования, он поднял залитые слезами глаза и с вызовом выдохнул: – Я хотел сегодня... убить Абу-Бакра!

Старик скорбно прикрыл веки, словно отгораживаясь от столь ужасающей правды. – Я знаю, сын мой, – тихо проговорил он. – Я знаю, что усилия Дьявола тем сильнее, чем ближе человек к признанию абсолютной власти Аллаха над ним. Немало ужасных, необъяснимых преступлений и отступничеств совершались теми, кто был в шаге от престола Господня, от входа в сады Фирдоуса⁵²...

Он мягко улыбнулся. – Именно потому я здесь, сын мой. Ты выкуплен Господом за дорогую цену, и вернуть долг тебе предстоит втридорога. Лишь так возможно не только смыть с себя эту без твоей вины покрывшую тебя грязь, но и стать тем избранным, знаком которого ты изначально был отмечен. Я буду беспрестанно молиться за тебя перед Аллахом.

Уже осознавая, что дороги назад нет и быть теперь не может, Руслан с отчаянием невнятно прошептал: – Господи, неужели не угодно тебе потребовать от меня любой другой жертвы? Я готов отдать жизнь свою, тело своё по частям от кончиков ногтей до не выросших ещё волос на любые муки, любому палачу, только бы не жить между этим выбором...

Он опустошённо замолчал, стремясь уловить поддержку в глазах шейха, но тот лишь продолжал грустно улыбаться.

– Что есть жизнь? – спросил наконец старик, вдруг невероятным образом преображаясь. Руслан с изумлением увидел перед собой вполне

⁵² Райские сады, четыре из которых описаны в суре «Ар-Рахман»-«Милосердный» (55-ая сура Корана).

молодого, пышущего румянцем человека, сияющие глаза которого оставались по-прежнему пронизательными и всё понимающими.

Руслан даже потряс головой, избавляясь от секундного наваждения. Нарастающее душевное напряжение последних недель, изнурительная бессонница начинали выкидывать каверзные трюки. Впрочем, в этот вечер он уже был готов поверить в любые чудеса.

– Жизнь... это... – он подбирал слова особенно тщательно, ибо нечто настойчиво нашёптывало ему, будто от этого ответа зависит не только его собственная судьба, но и судьба пока ещё вечного мира. – Жизнь... это то, что даровано человеку по милости Аллаха... испытание во имя Его...

Шейх благосклонно кивнул: – Вот именно! Мне даже не пришлось тебе это напоминать. Ты всегда был умным мальчиком. Но что из этого следует?

– То, что... что всё в нашей жизни... принадлежат Аллаху?

– Верно! – воскликнул старик. – Видишь, ты сам оказался способен дойти до сути. Валлахи, мы не имеем никаких прав на нашу жизнь, равно как и на жизни тех, которые, как нам порой кажется, от нас зависят. Ведь Всевышний прямо говорит нам:

*Познайте все, что жизнь в этом мире -
Забава лёгкая да тщета,
Взаимная хвальба, да суетная слава,
Да умножение добра и отроков своих.
И в этой суете подобны вы дождю,
Что поросль взрастит на радость грешным, -
Со временем она увянет, пожелтеет на глазах,
Иссохнет и осыплется в незримость.
И жизнь ваша в мире сём -
Лишь себялюбцев сладостный обман,
Что будет временем рассеян...*

От ритмичной красоты слов, как будто вобравших в себя мудрость мира, у Руслана снова выступили на глазах слёзы.

Заметив это, старик ласково прикоснулся к нему: – А чем больше имеет человек того, что ему дорого – тем больше у него возможностей заслужить милость Аллаха, отринув от себя всё это во имя Всевышнего. Жертвовать жизнью легко, когда она не даёт тебе ничего хорошего, но только и цена такой жертвы невелика.

Он поднял указательный палец: – Но когда у тебя есть то, что ты ценишь дороже всех богатств на свете, отдать это Аллаху – наивысшее из блаженств! Ибо сказано в священном Коране: не покупай за договор с Аллахом малой цены!

Помолчав, он заговорил другим, ещё более проникновенным голосом: – А готовность пожертвовать собственным ребёнком всегда была символом самой высокой преданности Господу. Как изрёк Посол Аллаха, Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует: «Ни один

из вас не уверует по истине до тех пор, пока я не стану для него более любим, чем его ребёнок, чем его отец и мать и все остальные люди!»

*Всё ваше достояние и дети –
Лишь испытание для вас.
А у Аллаха – величайшая награда!*

Руслан сквозь слёзы непроизвольно усмехнулся: термин «промывание мозгов» всегда казался ему надуманным, применимым лишь к примитивным, не умеющим самостоятельно мыслить существам, но сейчас он испытывал благодарное наслаждение от буквально физического ощущения того, как журчащий, прохладный поток незатейливых слов уносит из его воспалённой головы разрывающие её на части вопросы и жгучие сомнения.

– ...Поэтому подумай сегодня: если я отец, то сколько во мне заключено от искренности и самопожертвования Ибрагима, мир ему, – вернулся к нему голос шейха. – До какой высоты я способен подняться в деле служения Исламу?

Он довольно легко поднялся на ноги, обличающе глядя сверху вниз на Руслана: – Ты ведь уже признал, что на самом деле бессилён сделать что-либо, дабы спасти своего ребёнка. О том же говорит этот хадис: «Валлахи! Ты не обладаешь способностью принести пользу или вред ему или себе. Ни способностью причинять смерть, жизнь или воскрешение, ты не можешь увеличить его продолжительность жизни на даже небольшой срок, ни его хлеб насущный точкой на финике.

Валлахи! Всевышний более милосерден к ребёнку, чем его отец, мать, брат и дядя, и как же нет?! Оставь его! О ты! От твоего беспокойства относительно Того, Кто создал тебя и создал его, доверь его хлеб насущный на Того, Кто содержит тебя и содержит его. Ты сдал контроль Аллаху над делами доминионов и царств, и ты не отдаёшь Ему управление делами своего ребёнка, но имеешь ли ты даже небольшой контроль над подобным?»

Постояв с вздытыми руками, на которых упавшие рукава халата обнажили дрожащие иссушенные мышцы, старик вновь величаво опустился на ковёр.

– Твоя дочь, – доверительно заговорил он. – Она бесценна для тебя. Но ведь Аллах может легко отобрать её в любую секунду. Однако Ему угодно, чтобы это пожелал сделать ты сам, своими руками – и тогда эта жертва обратиться в немыслимое благо для вас обоих.

Руслан сокрушённо опустил голову.

– Да и жертва ли это? – тихо шепнул ему шейх. – Вспомни Ибрагима – его занесённую над сыном руку ангел, посланный Аллахом, остановил в самый последний миг. Ведь Богу важна чистота и искренность твоих намерений, но отнюдь не итог содеянного. А то, что ты едва помыслил сделать – уже совершенно в сердце твоём.

Он приблизил своё аскетическое лицо к заросшей полуседой щетиной щеке Руслана и внятно произнёс: – Кого Бог хочет спасти, того никто и ничто не сможет погубить. Если твой ребёнок из

благословлённых, то вы окажетесь воссоединены в Раю, но если из проклятых – он будет таковым несмотря ни на что. Люди Рая не соединяются с людьми огня.

Дети не несут на себе греха, и поэтому если они погибают в огне Джихада, то попадают прямо в рай. А для твоей дочери у Аллаха там найдётся специальное место. Подумай: это единственный для тебя шанс – спасти её и встретить потом в Раю...

Голова у Руслана уже давно кружилась во всё ускоряющемся приятном ритме. Расслышав его тихий стон, старик вновь поднял сухой палец: – Вот вспомни-ка эту суру:

*Ваше добро и ваши дети – не то,
Что может вас приблизить к Нам...*

– И дальше:

*Ах как прекрасно видится всем людям
Любовь земных страстей:
Тут женщины и сыновья,
Тут горы серебра и злата,
И меченые кони, и стада скота,
И вспаханная нива...
Сие – лишь сладостная тщета ближней жизни,
Обитель у Аллаха – много краше!*

Руслан потрянул головой и покорно посмотрел на шейха. Во взгляде его была боль: – О, учитель! Мои глаза теперь вновь открыты, благодаря Вам. Но почему же Аллах всё это время оставался глух к моим мольбам указать правильный путь?! Неужели на мне столько греха, что сердце было способно внимать лишь увещаниям Дьявола?

Старик загадочно улыбнулся: – Аллах всегда даёт совет тому, кто искренне просит его об этом. Давай-ка посмотрим, – трясущейся рукой он достал из-за пазухи ветхий томик Корана.

– Я просил Его! – с горечью воскликнул Руслан. – Я молил Его несчётное число раз подать мне хоть какой-то знак: дано ли мне право отнимать жизнь у людей. Ведь столько непричастных обречены будут погибнуть...

– А разве Он не дал тебе знак?! – изумился муфтий. – То, что он лишил тебя оружия, которое ты по-предательски намеревался пустить в ход против брата, это ли не знамение?

Руслан низко опустил голову.

– Такими ясными метами Аллаха усеян весь наш земной путь, – терпеливо продолжил старик. – Просто ты держал взаперти свою душу, не желая впускать в неё ничего божественного. Ну-ка, попробуй ещё раз! – он настойчиво протянул Руслану книгу.

С поклоном приняв Священное писание, Руслан наугад открыл его и, запинаясь, прочёл: – ...А кровь других также угодна Аллаху, свят он и

велик, как кровь животных. Ведь они – животные, звери, ибо они – неверные...

Старик с торжествующей улыбкой молча наблюдал за потрясённым Русланом.

– Вот видишь: это ли тебе не знак? – сказал наконец он. – А теперь давай я найду ещё один совет, в котором ты наверняка давно нуждался, – шейх бережно вынул Коран из его застывших рук.

Пошелестев шершавыми страницами, он задержал согнутый сухой палец на одной из них:

– ...Они хотят, чтобы вы были неверными, так же, как неверны они сами, для того, чтобы вы были одинаковы с ними. Не берите их в друзья себе, покуда не выйдут они на путь Аллаха. А если отворотятся они, то берите их, убивайте их, где ни найдёте их, не избирайте из них себе ни друга, ни покровителя. Неверующим в знамения Аллаха будет жестокое наказание: Аллах силён, мстителен...

Захлопнув книгу, старик долгим прищуренным взглядом посмотрел на Руслана. – Каждое слово этой Великой Книги содержит ответ на любой наш вопрос, лю-бой! Только видеть очевидное человеку всеми силами препятствует Лукавый. Нужно лишь быть искренне готовым принять Истину – и тогда она откроется сама: простая и ясная.

– Она открылась мне! – прошептал Руслан, поднимая на муфтия засветившиеся благодарностью глаза. – Слава Великому Аллаху – теперь она для меня наконец открыта!

Старик убогостороненно рассмеялся: – Воистину, слава Аллаху! Да пребудет в тебе навечно Его свет! – Он вдруг пронизательно сощурился. – Но мне сдаётся, ты получил ответы ещё не на всё, что было тебе непонятно.

Руслан сконфуженно кашлянул. – Это так, учитель. Могу ли я задать последний вопрос?

– Конечно задавай, сын мой. В таком важном разговоре у нас не должно остаться ни одной неясности.

Руслан собрался с духом: – Вы ведь суфий. Скажите, почему же вы сейчас поддерживаете ваххабизм?⁵³

Старик слегка удивлённо приподнял седые брови. – Это самый сложный вопрос из тех, что мы обсуждали сегодня, сын мой, – серьёзно проговорил он и посмотрел в глаза Руслану. – Да, мне открылось это не сразу. Долго размышляя, я наконец понял, что в борьбе с Сатаной все мусульмане должны забыть о раздорах и служить одному Аллаху. Ваххабизм несомненно несёт в себе противоречия, но сейчас важно искать не их, а то общее, что нас связывает, и для этого обращаться к самым основам. Помнишь ведь нашу поговорку: вода чиста у истока.

⁵³ Суфизм – мистико-аскетическое течение в исламе, отличающееся своим творческим отношением к мусульманским первоисточникам, пытаясь дать объяснение и трактования тем аятам, которые в ортодоксальном исламе отнесены в разряд «муташабих» (непостижимые). Учение акцентирует эзотерические, сокрытые смыслы Корана и применяет для их толкования различных аллегорий и иносказаний. Такая гибкость учения часто вступает в противоречие с догмами консервативного ислама, особенно *ваххабизмом*, который агрессивно отрицает любые инновации фундаментальной религии, считая их привнесённой извне ересью.

И потом, я не называю это ваххабизмом. Это, скорее, саляфия – понимание религии в том виде, в котором её объяснял пророк и его сподвижники. По сути, она не имеет никакого отношения к различным течениям современного Ислама – лишь к изначальной Истине...

Тихо постучав, в дверях возник Абу-Бакр. Он внимательно поглядел на Руслана и, не сдержавшись, с радостью хлопнул в ладоши: – Не могу поверить! О, Аллах, свят он и велик! Предо мною – другой человек. Вот теперь я вижу огонь решимости в твоих глазах, брат!

Он низко поклонился шейху: – Спасибо вам, учитель! Вы снова вдохнули в него жизнь!

Шейх смиренно поднял ладони к небу, а тяжёлый взгляд Абу-Бакра снова остановился на Руслане: – Ну так что, ты готов сделать это, брат?

– Да, – твёрдо ответил Руслан, резко вставая с колен. – И будет на то воля Аллаха.

Стараясь шуметь как можно меньше, он открыл входную дверь и проскользнул в тёмную квартиру. Он надеялся, что Катя уже спит в своей кровати. Меньше всего на свете ему хотелось видеть её именно сейчас. После столь стремительного переворота сознания, он не был готов к этому и намеревался провести всю ночь за молитвами, чтобы обрести в себе необходимую твёрдость.

С тех пор как Людмилу положили в больницу, ухаживать за Катей Руслану помогала Антонина – дородная, добродушнейшая тётка Людмилы по матери, оказавшаяся неожиданно самоотверженной в тяжёлые для родственников дни. Сама тёща слегла в нервном шоке сразу после смерти мужа, до сих пор практически не вставая с постели и ни с кем не разговаривая.

Тётка забирала Катю после школы к себе, и приводила домой на Смоленскую вечером, накормленную, вымытую и тщательно причёсанную, когда Руслан уже возвращался после работы. Иногда, если он задерживался допоздна, тётка оставляла Катю ночевать у себя.

Этим утром Руслан попросил Антонину оставить Катю до следующего вечера, будучи почти уверенным, что они больше не увидятся. На прощание он, крепко стиснув худенькие плечи дочери, шепнул ей: – Не забывай своего папонуку! – на что Катя, с удивлением взмахнув длинными ресницами, совершенно серьёзно ответила: – Ну как же я могу тебя забыть!

...Задумчиво шагая в сторону дома по Страстному бульвару, Руслан заметил на своём мобильнике срочное сообщение от Антонины: «Руслан! С Изольдой совсем плохо, я у неё. Катю отвела на Смоленскую и уложила спать. Извини!»

Руслан понимающе усмехнулся: это был очередной знак Аллаха – Он знал, что Руслану было суждено сегодня вернуться домой...

На кухне горел свет. Тихонько заглянув туда, он остолбенел: Катя, кляня носом, сидела в розовой, уже коротковатой ей пижаме, на диванчике. На её тонких коленях хищно поблёскивал заточенный Русланом клинок.

Стараясь не напугать дочь, Руслан одним мягким прыжком подскочил к ней и выхватил нож из слабеньких рук. Катя сонно встрепенулась и распахнула глаза: – Папонька! Ты почему так долго? Мне одной страшно было...

– Ты где это взяла?! – вместо ответа рявкнул Руслан.

– Он вот тут, на столе в кухне лежал, – виновато заморгала Катя, явно собираясь заплакать.

У Руслана защемило сердце от вспыхнувшей жалости, но он не смог заставить себя даже прикоснуться к дочери, не говоря уже о том, чтобы обнять и приласкать её – сейчас это казалось каким-то невыносимым двуличием.

– Иди спать, – уже мягче сказал он. – Очень поздно.

– Сказку хочу! – тут же капризно заныла она. – Про Бармалея...

– Никаких сказок! Иди спать. Немедленно! – вновь сурово приказал Руслан, и Катя, продолжая поскуливать, послушно потопала босыми пятками по коридору, волоча за собой по полу детское одеяльце.

Стараясь не глядеть ей вслед, он, держа нож в вытянутых руках, опустил на колени. Однако твёрдость в душу так и не приходила.

15 декабря, 20... года Москва, Смоленская набережная

Руслан проснулся на том же кухонном диванчике, на котором вчера вечером застал Катю. Он не сразу понял, что его разбудило, да и вспомнить, как он тут оказался было непросто – отключился уже под утро после серии испуганных молитв, доходящих до опустошающего экстаза и безудержных потоков слёз то ли облегчения, то ли неизбежной вины.

Постепенно сквозь продолжавшие звучать в голове звуки молитвенного пения проступило треньканье телефонного звонка. Он встрепенулся – это был рингтон Абу-Бакра.

– Ты что там, брат, спишь ещё что ли? – послышался в трубке насмешливый хриплый бас. – Я уж волноваться было начал. В школу да на работу не опоздай – всё до поры должно выглядеть как прежде.

Руслан пробормотал что-то извинительное.

– Ладно, ладно, слушай меня: отведёшь дочь в школу – ступай на работу и бери отпуск по семейным. До конца декабря – потом уж ничего не понадобится!

Абу-Бакр довольно захохотал – чувствовалось, что у него прекрасное настроение. – А вечером мы с Асланбеком и Мовлади к тебе подъедем, чтобы не скучно было без жены и тёщи – поживём вместе уже до окончания дела.

– Да, и Антонине этой скажи, что теперь ты сам Катей будешь заниматься, – добавил он. – Чтоб не вздумала припереться не вовремя, а то придётся её по кускам в мусоропровод спускать.

После возвышенных состояний, пережитых Русланом за долгое ночное общение с Всевышним, голос Абу-Бакра, и особенно его слова, казались приземлённо грубыми, карябающими нежную кожицу вновь народившейся души.

– Хорошо, – ровно произнёс он.

– Отлично! – бодро подвёл итог Бык. – Скоро увидимся – и теперь уж вместе до самого финала, брат! Каким бы он не был, будь на всё воля Аллаха!

По дороге из школы Руслан почти не разговаривал с Катей, лишь изредка односложно и невпопад отвечая на её жизнерадостное щебетание. Он так и не мог пересилить в себе тягостное ощущение хладнокровно совершаемого предательства.

Уже выйдя из лифта и отряхивая присыпанный снегом капюшон дочери, он сообщил ей: – К нам сегодня придут в гости три дяди. Ты их не бойся – они поживут немного, и скоро уедут.

Катя настороженно замолкла.

Чеченцы заявили поздно вечером. Успевший снова по глаза зарости щетиной Абу-Бакр вместе с торжественно молчаливым Асланбеком и вечно-весёлым шофёром Мовлади, тихо ругаясь почеченски, протащили в спальню Руслана несколько тяжелых мешков военного вида. От одного из них на коридорном паркете протянулись редким пунктиром смазанные тёмно-красные штрихи.

Абу-Бакр, с хрустом потягиваясь, вышел в коридор. – Вахтёр, – коротко пояснил он удивлённо глядевшему на алые полосы Руслану. – Он бы, сука, обязательно в милицию позвонил, а нам сейчас эти стычки совсем ни к чему.

– А что, нельзя было без крови? – хрипло поинтересовался Руслан.

– А-а! – раздражённо махнул рукой Абу-Бакр. – Мовлади. Джигит молодой, горячий – ему бы только кинжалом помахать... Да ты не волнуйся, он его уже перед самой дверью проткнул – теперь надо там следы проверить, да здесь всё затереть.

Тут только он заметил испуганно выглядывающую из двери своей спальни Катю. – Ну, здравствуй, красавица! – сладко пропел он, опускаясь на корточки.

– Бармалей!... – с восторженным ужасом прошептала она, отступая назад.

– Не Бармалей, а Абу-Бакр, – широко улыбнулся в ответ бородач. – Я – самый настоящий джинн. Знаешь, кто это? Давай-ка иди в кровать, и я расскажу тебе сказку о волшебном золотом поясе. А пока вот на, держи конфетку! – он порылся в карманах камуфляжки и действительно извлёк оттуда какой-то леденец.

– Мы не даём ей конфет на ночь, – сказал Руслан, и только потом сообразил, насколько бессмысленно глупы его слова.

Абу-Бакр ухмыльнулся усмешкой демона-искусителя и поводит леденцом перед лицом Кати.

– Я не ем конфеты на ночь, – насуплено сказала она и отвернулась.

30 декабря, 20... года

Москва, Кремлёвский дворец, Гербовый зал

В последнюю ночь накануне этого дня, после изнурительной беседы на кухне с полу-вменяемым Абу-Бакром, жутко выкатывающим покрытые выпуклыми кровавыми прожилками глаза и дотошно вновь и вновь выверяющим самые микроскопические детали предстоящего плана, то и дело отвлекаясь на краткие телефонные звонки, Руслан воспользовался очередной паузой и, украдкой глотнув водки прямо из горлышка, пошатываясь, направился в спальню Кати. Безмолвный Асланбек проводил его колючим взглядом, но не произнёс ни звука.

Он думал, что не будет спать всю оставшуюся ночь, однако едва опустившись на пол у кровати спящей дочери, поправляя сползшее одеяльце, сразу провалился в пустую черноту. Мозг оказался уже не в состоянии выдерживать зашкаливающие перегрузки и бесконтрольно отключился.

За морозным окном было ещё темно, когда встревоженный возглас Кати разбудил его: – Папа! Папа! Мы на Ёлку не опоздали?!

Он стремительно поднёс часы к глазам – было 6 часов утра.

– Катя, Ёлка в 6 вечера, – успокоительно пробормотал он. Слова выходили тяжело и неуклюже, искажаясь будто после инсульта.

Весь день он провёл в каком-то сомнабулическом оцепенении, бесцельно шатаясь по комнатам, время от времени обессиленно усаживаясь подремать то в кресло в тёмном углу гостиной, то на полу спальни у батареи, привалясь к последнему из оставшихся там брезентовых мешков.

В мешках была взрывчатка, которую чеченцы всю последнюю неделю деловито развозили по неизвестным Руслану объектам. Лишь в одном из чехлов наутро после их приезда обнаружился словно забальзамированный строгий вахтёр, до того похожий на прижизненного себя, что Руслан едва не поздоровался с ним, когда Мовлади, родственному обнимая труп, бережно извлёк его и уложил на кухонный линолеум.

Что-то весело ответив заглянувшему на кухню недовольному Абу-Бакру, он сноровисто расчленил тело: для начала одним движением ножа отделил голову, даже не сняв с неё массивных очков, а потом быстро рассовал по приготовленным непрозрачным пакетам кровоточащие куски плоти.

Руслан заставивший себя от начала до конца понаблюдать за методичной разделкой, не испытал ожидаемой тошноты, которой он безотчётно хотел себя наказать, только вдруг отметил мысленно, что из Мовлади получился бы неплохой хирург, или на худой конец

патологоанатом. Приходили и ещё довольно нелепые мысли о том, что их подъезд теперь остался никем не охраняем. Почему-то именно в этот момент он с особой остротой осознал, насколько глубоко всё-таки проросли в нём чеченские корни...

Уже так больше и не пожелав спать, Катя, пользуясь вседозволенностью последних дней, с раннего утра уселась перед видео-плеером смотреть мультики, время от времени шныряя на кухню, где чеченцы щедро угощали её обожаемым ею шоколадом. Руслан за целый день подошёл к дочери всего два раза, лишь постояв рядом и не найдя что сказать.

Впрочем, и все эти прошедшие дни он с ней почти не общался. Ему было неловко обнаруживать перед соплеменниками проявления ласки к дочери, но более всего он опасался, что случайные искры чувств смогут легко прожечь дыры в душе, с таким трудом затянутой твёрдым хитином. Катя, виновато поглядывая на него, видимо решила, что чем-то расстроила папёнку, и вела себя словно неприметный стебелёк травы.

С чеченцами, особенно с Мовлади, она быстро подружилась, и время от времени по дому разносился её щебечущий, столь похожий на материнский, смех, сопровождаемый дурковатым хохотом молодого джигита, и это заставляло непроизвольно ходить ходуном желваки Руслана, обуреваемого сложными чувствами ревности, смешанных с ощущением чего-то несправедливого.

Время от времени Асланбек скупым жестом собирал всех на молитву. Катя с затаённым любопытством заглядывала в комнату, где её папёнка в компании трёх бородатых дядек, бормочущих непонятные слова, отбивал истовые поклоны, но никаких вопросов ни разу не задала. Вся эта экзотическая атрибутика видимо воспринималась ею как сказочное преддверие новогоднего чуда.

...Когда Руслан отказался от обеда, приготовленного неунывающим Мовлади, Абу-Бакр внимательно взглянул на него и вынул из нагрудного кармана какую-то крохотную таблетку: – Выпей. Поможет сосредоточиться.

Даже не спрашивая что это, Руслан механически проглотил пилюльку, не запивая водой. Бодрее она его не сделала – накатило лишь какое-то космическое равнодушие.

Часа в четыре Абу-Бакр толкнул его, вновь бездумно застывшего в кресле: – Вставай, брат! Пойдём помолимся, да пора уже и Катю собирать. – Великан на мгновение задержался в дверном проёме. – Да, ребята из больницы только что звонили: у Людмилы и сына пока всё в порядке, – как бы между прочим добавил он.

Платье из Катиного праздничного гардероба Абу-Бакр выбирал лично, со знанием дела озабоченно приговаривая: – Надо её причесать получше, самые красивые банты надеть – чтобы Президент непременно захотел на руки взять.

Румяная, взволнованная Катя стояла неподвижно словно кукла. Ради Ёлки она была готова беспрекословно вытерпеть всю эту колготню.

Когда Руслан ватными руками наконец защёлкнул на её крошечной талии застёжку тяжёлого золотого пояса, Абу-Бакр восхищённо цокнул языком: – Вах! Какая красавица! Принцесса!!! Клянусь Аллахом, Президент просто не сможет к ней не подойти!

Катя с благодарностью поглядела на него влажными глазами. Для неё и Президент, и Дед Мороз, и сам Абу-Бакр по всей видимости были персонажами одной и той же волшебной сказки.

– Бисмиллах! – выдохнул Асланбек, и четверо чеченцев торопливо опустили на колени вокруг девочки. Побледневшая от переживаний Катя в воздушном платье с пенящимися воланами казалась белым ангелом, смиренно возвышенным над склонившимися перед ней чёрными спинами...

Руслан дольше всех не вставал с колен, отказываясь верить, что Аллах до сих пор не останавливает этого сумасшествия. Где же предел, до которого должно дойти доказательство верности Ему?!

До Александровского сада они доехали под неумолкающие трели телефона Абу-Бакра и его резкие, отрывисто отдаваемые команды. Когда Руслан с Катей выходили из машины, он продолжал что-то быстро говорить в трубку, и лишь мотнул головой Руслану, сверкнув горящими глазами. На Катю он даже не посмотрел.

Перед входом в Паркетный зал Кремлёвского дворца, у магнитной рамки их приостановил улыбчивый охранник: – Вы договоритесь, где встречаетесь с дочерью после представления – чтобы долго не искать друг друга, – любезно порекомендовал он.

– Да-да... – рассеянно пробормотал Руслан. – Катенька, встретимся здесь, вот у этой колонны, или нет, давай вон под той картиной.

– Папонька! Так где же?

– Всё, иди, иди! Я тебя найду! – с раздражением бросил он. Всё совершающееся казалось ему какой-то бессмысленной, готовой вот-вот прерваться игрой.

Катя задорно махнула ему рукой и бросилась в толпу нарядных, возбуждённо галдящих детей.

Внезапно остро осознав, что видит её в последний раз, Руслан рванулся за дочерью, но охранник вежливо преградил ему дорогу: – Извините, вам дальше нельзя.

– Я забыл ей сказать что-то очень важное!

– Извините, гражданин! – повысил тот голос. – Туда нельзя.

Заслышав перепалку, к ним стали торопливо подтягиваться другие охранники, плотно обступая его со всех сторон. Руслан услышал, как кого-то срочно вызывают по рации.

Он всё ещё мог бы расшвырять их, и догнав мелькающие в длинной очереди детей золотистые волосы, сорвать с дочери этот дьявольский пояс... но из него как будто выдернули стержень, соединявший воедино

волю и тело. Он покорно опустил голову, повернулся и, едва передвигая ноги, поплёлся к выходу. Его плохо слушающиеся губы шептали слова неизвестной ему самому молитвы.

Медленно пересекая Александровский сад, Руслан несколько раз огляделся. Вокруг светились праздничные огни, раздавались возбуждённые радостные голоса, новогодняя музыка, и совершенно не представлялось, что через несколько минут за древними кремлёвскими стенами должно произойти что-то невообразимо ужасное.

В глубине души он по-прежнему был убеждён, что Аллах просто проверяет его на стойкость, как когда-то испытывал Ибрагима, и в самый последний момент чудесным образом отведёт от дочери руку смерти.

Добредя по Воздвиженке до Романова переулка, Руслан едва не свернул машинально в сторону своей больницы, но тут сзади с визгом подлетел чёрный «Мерседес», выведя его из состояния протрации. Абу-Бакра внутри не было.

Необычно сосредоточенный Мовлади, едва дождавшись пока за Русланом захлопнется дверца, с места набрал было космическую скорость, но с руганью резко сбавил перед затором на Новом Арбате. До Кутузовского они ползли в потоке машин, а там «Мерс» резко вырулил на центральную «правительственную» полосу и, с облегчением заурчав, будто оторвался от дороги.

– Ха! Ну всё – теперь по Средней Полосе кроме нас ездить некому! – вдруг подскочив, торжествующе выкрикнул Мовлади, выхватывая провод из левого уха. – Нету больше у России правительства! Готово! Сделал ты их в лучшем виде, брат! Эх, теперь такое начнётся...

Машина с визгом выписала на дороге невообразимый пируэт, а шофёр, продолжая возбуждённо скакать на сиденье, уже кричал кому-то в микрофон: – Да едем, едем! Вы там рейс держите, чтобы без Ибрагима не улетел! Поздравляю вас, братья, время искупления пришло! До связи.

Закончив вопить, он извлёк откуда-то небольшой пакет и сунул его каменному Руслану: – Вот твой саудовский паспорт, бабло на дорогу и билеты сначала до Парижа, оттуда утром – в Дубай, а там уже наши встретят. Ай, ну и молодец ты, брат! ...

Слово «Париж» неприятно кольнуло Руслана. «Наверное, и маршрут Абу-Бакр выбирал со смыслом», неприязненно подумал он, и тут же оборвал сам себя, процедив сквозь зубы: – Боже праведный, о какой же херне я способен сейчас думать! ...

30 декабря, 20... года

В самолёте, рейс «Air France» 2245, Москва – Париж

Едва дождавшись, когда на рукоятке кресла после взлёта засветилась включённая наконец панель радио, он принялся лихорадочно перескакивать с канала на канал новостных станций,

напряжённо вслушиваясь в трансляции на русском, английском или арабском, а натываясь на скороговорку непонятного ему языка, пытался хотя бы по интонациям дикторов уловить, не идёт ли речь о Москве.

Однако эфир струился уютным благодушием и волнительным предвкушением близкого праздника. Мир беззаботно готовился к новогодним торжествам. Сводки новостей были заполнены обзорами уходящего года, оказавшегося для планеты на редкость мирным и стабильным, что вдохновляло обозревателей на смелые радужные прогнозы в отношении года грядущего.

Руслан прикрыл глаза и в который уже раз воззвал к Аллаху с отчаянной мольбой, чтобы всё происшедшее сегодня оказалось лишь игрой, фарсом, мистификацией, нелепо возведённой его воспалённым, издёрганым воображением до масштабов всесветной катастрофы. Ведь свою преданность Аллаху он честно доказал, а для Него это куда важнее, чем реальный результат. Именно так утверждал его духовный учитель.

Убаюканный сладкими напевами комментаторов, он уже начал было проваливаться в воздушные ямы дремоты, как вдруг в бодрствующий уголок мозга ввинтился напряжённый голос репортёра Би-Би-Си:

– ...Экстренные новости из Москвы. По неподтверждённым сведениям сегодня вечером на территории московского Кремля произошёл взрыв. Сообщений из российских официальных источников пока не поступало. Мощность взрыва и количество жертв неизвестны. Однако по косвенным признакам можно предполагать, что причинённые взрывом разрушения являются серьёзными. Судя по плотному оцеплению всей центральной части Москвы подразделениями специального назначения, причиной взрыва мог быть террористический акт...

Пальцы Руслана судорожно побежали по пульту переключения каналов. Станции одна за другой прерывали свои праздничные репортажи, чтобы разнести на весь мир тревожное известие.

В голове Руслана вспыхнула огненная точка, стремительно разрастаясь до размеров Вселенной...

31 декабря, 20... года Париж, аэропорт Шарль де Голль

Он плохо помнил, как очутился в стеклянной галерее одного из терминалов огромного аэропорта. Его левая рука крепко сжимала зелёный саудовский паспорт и билет в Эмираты. Очнувшись, он механически пролистнул странички: гражданин Королевства Саудовская Аравия... Арслан Ибрагим аль-Дудаи... транзитная французская виза... зарегистрированный вылет в Дубай в 8 утра парижского времени.

Он со скрежетом зубов сунул бумаги в карман. Ещё одна новая жизнь... Вот только жизнь ли это?!...

Его блуждающий взгляд переполз на электронное табло – до рейса оставалось почти десять часов... Он поднял глаза ещё выше – прямо над табло сияла огромная реклама отеля «Шератон» в здании Терминала 2. Он двинулся было в направлении, указанном ярко-жёлтой стрелкой, но внезапно силы будто испарились из него, и он, изнурённо выдохнув, опустился в ближайшее кресло у выхода на посадку.

Он надеялся сразу же мертвецки заснуть, но вместо этого оцепенело просидел в горячечной полудрёме часов до пяти утра, когда в витринах киосков принялись суетливо выставлять первые утренние газеты. Все они огромными буквами молча кричали одно и то же слово: МОСКВА!!!

Он с усилием встал и, пошатываясь зайдя в киоск, сложил стопкой на прилавке все газеты на английском языке. Вернувшись на своё кресло, он нетерпеливо трясущимися руками распахнул «Дэйли телеграф» и застонал.

Глаза прыгали по строчкам, лихорадочно считывая информацию и препровождая её в мозг, но тот отказывался впускать в себя этот кошмар:

...в результате вчерашнего взрыва в Кремле погиб целый ряд высокопоставленных руководителей России...

...по некоторым сведениям в числе жертв – президент России, премьер-министр, несколько ключевых министров и руководителей силовых ведомств...

...после взрыва в Кремле серия почти одновременных взрывов прогремела в московском метрополитене в разных районах города. Произошло обрушение ряда туннелей и вестибюлей станций. Движение метро полностью парализовано. Тысячи людей остаются под землёй. На поверхности столицы России царит хаос и паника...

«А ведь там же осталась Людмила с моим ещё не родившимся сыном! – застучала в голове тяжёлая мысль. – Неужели Абу-Бакр не выполнил своего обещания?!» Он непроизвольно вскочил, обводя горящим взглядом негустую толпу народа вокруг себя.

Люди лениво полулежали в креслах, замедленно бродили с дымящимися стаканчиками кофе взад-вперёд по застеклённой галерее, сквозь огромные окна которой уже затекал вовнутрь романтически-розоватый парижский рассвет. Двое молодых людей, негромко переругиваясь, с топотом пробежали к дальнему выходу, волоча за собой огромные чемоданы. Перед витриной газетного киоска стояло несколько человек, но по сонно-скупающему виду было понятно, что новости из Москвы их волнуют мало.

Руслан бросился к висящему в углу телевизору, на экране которого беззвучно шевелил губами озабоченный диктор Си-Эн-Эн, и резко прибавил громкость. Галерею сразу наполнила бурлящая английская речь: – ...В Москве со вчерашней ночи полностью обесточены Центральный и некоторые другие районы. Работают лишь аварийные генераторы отдельных учреждений. Во многих районах отсутствует водоснабжение, практически не действуют системы оповещения и

средства связи. Улицы столицы России забиты автомобилями и людьми, панически покидающими город...

Кто-то фамиллярно похлопал Руслана по плечу, и он молниеносно развернулся, готовый к схватке, однако это был лишь один из недовольных пассажиров: – Пардон месье, в столь раннее время это может быть интересно не всем, – с кривой улыбкой прогнусавил тот. – К тому же, от английской речи у французов обычно возникает несварение завтрака...

Руслан, ничего не ответив, выключил телевизор, и торопливо направился на уже объявляемую посадку.

В самолёте раздали свежие «Араб Ньюс» и «Нью Йорк Таймс». В саудовской газете было лишь короткое сообщение о серии взрывов в Москве, зато американцы уже успели раздобыть убийственные подробности: «По поступающим сведениям, серьёзные аварии произошли сразу на нескольких электростанциях, обеспечивающих энергоснабжение Москвы: ГЭС-1, а также Ивановской, Сходненской и Карамышевской ГЭС. Остающиеся станции не справляются с резко возросшей нагрузкой. Прекращение подачи энергии с основных ГЭС вызвало отключение других участков энергосистемы по «принципу домино»

«У нас на нём свет клином сошёлся!» – мрачно усмехнувшись, припомнил Руслан сетования Абу-Бакра. Значит, удалось ему-таки вовремя вызволить Умара.

«...В ночь на 31 декабря также полностью прекратили подачу электроэнергии Ленинградская и Воронежская атомные электростанции, – продолжала газета. – В настоящий момент неизвестно, каковы масштабы повреждений и опасность радиоактивного заражения, однако население массово покидает близлежащие районы. Правительство Санкт-Петербурга пытается остановить начавшуюся в городе панику...

...С околоземной орбиты на территорию Ставропольского края упал спутник. Данных о жертвах и разрушениях не поступало. Пока нет никаких оснований, считать это происшествие частью происходящей террористической атаки, но даже сам факт случившегося подчёркивает беспрецедентность и непредсказуемость ситуации в России»...

Все семь часов, проведённых в самолёте он то забывался короткими провальными отрезками, то время от времени выходил из ступора чтобы с накопившимися силами помолиться о спасении жены и сына, выслушивая новые и новые потоки уже не вмещающихся в голову сообщений о подрывах нефтепроводов, газо-станций, телефонных ретрансляторов, вокзалов и аэропортов, чередой убийств известных политиков, военных, учёных, журналистов...

Наступающий Новый год нёс России, да и всему миру, невиданные дотоле потрясения.

ЧАСТЬ 5

15 января, 20... года

Дубай, 7-звёздочный отель «Бурдж аль-Араб»

Так властно стучать в дверь его номера мог только один человек, поэтому Руслан несколько не удивился, увидев на пороге Абу-Бакра.

– Ассаляму-алейкум, брат! – заревел тот, вваливаясь в коридор с распростёртыми ручищами. По номеру поплыл знакомый запах отсыревшей кошмы. – Ну наконец-то я могу тебя обнять и расцеловать за то, что ты сделал во имя Аллаха!

Когда он наконец выпустил Руслана из своих медвежьих лап, тот некоторое время был не в состоянии вздохнуть, что косвенно подтверждало подозрение о наличии у него астенического синдрома.⁵⁴ Однако после первого же вдоха Руслан, успокаиваясь, решил, что причиной скорее была защитная реакция организма на распространившийся повсюду едкий козий дух.

Абу-Бакр самодовольно обвёл взглядом роскошный номер, более напоминающий убранством дворцовые покои султана. – Ну что, брат, можно сказать, что ты уже при жизни попал в рай! – Подмигнув, он картинно щёлкнул пальцами. Прикрытая дверь послушно распахнулась и служащий отеля в щедро расшитых золотом одеждах, кланяясь, ввёл в комнату трёх смуглых чернооких гурий. Руслана непроизвольно передёрнуло.

Великан по-хозяйски уселся в огромное кресло, которое сразу показалось маленьким, словно съёжившимся от опасения за свою судьбу. – Знаю, знаю, что тебя сейчас больше всего беспокоит, – начал он, посмеиваясь. – Ну, тебе и так тут уже сообщили, а я лично подтверждаю: с Людмилой всё отлично, как и было обещано. Мы её из Москвы вывезли в тот же вечер в безопасное место, под Сочи. Там прекрасные условия, врачи, охрана надёжная. Она даже ничего не заподозрила – у наших ребят ФСБ-шные удостоверения. Думает, что это ты через коллег отца постарался.

Он испытующе посмотрел на Руслана. – Ждёт звонка от тебя. Ну, я думаю, это скоро можно будет устроить. Ей уже рожать вот-вот, так что мы тебе сразу сообщим. Но можешь не волноваться – с сыном ничего плохого не случится. Тем более что ты теперь у Аллаха в особой милости!

Не выдержав, он возбуждённо вскочил и заходил по комнате. – Ты не представляешь, что там сейчас творится! – Он вынул из кармана и

⁵⁴ Проявляется в повышенной утомляемости, ослаблении или утрате способности к физическому и умственному напряжению. Характерна непереносимость яркого света, громких звуков и резких запахов. Возникновение синдрома связывают с истощением функциональных возможностей нервной системы при её перенапряжении, а также вследствие интоксикации внешнего или внутреннего происхождения. Синдром рассматривается как приспособительная реакция, снижающая интенсивность деятельности различных систем организма с последующей возможностью восстановления их функций.

небрежно швырнул на хрустальный столик сложенный вдвое журнал «Тайм», траурно блеснувший чёрной глянцевой обложкой. – И ведь это – только начало исполнения нашего великого плана! Пока только отомстили им, зато сразу за всё: и за генерала Ермолова,⁵⁵ и за 44-й год, и за Джохара, и за войны – первую и вторую! ...

Он привычным жестом хищно потёр руки, потом, будто опомнившись, воздел их к небу и, благоговейно сложив на груди, с чувством выговорил: – Аллаху акбар!

Став вновь благостно-смирненным, Абу-Бакр, долгим взором обласкал стоящих вдоль стены девушек и повернулся к Руслану: – Ну, ладно, брат, я здесь буду ещё несколько дней – поговорим. А пока не буду тебе мешать. – Он игриво поцокал языком, и снова подмигнув Руслану, вышел, как всегда беззвучно прикрыв за собою дверь.

Постояв несколько секунд в мрачной задумчивости, Руслан встрепенулся и раздражёнными жестами отправил девушек по мраморной лестнице на верхний этаж номера, где на обширной веранде, пышно засаженной тропическими растениями, располагался его частный бассейн с джакузи, а сам схватил в руки принесённый Абу-Бакром журнал. На чёрной обложке огромными красными буквами горели слова: «Россия во мгле. Уэллс отдыхает». Он упал в кресло у окна и, морщась от звонких девичьих вскриков и плеска воды, доносящихся сверху, нетерпеливо раскрыл журнал.

Не читая, а словно всасывая в себя содержание центральной статьи, Руслан ощущал, будто держит в руках приговор когда-то любимой им стране:

«...Россия охвачена параличом власти, невозможно сказать, кто сейчас управляет государством, если им кто-то способен теперь управлять вообще, – тревожно сообщал «Тайм». – Контроль утрачен даже над армией – самой организованной структурой общества: налицо массовое неподчинение приказам из центра, дезертирство солдат и офицеров.

Продолжается обвальное бегство жителей Москвы, Санкт-Петербурга и центральных районов на периферию и в сопредельные страны. Практически все иностранные консульства в России прекратили выдачу виз, даже Украина и Белоруссия ввели жёсткий пограничный контроль. Пограничникам балтийских республик дан приказ открывать огонь на поражение по пересекающим границу беженцам.

Дальний Восток, остававшийся до сих пор наиболее стабильным регионом России, провозгласил создание «временной» Дальневосточной республики в связи с недееспособностью центральной власти. Этот шаг поддержал командующий Дальневосточным Военным округом, объявив себя министром обороны самоназванной ДВР. Объявлено о

⁵⁵ Алексей Петрович Ермолов – русский генерал, герой Отечественной войны 1812 года, более известный как покоритель и усмиритель Кавказа в ходе войны 1817-1864 гг., которую он вёл твёрдыми, подчас жёсткими методами. Знаменита, в частности, его фраза: "Чеченцы – народ, перевоспитанию не поддающийся. Только уничтожению."

беспрепятственном приёме беженцев из западных и центральных областей, однако каким образом они смогут добраться до Дальнего Востока – неясно: движение воздушного и ж/д транспорта, особенно на дальних направлениях, практически парализовано.

Тем временем Китай заявил о возможности ограниченного ввода войск на «некоторые территории Дальнего Востока и Сибири», с целью обеспечения безопасности находящихся там китайских граждан. Некоторые эксперты считают, что китайцы намерены воспользоваться потерей централизованного и оперативного управления российскими вооружёнными силами чтобы аннексировать «спорные земли», о которых не вспоминалось со времён Мао Цзэдуна – то есть Приморье и значительную часть Сибири.

Япония в свою очередь заявила о готовности вернуть контроль над незаконно отторгнутыми Россией так называемыми «северными территориями», включающими Курильские острова, часть Камчатки и остров Сахалин по 50-ую параллель...»

Руслан непроизвольно перескочил взглядом через несколько абзацев.

«...В Чечне бесследно исчез президент. О его «трусливом бегстве» объявил т.н. Совет Чистого Ислама, взявший на себя всю полноту власти в республике. Советом провозглашена государственная независимость Чечни и введение шариата на её территории.

В республике начались массовые аресты и публичные казни. В число наиболее преследуемых вошли лица, сотрудничавшие с федеральными властями, открытые противники ваххабизма и даже религиозные деятели, считавшиеся умеренными.

Похожие события происходят в соседних с Чечнёй Ингушетии и Дагестане, с тем лишь отличием, что президенты обеих республик были захвачены и публично казнены в тот же день на центральных площадях их столиц...»

Он потряс головой и перевернул ещё страницу. На него смотрела крупно увеличенная фотография – кадр телетрансляции из Кремля за мгновение до взрыва – весело смеющаяся Катя на руках улыбающегося Президента.

Руслан в неистовстве швырнул журнал в угол и обхватил голову руками: – Что я наделал... Что же я наделал?!

Он медленно сполз с кресла на пол, засунул голову под толстенный ковёр и завыл негромко и страшно.

Солнце медленно покидало комнату, уходя за высящуюся вдалеке чудовищную громаду «Бурдж Халифы»⁵⁶, словно горделиво символизирующую собой смену мировой власти.

⁵⁶ «Бурдж Халифа» – самое высокое здание мира из 162-х этажей, с мечетью на верхних этажах. Высота башни составляет 828 метров. Открыта в эмирате Дубай в январе 2010 года.

3 февраля, 20... года
Дубаи, отель «Бурдж аль-Араб»

Руслан задумчиво сидел перед нетронутой тарелкой у прозрачной стены подводного ресторана «Аль-Махара»⁵⁷, когда на его плечо опустилась знакомая тяжеленная ладонь.

– Ну, брат, пляши! – разнёсся над ухом бас Абу-Бакра. – Ты теперь – отец джигита!

Руслан вскочил, опрокинув стул. – Когда? Как они? Где сын? – захлёбываясь, закричал он.

– Да всё отлично, отлично! – довольно посмеивался Абу-Бакр, похозяйски усаживаясь за стол. – Давай-ка, пока мы одни, отметим это дело по-нашему. – Он резким щелчком пальцев подозвал официанта и, не глядя в меню, продиктовал короткий заказ, в который первым номером вошла бутылка «Серого гуся».

– Пристрастился я к этому «гусю» в Москве, – пожаловался он Руслану. – Прямо ностальгия иногда одолевает. Да уж... теперь там не то что «гуся», воды чистой не найдёшь...

Он сокрушённо махнул рукой, будто в том, во что превратилась сейчас Москва, был виноват кто-то другой. – Ладно, ладно, сейчас не только расскажу, но и покажу! – он извлёк мобильный телефон, на вспыхнувшем экране которого возникло изображение кричащего младенца с редкими завитками чёрных волос на бугристой голове.

– Какой красавец, а!? – искренне восхищался Абу-Бакр, передавая телефон Руслану, вырывавшему трубку из рук. – Сразу видно: наша порода, нохчи!... Позавчера родился, почти пять кило...

– Как позавчера? – возмущился Руслан. – Мне же и вчера, и сегодня сообщали: ещё нет...

– Я приказал ребятам: тебе ни слова! – заявил Абу-Бакр. – Специально сюда прилетел, чтобы лично сообщить.

Он полюбовался на свет мягко переливающейся в бутылке водкой. – Ну, давай! Сын теперь есть у тебя – это великое дело...

– Где они сейчас? – проглотив сгусток огня, ещё раз спросил Руслан, не притрагиваясь к закуске.

– Всё там же, – с аппетитом жуя, уклончиво ответил Абу-Бакр. – Не переживай – им хорошо. Гораздо лучше, чем кому-либо сейчас в России.

Он внимательно взглянул на Руслана. – Ладно. Думаю, что в честь такого праздника можно вам и поговорить. Только смотри – лишнего не болтать. Про Катю она ничего не знает, вы сейчас живёте все вместе у тёщи. Людмиле вообще всю поступающую информацию фильтруют, так что она понятия не имеет, что в России на самом деле творится. Чтоб молоко не пропало от переживаний, – пояснил он.

⁵⁷ «Аль-Махара» (устрица – араб.) – считается одним из самых дорогих и лучших ресторанов в мире. Находится под водой, стены изготовлены из прозрачного пластика.

Отобрав телефон у Руслана, он не глядя пробежал пальцами по кнопкам и отрывисто сказал в микрофон несколько слов по-чеченски. Трубка, которую Руслан тут же прижал к уху, успела нагреться от огромной ладони.

– Долго не трепись, – поднимаясь, предупредил Абу-Бакр. – А я пока схожу отолью.

Несколько секунд из телефона доносилось какое-то шуршание, потом вдруг совсем близко раздался басовитый детский плач. У Руслана вздрогнуло сердце. – Алё! – встревоженно произнесла трубка голосом Людмилы. – Алё!

Руслан кашлянул. – Ну, здравствуй! Как малыш? – напряжённо произнёс он.

– Руся! Русечка!!! – закричала Людмила. – Дорогой мой! Ты жив!!! А я уж начала думать, что меня обманывают, чтобы поменьше волновалась... Родной мой, где ты? Когда ты нас заберёшь? Как Катенька?

Он опять прокашлялся. – У нас всё в порядке. Мне надо сделать одно очень важное дело, потом приеду за вами. Расскажи лучше: как сын? Надо ведь подумать, как его назовём.

Людмила смущённо засмеялась: – Знаешь, я его уже назвала. Русланом, как и его папу. Руслан Русланович – правда, здорово? Он такой классный, на тебя похож... А как там мама?

– Мама? Хорошо, – уверенно ответил Руслан, потом поправился: – Вернее, уже лучше, но говорить пока не может. Тебе привет от неё.

– Ей тоже от меня большой-большой привет! Скажи ей, что я очень люблю её, всех вас. Так здорово, что ты наконец дозвонился...

– Люда, – произнёс вдруг Руслан каким-то не своим голосом.

– Что? – встревоженно спросила она, сразу уловив смену его интонации.

– Люда, мне нужно задать тебе очень важный вопрос... Мне необходимо знать... – торопливо заговорил он, увидев как Абу-Бакр, вышедший из ведущего в туалет коридора, приостановился в проходе, рассматривая неспешно скользящую вдоль прозрачной стены акулу.

– Ну да, конечно, а что за вопрос у тебя? – удивлённо проговорила она.

– Люда, я заклинаю тебя здоровьем нашего Руслана – мне необходимо знать правду! Только правду! – у него сорвался голос. – Скажи, честно мне скажи: у тебя было что-то с тем твоим художником тогда, в Париже?

– С каким художником? В каком ещё Париже? – растерянно отозвалась Людмила. – Руся, что ты такое несёшь?

Руслан помолчал. – С тем, который нарисовал твой портрет. Было у вас что-нибудь, когда ты в 2003 году ездила в Париж? – ровно повторил он.

– Ну что ты городишь, – устало ответила Людмила. – Сашка – он и не был в Париже никогда, насколько я знаю. Да и вообще, как свалил где-то ещё в 2001 году в Израиль, так я с тех пор о нём ничего и не слышала... А к чему ты об этом спрашиваешь, Русик? Я же тебе давно

уже сказала, что люблю только тебя, что после тебя мужчины для меня существовать перестали...

Она продолжала горячо говорить что-то ещё, но Руслан, прикрыв глаза, тихо перебил её. – Я всё понял. Извини, но мне важно было это услышать. Тогда ещё один важный вопрос: за что твой отец получил Героя России?

– Он не был Героем России, – удивлённо отозвалась Людмила. – С чего ты взял? Хотя, может ему уже посмертно дали. Я сейчас за новостями не слежу... – Она внезапно заплакала, но сразу взяла себя в руки. – Извини, Руся, я просто не хочу думать ни о чём, что повредило бы нашему Русланчику. Здесь ребята такие замечательные – они меня от всех отрицательных эмоций оберегают...

Руслан уже не слышал её. Обхватив голову руками, он шептал нечто бессвязное всё громче и громче.

– Руся, чего ты там говоришь? – донёлся до него голос жены. – Я тебя не понимаю!

Руслан с усилием поднёс телефон к губам. – Ничего, моя родная, ничего. Я только хотел сказать, что очень люблю вас всех. Дай мне только ещё раз услышать нашего сына. Ну, дёрни его хоть за нос, что-ли...

Когда Абу-Бакр вернулся наконец к столику, Руслан сидел неподвижно, держа трубку в опущенных руках и как-бы отстранённо вглядываясь в себя.

– Ну что, брат, побеседовал с сыном? – улыбаясь, осведомился бородач. – Не унывай: год-другой – и будешь с ним вместе.

Посмеиваясь, он извлёк чековую книжку Дубайского Исламского банка и протянул Руслану. – Твоя. Не удивляйся, что сумма на счету такая длинная – это не ошибка.

Бык грузно опустился на стул и потянулся к бутылке. – У меня для тебя ещё один подарок приготовлен. Я, если ты заметил, о твоих просьбах никогда не забываю, – хвастливо прибавил он.

Руслан, очнувшись, пристально посмотрел на него будто впервые увидев.

– Сам уже, наверное, не помнишь, как сетовал в прошлый раз: эх, гитару бы мне сюда, – благодушно засмеялся Абу-Бакр. – Времени, мол навалом, а заняться нечем. Так вот, я тебе трофейную гитарку привёз – можешь теперь развлекаться.

Когда Руслан, пошатываясь, вернулся в номер, в коридоре за дверью действительно стоял прислонённый к стене большой футляр. Он задумчиво достал оттуда блеснувшую вишнёвым лаком гитару и, не включая света, сел в кресло у огромного окна. В номере было и без того светло от мерцающего в воде пролива отражения огней грандиозных небоскрёбов.

Он долго и неловко перебирал струны, пытаясь припомнить давно уже позабытые аккорды. Внезапно в памяти всплыла совсем старая

песенка, написанная его бывшим другом Сеней Родюшкиным когда-то на первом курсе:

*...Я не все истратил силы
Я сорву замки и нити
Только лица моих милых
Мне, пожалуйста, верните!*

Не допев до конца, он со звоном выронил гитару и затрясся от судорожных рыданий.

***Пятница, 23 февраля 20... года
Мекка, Великая мечеть Харам Бейт-Уллах***

У входа в широкие двери мечети Руслан вдруг резко остановился, и в спину ему с тихой руганью ткнулся кто-то, кого подпирала сзади бурливая толпа.

«Зачем мне туда?» – недоумённо соображал Руслан, толкаемый со всех сторон. «К чему всё это, если их здесь нет?»

Он с трудом выбрался из галдящей людской толчеи и застыл в растерянном оцепенении под ослепительным аравийским солнцем. Куда они подевались? С Абу-Бакром он разговаривал около трёх часов назад, когда тот со спутниками уже сидел в самолёте, вылетающем из Грозного в Мекку. Он вновь перевёл взгляд на часы. «Почему же их до сих пор нет? Неужели это снова знак Аллаха? Что же теперь – всё отменяется?!...»

Он оказался настолько оглушён этой мыслью, что едва не заплакал, с трудом удерживая себя в руках. С его душевным состоянием в последнее время действительно творилось нечто тревожное: он легко выпадал из равновесия, и срывался либо во вспышки опустошающего гнева, с болезненным упоением круша всё попавшееся под руку, либо в приступы постыдных, по-детски беспомощных рыданий навзрыд.

Но сейчас ни в коем случае нельзя было позволить себе ни того, ни другого. Слишком важный день сегодня, слишком важный! И именно сейчас надо немедля решать, что же важнее...

Его воспалённые, заматававшиеся мысли прервал знакомый рёв, перекрывающий гвалт толпы, и Руслан с облегчением вскинул голову. – А-а, брат! – мощно раздвигая людские волны, проталкивался к нему Абу-Бакр. – Ассаляму алейкум! Хорошо, что ты нас снаружи дождался! Внутри мы тебя точно бы не нашли.

В созданном им разреженном пространстве, словно в кильватерной струе флагманского броненосца степенно следовали Асланбек и шейх Бамматгирей-хаджи.

Сердце Руслана ликующе забилося. Пожалуй, ещё никогда в жизни он не испытывал счастья от вида жуткого бородача. – Слава Аллаху! – с неподдельной радостью вырвалось у него. – Я уж не знал, что думать – куда вы подевались...

Тяжело гудящее напряжение, давящее его с самого утра, враз сменилось крылатой восторженной лёгкостью. Они здесь! Значит всё это действительно угодно Аллаху.

– Да уж, едва не опоздали! – озабоченно буркнул великан, сияющийся как всегда жёстко стиснуть Руслана, преодолевая напор влекущей их в воронку дверей толпы. – Дела всё эти, шайтан их побери, не отпускали до самого последнего момента: даже самолёт пришлось задержать. Ну, ничего – Шамиля там оставили на делах – он разберётся...

Руслан, как бы непроизвольно подчиняясь завихрениям людского круговорота, отстранился от него, избежав слишком тесных объятий. Асланбек лишь покровительственно тронул его плечи, а старик, припав к нему бесплотными руками и бормоча приветствие, виновато, как показалось, опустил морщинистые веки. Шейх вообще выглядел очень утомлённым. Руслан попытался сочувственно улыбнуться, но улыбка вышла какой-то злорадной...

Отвернувшись от него, Абу-Бакр с нарочитой учтивостью извинился перед пожилым имамом в белом тюрбане, которого невзначай толкнул. Тот в ответ проворчал что-то недовольное.

Бык пренебрежительно хмыкнул: – Умеренные... Всё, кончились времена их мягкотелости! Теперь деваться некуда: или пойдут за нами как миленькие, или народ сметёт их точно ненужный мусор!

Асланбек со значительностью кивнул: – Теперь-то всем ясно, что истинная сила за нами – теми, кто всегда оставался твёрд.

Великан придвинул пахучую бороду к уху Руслана: – Эх, брат, всего три недели с тобой не виделся, а столько всякого уже успело произойти! Ну теперь-то ты наконец понимаешь, какое великое дело мы сделали – мир перевернули! – Громко рассмеявшись, он триумфально воздел руки к одному из виднеющихся минаретов мечети.

Асланбек одобрительно оглядел Руслана с головы до босых ног: – Тебе идёт этот арабский наряд: абая⁵⁸, ихрам⁵⁹! Я тебя едва узнал сзади. – Он солидно прокашлялся. – Вижу, ты поправился, это хорошо. А то ведь нам передавали: исхудал совсем, не ест, мол, ничего. Только в мечеть ходит по пять раз на дню.

– Так ведь место святое. Когда ещё я снова сюда попаду, – смиренно пояснил Руслан.

– Святое места на Земле не бывает, – одобрительно откликнулся шейх. – Сердце Ислама! Аллах давно ждал тебя здесь...

– Ай, молодец! – с азартом подхватил Абу-Бакр. – Передохнул – и снова готов в бой! Ты нам сейчас там очень нужен, работы невпроворот. Кстати, – шепнул он гордо. – Я теперь отвечаю за внутренние дела всего Кавказского Эмирата. Но скажу по секрету – это только пока. Пойдёшь ко мне в заместители? – Он опять оглушительно захохотал.

⁵⁸ Абая – верхнее арабское одеяние, представляющее собой длинный халат без застежек с широкими длинными рукавами

⁵⁹ Ихрам – традиционный арабский головной убор — платок, опоясанный жгутом

В таком экзальтированном настроении он видел Абу-Бакра лишь однажды. У него даже мелькнуло подозрение, что тот успел уколоться перед мероприятием, но он отмёл эту мысль. Не в правилах Быка так безрассудно рисковать, тем более в столь ответственный момент.

Сегодняшний день был назначен стать поворотным пунктом истории. Никогда ещё в одном месте не собиралось столько духовных и политических предводителей разрозненных движений, обладавших реальным авторитетом и властью в мусульманском мире. Грозные события, чуть ли не в одночасье искажившие лик Земли, словно онемевшей от ужаса перед исполинской мощью вырвавшегося из её недр восточного джинна, безотлагательно требовали слияния в единое русло столь несходных, порой враждующих течений и потоков клокочущего магометанского сообщества, чтобы раз и навсегда заявить о монолитном могуществе Ислама.

– Всё уже предрешено! – не сдерживая самодовольства, громогласно гудел Абу-Бакр. – Тем, кого сюда пригласили только и остаётся, что к нашей победе присоединиться и правоту идей открыто признать. Фундамент – он и есть фундамент, без него ничего путного не создать – и мы это доказали! – он гулко хлопнул в ладоши.

– Истину говоришь, брат, – добавил Асланбек. – И аятоллы, и султаны, и все эти президенты сколько ни пыжились, а сегодня под наше знамя здесь публично встанут. Ну а те, кто не приехал, или своей поддержки нам не выразил – их дни Аллахом сочтены!

Абу-Бакр зловеще засмеялся, с чувством сжимая волосатый кулак: – Ха-ха! Это точно – и не с такими «правителями» уже разделались!

Асланбек опять с важностью кивнул и церемонно склонил голову, пока старый шейх негромко бормотал какую-то подходящую цитату из Корана.

«Лицемеры! – заискрилась вдруг неуправляемая ненависть в мозгу Руслана. – Под любой случай жизни толкование из Корана подведут! Сколько же людей продолжает ловиться на эту хитрую удочку! Сколько крови пролилось, и ещё будет литься, если их не остановить. Всех, разом! Нет, недаром Аллах даёт мне сегодня такой шанс...»

Вдоль хребта хлынули крупные мурашки от будоражащего искушения прямо сейчас сделать то, к чему он терпеливо готовился все последние дни, тем более что это было маняще легко: лишь два простых, отработанных до автоматизма движения... Он погладил пальцами проволочное кольцо под складками абаи, но сдержал себя: нет! Сначала они должны понять всё. И не только они.

Он опустил глаза, чтобы никто не разглядел полыхнувшего в них пламени фанатичной решимости. Однако его спутники были слишком поглощены происходившим вокруг, чтобы заметить взвинченное состояние Руслана.

Войдя в мечеть, Абу-Бакр с высоты своего роста долгим хищным взглядом обводил кипящую вокруг них толпу. Атмосфера огромного, наполненного людьми молельного зала напоминала бурливый восточный

базар. Казалось, все одновременно втолковывают друг другу что-то, размахивая руками в радостной ажитации.

Вы только взгляните, с какими личностями Аллах нас в один ряд поставил! – не смог сдержать Абу-Бакр своего упоения: – Вон мулла Омар⁶⁰, шейх Насралла⁶¹...

– Ещё бы, почти все самые уважаемые люди Джихада здесь, – закатив глаза, прибавил Асланбек.

Кровь в висках Руслана стучала всё сильнее. «Ну, вот. Вот! Момент подходящий... Главные людоеды уже собрались... Жаль, общее внимание привлечь не удастся, но пусть хотя бы эти трое всё услышат и поймут. Важно – держаться подальше от Быка. Надо встать так, чтобы нас разделял с ним кто-нибудь, и сказать...»

– Ты чего посмурнел? – будто почувствовав что-то, обернулся к нему Абу-Бакр. – А-а, да ты ещё не знаешь, какой чести нас удостоили! – подмигнул он. – Для нас как для самых почётных гостей в первых рядах места держат! Представь только: у самого минбара молиться будем!

Руслан шумно выдохнул. «Нет, ещё не сейчас. Миг не настал». Сквозь медленно стихающий звон в ушах, он расслышал слабый голос старца: – ...А самой главной неожиданностью для многих будет то, что проповедь прочтёт сам шейх бин Ладен, да продлит Аллах его годы!

– Как бин Ладен?! – не веря ушам, воскликнул Руслан. – Его же...

– Хха-а-ха! – взревел Бык, перекрывая шум волнующейся вокруг толпы. – Ты что, тоже поверил в эту американскую сказку?!

Он сокрушённо помотал массивной головой. – Помнишь, я же говорил тебе, что амир Асланбек специальную операцию под него разработал, как и для Шамиля. – Он мощно обнял и поцеловал в щёку остававшегося бесстрастным Асланбека.

– Представляешь, какой эффект будет для всех, если даже ты удивлён! – громко зашептал он. – У нас на Кавказе Шамилю люди в ноги бросаются, чтят его как воскрешённого Аллахом пророком, так что же о бин Ладене мир сейчас подумает! – Он ещё несколько раз потряс безучастного Асланбека в своих объятьях.

Сердце Руслана вновь азартно заколотилось. Это было совсем уж невероятной удачей, о которой он даже не мечтал.

«Ну что-ж! – весело подумалось ему, – Аллаху было угодно спасти его и привести сюда, чтобы я навсегда лишил этого шайтана права воскреснуть. Так будет на всё Его воля! А мне – да поможет Он собраться с духом и словами последней молитвы».

Идея священного возмездия осенила его, едва он узнал о спешно созываемом в Мекке всемирном Меджлисе борцов за веру, на который почётным гостем оказался приглашён и он в составе команды Абу-Бакра, и это сразу было воспринято им как прямое указание Аллаха на совершение судьбоносной миссии. Подспудно в Руслане уже давно зрело ощущение, что ему суждено сделать что-то по-настоящему стоящее, но

⁶⁰ Мухаммед Омар – основатель движения «Талибан», эмир «Исламского Эмирата Афганистан».

⁶¹ Хассан Насралла – лидер экстремистского движения «Хезболла» в Ливане.

он не мог вообразить, что именно. И вот судьба дарила ему невероятный шанс разделаться сразу с целым сонмом чудовищ.

Заявив своим чеченским соглядатаям о желании побыть одному в святых местах, он в тот же вечер улетел в Мекку.

Все те дни, пока он бесцельно и бездумно шатался в Дубай, то и дело срываясь в сокрушительные загулы, и будучи вызволяем из полиции опекунами-надзирателями под каждый раз возрастающий залог, время для него словно остановилось. Он не понимал, как и зачем ему жить дальше.

Рассудок раздирали сокрушительные эмоции: муки осознания чудовищности поступка, повлёкшего для мира неисчислимы бедствия, чувство неискупимой вины перед Катей, отчаянные приступы любви к оставляемому в мире хаоса сыну, жалость к ни в чём не повинной жене, унижительная досада за нелепо сложившуюся жизнь, опутанную лукавым обманом, на который он повёлся так безропотно – и вдруг всё это мгновенно сплывало в стальной стержень остро направленной ненависти, сделав его присутствие на Земле исполненным важнейшего смысла.

Теперь сладкое предвкушение мести будто анестезия разом заглушило все остальные чувства, и он временами ощущал себя неуместно счастливым, справедливо опасаясь как бы эта эйфория не лишила его остатков осторожности и благоразумия.

Никакого страха он не испытывал, хотя прекрасно понимал: в случае неудачи его неминуемая смерть будет мучительной не только физически. Но даже о таком исходе он думал с блаженным спокойствием, полагая что это стало бы вполне справедливой карой за уже сотворённое им.

Сильнее всех прочих сомнений его терзала мысль о необходимости совершить столь ужасающее действие в стенах святая святых для всех мусульман, каковым он без секундного колебания продолжал считать и себя, пока путём длинных, порой парадоксальных умозаключений Руслан не привёл себя к уверенности в том, что именно такой акт должен стать ритуальным символом безжалостного пересмотра всеми верующими понимания праведности и святости. Ведь те, кто узурпировал право говорить от имени Аллаха, завладели и всеми атрибутами веры, и этому было необходимо положить конец.

Ну а среди всех прочих доводов, главным был тот, что такого шанса, когда под одной крышей окажутся чуть ли не все самые зловещие персонажи мира, на его веку уж точно более не представится. Прости, Аллах, но этот удар направлен не против тебя, а напротив – с тем чтобы очистить твоё святое имя от самозванных пророков!

Самое главное, что его беспокоило по-настоящему – сопутствует ли ему на сей раз истинный Бог, или это вновь каверзы неистощимого в злокозненных происках Сатаны? Его измождённый непосильными перегрузками разум был не в силах разграничить тесно сплетающиеся добро и зло, и не получив ответа на свои отчаянные вопросы даже в

святейших мечетях, он решил фатально подчиниться лишь голосу сердца, не прибегая больше к помощи духовных посредников.

Он отдавал себе отчёт в практической невыполнимости столь грандиозной затеи для одиночки, но одержимо уповал на то, что им руководит Аллах, и вопреки здравому смыслу ему невероятно везло, как везёт зачастую фанатикам или сумасшедшим. Всё складывалось и сбывалось самым несказанным образом.

Мусульманские стражи, охраняющие великие святыни, оказались падки на деньги ничуть не меньше, чем «нечестивые» русские, благо внушительный банковский счёт Руслана позволял не скупиться. В отличие от своих прямых служебных обязанностей, корыстолюбивые арабы за мзду выполняли его указания споро и толково.

«Где же хвалёная вера этих людей? – брезгливо недоумевал Руслан. – Где их легендарный фанатизм? Ведь они не могут не понимать, для чего всё это делается... Нет, не зря нас учили, что даже в самой мощной машине всегда найдутся низкосортные, гнилые винтики, из-за которых может развалиться основа любого колосса» ...

– Что-то я Директора⁶² пока не вижу, – с сомнением пробурчал Абу-Бакр, продолжая оглядывать зал, – Может решил, что ещё рано появляться на публике? Тогда, наверное, аль Завахири⁶³ выступит, у него тоже красноречия хватает. – Он опять склонился к плечу Руслана: – Тоже, кстати, прекрасный хирург как и ты. Знал об этом?

– Я не хирург, – меланхолично отозвался Руслан. – Хирурги людей спасают, а я убиваю.

– Мы все – хирурги, – наставительно заметил Асланбек. – Избавляем человечество от недоброкачественных наростов.

– О, Аллах, слава Тебе за то, что позволяешь встать столь близко к Твоему престолу! – прошелестел за спиной Руслана благостный шёпот старика. Руслан нетерпеливо скрипнул зубами.

Несмотря на переполненность мечети, их тут же заметили и почтительно сопроводили в самые первые ряды, где было оставлено четыре свободных коврика.

Едва они протолкнулись к своим местам, как под сводами разнёсся протяжный крик муэдзина, умноженный громким эхом подвешенных к потолку по периметру всего зала колонок. Шурша одеяниями, присутствующие поспешно опустили ниц, с ревностным усердием припадая к полу. Зал наполнился протяжным напевом повторяемой многоголосым речитативом первой сунны служения.

Руслан, прилежно касаясь лбом пола и предавая тяжесть головы Земле, обращался к Всевышнему вместе со всеми, но слова произносимой им молитвы несли для него совсем иной смысл, нежели для окружающих:

⁶² Одно из прозвищ бин Ладена.

⁶³ Айман аль-Завахири – египетский радикал, давнишний сподвижник бин Ладена, считавшийся после него лицом №2 в «Аль-Каеде»

«Аузу бислияхи минаш-шайтан раджим... – приближаюсь к Богу и удаляюсь от побиваемого камнями сатаны...»

Очень быстро он отступил от обязательных слов молитвы. Личное обращение к Богу действительно помогло ему сосредоточиться. Его хаотичные мысли упорядоченно и торжественно складывались в мольбу об удачном свершении затеянного, покаяние за всё не благое, что он совершил и совершает, просьбу дать нужные слова, какие он произнесёт в последние секунды своей жизни, и вложить божественную силу и справедливость в руку, которая всё твёрже сжимала заветное проволочное кольцо...

Он поднял глаза лишь после завершения четвёртого ракяата, когда молящиеся ещё продолжали молча сидеть, сосредоточенно склонив головы. Неожиданно по залу пробежал трепет движения, и на минбаре возникла высокая худощавая фигура в длинной белой одежде. «Бин Ладен! Шейх бин Ладен!» – разнёсся ошеломлённый стон. – «Он жив! Он воскрес! О, Аллах, великий и всемогущий!!!...»

Эффект был потрясающий. Люди казались буквально оцепеневшими от явленного их глазам истинного чуда. Руслан краем глаза заметил, как Абу-Бакр довольно толкнул в бок Асланбека.

Осама невозмутимо возвышался на подиуме, касаясь большими пальцами мочек ушей, словно прожекторами освещённый множеством направленных на него глаз. Он поднялся лишь до предпоследней ступеньки лестницы, как бы оставляя верхнюю ступень самому Пророку.

Руслан невольно поразился, с какой простотой и скромностью держался этот человек, роль которого на Земле сейчас невозможно было переоценить. Совсем седой, но с юношеским румянцем и огнём в глазах, он без предисловий начал свою проповедь негромким голосом, от первых же звуков которого в переполненном людьми зале мгновенно наступила полнейшая тишина.

– Многие считали меня умершим, – буднично произнёс он. – Но Аллах велик, и Он снова доказал своё величие, вернув меня к вам для продолжения нашей борьбы.

Бин Ладен обвёл долгим взглядом благоговейно шелестящий зал. – Мы боремся уже давно, – так же спокойно продолжил он. – Вся история ислама – это борьба. Когда я начинал со своими несколькими соратниками – мало кто верил в успех, включая многих из вас, кто собрался здесь сегодня. Слишком неравными казались силы. Но мы твёрдо знали: нам поможет Аллах, нас поддержит вера в праведное дело.

Нами никогда не двигала жажда власти. Нет, мы не желали и не желаем брать власть в свои руки – мы боремся за то, чтобы вся власть на Земле была в руках Аллаха.

Он умиротворённо улыбнулся. – И вот дело Аллаха побеждает! Мы долго шли к этому, и теперь мир перерождается буквально в одночасье. Смертельно уязвлённая христианско-иудейская империя наконец рушится у нас на глазах. Все, даже самые сомневающиеся, окончательно убедились, что истинным богом является Аллах, и только ему должно поклоняться.

На родном для многих из нас Ближнем Востоке всё изменилось на самом коренном уровне. Волна народного гнева очистила уже почти весь исламский мир от тиранов и предателей Ислама. Мы наконец свободно собрались на этой святой земле, называемой Саудовской Аравией, благодаря тому, что коррумпированная и насквозь прогнившая королевская семья неспособна держать в страхе свой прозревший народ.

Бин Ладен мечтательно прикрыл глаза. – Власть Аллаха скоро установится над всей Землёй, и не будет ни единого островка, где не приняли бы его всем сердцем. Все, кто противится этому, должны умереть. Аллах акбар!

– ...Весь Северный Кавказ фактически стал единым Кавказским Эмиратом, – доносился до Руслана голос Бин Ладена, – И благодаря стараниям братьев скоро во всём регионе воцарится единственно правильный закон, данный людям Всевышним – это строгий, но справедливый Шариат.

Их пример поднял с колен бывших российских рабов – Узбекистан и Таджикистан. Было время, мы думали, что они забыли Аллаха в сердце своём. А теперь вера объединила их в восстановлении традиционного Бухарского ханства. Братья по вере в Туркменистане, Киргизии и даже в насквозь кяфирском Казахстане сбросили ненавистных Аллаху правителей и спешат присоединиться к ним. Татарстан и Башкирия объявили о своей независимости и желании влиться в создавшееся Ханство.

Уже не за горами создание новой империи Аллаха – Объединённого Исламского Халифата – от берегов Индийского океана до Полярного круга Европы.

И в него войдут не только традиционно мусульманские страны. Вся «цивилизованная» Европа – в беспомощной панике и параличе после наших недавних актов возмездия. К власти приходят дружественные нам правительства. Народные массы повсеместно принимают мусульманскую веру, и это – главная наша победа. Чуждые по культуре и историческому опыту люди наконец-то осознали, что их единственное спасение – в истинной вере, и они обращаются к ней всем сердцем...

«...Сколько запуганных и одурманенных людей! – горячими волнами пульсировало в жилах Руслана. – Сколько жизней в который уже раз исковеркано, сломано, уничтожено... В какую беспросветную дикость отброшен мир! А они торжествуют и строят новые планы...»

– Однако, – в голосе Бин Ладена проявилась озабоченность, – Большой Сатана – Америка, всё ещё в силе, и, хотя её могущество и всеисилие подорваны, нам предстоит нелёгкая борьба. Но главное заключается в том, что и там с каждым днём ширятся ряды наших сторонников. Братья трудятся упорно и терпеливо, приближая назначенный Аллахом час, и когда они разом восстанут – вот тогда и самый мощный неприятель будет наконец повержен.

Осама ласково улыбнулся. – А без него в мгновение ока рассыплется построенный на наших страданиях дом последнего и злейшего врага – Израиля. И счастливы будут те из живущих там, кто

вовремя откажется от презренного иудаизма и открыто перейдёт в веру, которую эти двоюродные братья наши по упрямству своему так долго отвергали. Мы великодушно предлагаем им мир и прощение, не смирившимся же – унижительное поражение и мучительная смерть.

Он покачал головой. – Ещё несколько лет назад многие из вас называли меня мечтателем и прочили скорую гибель. Я не в обиде на вас и никого не виню за это. Тогда такое непонимание было простительно. Но посмотрите вокруг теперь: сколь чудесно изменился окружающий нас мир!

Лишь вчера мы вынуждены были скрываться в лисьих норах в самых отдалённых уголках мира, даже делать вид, будто мы мертвы. А сегодня мы открыто собрались здесь, в самом священном мусульманском месте, и где же те, кто преследовал нас и охотился за нами?

Где президент и премьер России? Аллах призвал их к себе на суд. Где король Саудовской Аравии и его гордые принцы? Где продажные правители Эмиратов, Турции, Египта, Пакистана? Ждут своей очереди, чтобы предстать перед Аллахом.

Где же, наконец, президент «самой сильной» в мире страны? Никто не знает о его местонахождении! Теперь он, он прячется от нас где-то в своих подземных убежищах, в то время как мы громко на весь мир говорим ему: это тщетно, ибо дни твои сочтены Аллахом, поэтому лучше для тебя предаться добровольно Его суду и покаяться за себя и своё безбожное государство.

Он величаво поднял руки: – Дело Аллаха побеждает! Но ничего этого не стало бы возможным без вас, братья, без тех, кто жертвует всем, чтобы выполнить волю Аллаха и приблизить нашу победу.

И в том, что происходит сегодня, особая заслуга принадлежит нашим чеченским братьям, – он торжественно возвысил голос. – Вопреки тяжелейшим испытаниям, они всегда верили в величие Всевышнего, никогда не смирились перед неверными, а когда настало время – бесстрашно вступили в битву с огромной армадой. Их борьба казалась обречённой, но Аллах велик! Горстка избранных Богом людей сокрушила могучую империю, и другие теперь следуют их путём...

«Ну вот сейчас... сейчас...» – опять затикало в голове у Руслана. «Сразу же по окончании проповеди. Надо встать и повернуться к ним лицом... Чтобы они сразу поняли, что происходит...»

Бин Ладен сделал торжественную паузу. – Сегодня я хочу поклониться одному из героев Джихада, кто своим подвигом напомнил всем верующим о непреложности вечных заповедей. Подобно пророку Ибрагиму, он не колеблясь принёс в жертву своё возлюбленное дитя, дабы покарать бесчинствующих неверных, правивших Россией. И стоило этой незыблемой вере во весь голос заявить о себе, как по мановению волшебной палочки всё рухнуло там, словно карточный домик. Маленькая Чечня победила и уничтожила гигантскую империю зла. Это ли не торжество правоты нашей веры? Это ли не доказательство всемогущества Аллаха?

Острые тигриные зрачки Осамы остановились на Руслане: – Я знаю, он сегодня здесь, скромно молится среди собравшихся, может быть более именитых, нежели он. Но самоотверженность его духа заслуживает самой высокой хвалы. Подойди же сюда, сын мой, я хочу тебя обнять!

По мечети пробежал одобрителный рокот. Не до конца веря происходящему, Руслан медленно поднялся и, сопровождаемый полными восхищения взглядами, деревянными шагами направился по проходу к спустившемуся с минбара Осаме. Абу-Бакр, не удержавшись, привстал и напутственно хлопнул его по спине.

Он остановился, не дойдя нескольких шагов до бин Ладена, в ожидании распростёршего руки. За спиной Руслана пронёсся шёпот недоумения, но он лишь крепко стиснул зубы. Больше нельзя было делать ни шага. Под мозаичным узором пола вокруг минбара проходили мощные бетонные перекрытия, которые могли отразить детонационную волну...

На его удачу, бин Ладен сияя, сам приблизился к нему и, медоточиво улыбаясь, мягко обнял несколько раз. – Ну а теперь, сын мой, скажи всем нашим братьям по вере о своей безмерной любви к Аллаху. О той великой силе, которая питает наш неугасимый Джихад!

Слегка подталкивая в спину, бин Ладен направлял его на ступени возвышающегося подиума, но Руслан решительно взял у него из рук студийный микрофон и сделал два шага вперёд, чтобы отдалиться от железобетонных балок.

– Аллаху акбар! – негромко сказал он и облизал пересохшие губы.

По залу эхом пролетел отзвук приветствия.

– Я не мог и помыслить о таком счастье: обратиться сразу ко всем, собравшимся здесь. Но Аллах распорядился именно так, и теперь вы все услышите то, что вряд ли ожидали услышать. Ибо, по мнению моего духовного наставника, на все вопросы жизни ответ даёт Коран, а в нём сказано: наилучшим Джихадом является произнесение слова истины в присутствии несправедливого повелителя!

Мечеть наполнилась всё возрастающим гулом негодования. Он слышал, как переводчики запинаются, не осмеливаясь переводить произнесённую им дерзость и криво усмехнулся.

– Мне незачем больше притворяться. Совершенного мной уже ничто не может искупить – ни моя жизнь, ни даже десятки ваших чёрных жизней, которые я сейчас заберу с собою в ад. Но земной мир без вас сделается лучше...

В прозрачном воздухе мечети повисла ошеломлённая тишина. Лишь из динамиков доносилось хриплое дыхание Руслана.

– Остановите этого безумца! – раздался чей-то властный возглас. – Шайтан помутил его несчастный разум!

Зал взорвался возмущёнными криками и гулом, и к Руслану с разных сторон спешно бросились несколько охранников. Он резко распахнул халат, и все застыли, в оцепенении уставившись на широкие плотные ленты, обматывающие торс. В его кулаке блестело проволочное кольцо.

В зале наступила мёртвая тишина. Все взгляды были прикованы к руке, сжимающей тонкую проволоку. Он хрипло рассмеялся: – Вы сами обучили меня всему этому! В подвале мечети – тонна взрывчатки, которая сейчас сдетонирует.

Он снова облизал губы. – Но прежде вам придётся меня дослушать. Я не хочу, чтобы мой сын жил в сотворённом вами мире. Ведь вы исказили даже Бога, который перестал быть похожим на себя самого. Если он требует пролития крови безвинных и обещает за это награду – это не Бог, это лукавый искуситель. Вы и в Коране выискиваете лишь оправдания для ненависти, не желая замечать, что на самом деле он весь пронизан терпимостью и любовью к людям. Так отправляйтесь же туда, где стонут души обманутых и убитых вами – пусть они вечно плюют в ваши глаза!

Голос Руслана срывался, он говорил уже почти шёпотом: – Если бы я вовремя впустил Аллаха в своё сердце, он никогда не позволил бы мне сделать того, что я сделал. Но вашими руками мною управлял Дьявол!..

Вашими устами он обещал мне рай на небе, а создал такой ад в душе, страшнее которого уже ничего нельзя себе представить. Мост Сират⁶⁴ навсегда разошёлся под моими ногами...

Он, оскалившись, обвёл взглядом застывшие лица. – Прощения от Аллаха я не жду – ведь всё самое дорогое, что у меня было, я уже положил на неверную чашу весов, и этого ничто не способно перевесить... Жалею лишь, что придётся снова встретить всех вас в преисподней...

Его боковое зрение уловило горящий демоническим напряжением взор Абу-Бакра, который плавными кошачьими шажками неприметно подбирался к нему и был уже совсем недалеко.

Резко повернувшись, Руслан посмотрел ему прямо в налитые ненавистью глаза, но в этот момент кто-то из охранников справился с оцепенением и бросился на него сзади, опрокидывая на пол. Тут же на Руслана рухнули и другие, заламывая руки, пытаясь разжать вцепившиеся в тонкую проволоку пальцы.

Огромный зал в то же мгновение наполнился криками и суетой: одни бросились в направлении дверей, толкая и опрокидывая друг друга, другие зачем-то пытались удержать бегущих, хватая их за руки, за полы халатов, что лишь добавляло паники. Отлетевший в сторону микрофон метался на полу в толпе спотыкающихся об него ног, отчего в зале стоял адский скрежет и визг.

– Бисмиллах! – успел прохрипеть Руслан в восторженном упоении.
– До встречи в аду! ...

Угол древней мечети резко осел, и покрывшиеся извилистыми трещинами стены, медленно разваливаясь, вдруг разом сползли вниз,

⁶⁴ Сират – мост совести, проложенный через Ад, по которому мусульманину необходимо пройти, чтобы попасть в Рай. Мост широк для тех, кто в жизни следовал по верному пути, для грешников же «он острее сабли и тоньше волоска».

подняв каскады взметнувшейся жёлтой пыли. Последними в клубящихся тучах исчезли верхушки башен двух парных минаретов, словно нехотя подчиняясь таинственному закону зеркального преломления истории, мистически воссоздающему величавое падение близнецов Нью-Йоркского торгового центра...

*И сказал ангел Азраиль: О Господи мой, что есть Смерть?
И повелел Господь миров поднять покрывала над Смертью –
и подняли их и увидел Азраиль Смерть и воскликнул сонмам ангелов:
Остановитесь и смотрите и узнайте Смерть!
И остановились ангелы, и повелел Господь Смерти:
Распахни все свои крылья и лети над ними!
И распахнула Смерть крылья свои и полетела над ангелами,
и узрели ангелы её в полете, и устрашились до того,
что пали и лежали без чувств тысячу лет.
А когда они пришли в себя, то сказали:
О Господи наш, сотворил ли Ты кого-либо больше Смерти?
И ответил Господь миров: Я сотворил Смерть, и только Я больше неё...
И взял он Смерть и молчала она.*

М.Баженов «Небесные весы Мизан», ISBN 978-0-615-50228-1
Copyright 2011. Все права защищены.